

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

1. Страховщик, застраховавший дом гражданина и получивший от него страховую премию, не выясняя год постройки дома, при наступлении страхового случая не вправе отказать в страховом возмещении со ссылкой на то, что по условиям страхования дома данного года постройки на страхование не принимаются

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 20 августа 2024 г. № 71-КГ24-7-КЗ*

(Извлечение)

М. обратилась в суд с иском к АО “АльфаСтрахование” о взыскании страхового возмещения, неустойки и компенсации морального вреда, ссылаясь на наступление страхового случая и обязанность АО “АльфаСтрахование” произвести страховую выплату.

Судом установлено, что М. принадлежит 42/100 доли в праве собственности на жилой дом 1945 года постройки.

9 декабря 2021 г. между АО “АльфаСтрахование” (страховщик) и М. (страхователь) заключен договор добровольного страхования имущества от повреждения, гибели или утраты, в том числе в результате пожара, сроком действия 12 месяцев.

В подтверждение заключения договора истцу выдан страховой полис.

Согласно п. 3.3.1.4 договора страхования (полиса страхования) страхователь не принимает на страхование и страхование не распространяется на движимое имущество и внутреннюю отделку, находящиеся в жилых домах, построенных ранее 1960 года.

Однако в соответствии с п. 5.1 полиса на страхование принимаются внутренняя отделка жилого помещения (квартира или индивидуальный жи-

лой дом) и движимое имущество, находящееся в жилом помещении.

Страховая сумма по внутренней отделке составила 150 000 руб., по движимому имуществу — 150 000 руб., по гражданской ответственности — 200 000 руб. Страховая премия составила 2000 руб. и уплачена М. страховщику в полном объеме.

15 февраля 2022 г. в результате пожара застрахованное имущество было повреждено.

17 февраля 2022 г. истец обратилась в АО “АльфаСтрахование” с заявлением о выплате страхового возмещения, в удовлетворении которого страховщиком отказано со ссылкой на то, что застрахованный дом возведен ранее 1960 года, а следовательно, в силу условий договора не подлежал страхованию.

30 марта 2022 г. М. вновь обратилась в АО “АльфаСтрахование” с претензией о признании заявленного события страховым случаем и выплате страхового возмещения, в удовлетворении которого также отказано по тем же основаниям.

Решением уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг в сфере страхования в удовлетворении требований М. о взыскании страхового возмещения отказано, в связи с чем было подано исковое заявление в суд.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции согласился с тем, что по условиям договора страхования жилой дом истца с внутренней отделкой и находящимся в нем движимым имуществом, не мог быть предметом страхования в силу его постройки ранее 1960 года. Суд также указал, что несообщение страховщику об этом обстоятельстве вызывает сомнение в добросовестности и разумности действий страхователя.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что судебные постановления приняты с существенным нарушением норм права по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 и подп. 1 п. 2 ст. 929 ГК РФ по договору имущественного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить другой стороне (страхователю) или иному лицу, в пользу которого заключен договор (выгодоприобретателю), причиненные вследствие этого события убытки в застрахованном имуществе либо убытки в связи с иными имущественными интересами страхователя (выплатить страховое возмещение) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы).

По договору имущественного страхования может быть, в частности, застрахован риск утраты (гибели), недостачи или повреждения определенного имущества (ст. 930 ГК РФ).

Согласно п. 1 ст. 942 ГК РФ при заключении договора имущественного страхования между страхователем и страховщиком должно быть достигнуто соглашение:

- об определенном имуществе либо ином имущественном интересе, являющемся объектом страхования;
- о характере события, на случай наступления которого осуществляется страхование (страхового случая);
- о размере страховой суммы;
- о сроке действия договора.

В силу п. 2 ст. 940 ГК РФ договор страхования может быть заключен путем составления одного документа либо вручения страховщиком страхователю на основании его письменного или устного заявления страхового полиса (свидетельства, сертификата, квитанции), подписанного страховщиком.

Статьей 944 ГК РФ предусмотрено, что при заключении договора страхования страхователь обязан сообщить страховщику известные страхователю обстоятельства, имеющие существенное значение для определения вероятности наступления страхового случая и размера возможных убытков от его наступления (страхового риска), если эти обстоятельства не известны и не должны быть известны страховщику.

Существенными признаются во всяком случае обстоятельства, определенно оговоренные страховщиком в стандартной форме договора страхования (страхового полиса) или в его письменном запросе (п. 1).

Если договор страхования заключен при отсутствии ответов страхователя на какие-либо вопросы страховщика, страховщик не может впоследствии требовать расторжения договора либо признания его недействительным на том основании, что соответствующие обстоятельства не были сообщены страхователем (п. 2).

Если после заключения договора страхования будет установлено, что страхователь сообщил

страховщику заведомо ложные сведения об обстоятельствах, указанных в п. 1 этой статьи, страховщик вправе потребовать признания договора недействительным и применения последствий, предусмотренных п. 2 ст. 179 ГК РФ (п. 3).

Как следует из установленных судом обстоятельств и материалов дела, заключая договор добровольного страхования недвижимого имущества, страховщик не предлагал истцу указать год постройки дома, а истец не сообщала страховщику ложных сведений об этом обстоятельстве.

Обстоятельств введения страховщика истцом в заблуждение относительно времени возведения объекта недвижимости установлено не было.

Страховщик, отказывая в выплате страхового возмещения, и суд, отказывая в иске, сослались на п. 3.3.1.4 страхового полиса, именуемого страховщиком полисом-офертой, согласно которому не принимаются на страхование и страхование не распространяется на движимое имущество и внутреннюю отделку, находящиеся в жилых домах, построенных ранее 1960 года.

Между тем согласно пп. 5.1 и 3.6 этого же полиса на страхование приняты в том числе внутренняя отделка и движимое имущество, находящиеся в доме М.

Согласно ст. 431 ГК РФ при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом.

Если правила, содержащиеся в ч. 1 данной статьи, не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон.

В п. 45 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 “О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора” разъяснено, что, по смыслу абз. 2 ст. 431 ГК РФ, при неясности условий договора и невозможности установить действительную общую волю сторон иным образом толкование условий договора осуществляется в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия. Пока не доказано иное, предполагается, что такой стороной было лицо, профессионально осуществляющее деятельность в соответствующей сфере, требующей специальных познаний (например, банк по договору кредита, лизингодатель по договору лизинга, страховщик по договору страхования и т.п.).

Приведенные выше положения закона и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ не были учтены судебными инстанциями, ссылавшимися только лишь на один пункт полиса страхования без учета его иных положений и смысла договора в

целом, а также того, что договор был подготовлен и составлен страховщиком.

Кроме того, в соответствии со ст. 166 ГК РФ сторона, из поведения которой явствует ее воля сохранить силу сделки, не вправе оспаривать сделку по основанию, о котором эта сторона знала или должна была знать при проявлении ее воли (абз. 4 п. 2).

Заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности, если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки (п. 5).

Согласно п. 3 ст. 432 ГК РФ сторона, принявшая от другой стороны полное или частичное исполнение по договору либо иным образом подтвердившая действие договора, не вправе требовать признания этого договора незаключенным, если заявление такого требования с учетом конкретных обстоятельств будет противоречить принципу добросовестности (п. 3 ст. 1 ГК РФ).

Приведенные положения закона не были учтены судебными инстанциями, которые не дали оценки поведению страховщика, заключившего договор страхования конкретного объекта недвижимости и принявшего страховую премию безотосчитательно года постройки дома, а также не обсудили вопрос о наличии либо отсутствии у истца оснований добросовестно полагаться на заключенность и действительность договора страхования.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила решение суда первой инстанции, апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам суда апелляционной инстанции и определение судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

2. Для признания права собственности наследника на земельный участок, на котором расположен перешедший к нему по наследству дом, решения государственного органа или органа местного самоуправления о предоставлении наследнику земельного участка в собственность не требуется, если право собственности наследодателя на жилой дом возникло до введения в действие Земельного кодекса РФ

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 августа 2024 г. № 117-КГ24-5-К4

(Извлечение)

Д. обратился в суд с иском о признании права собственности на земельный участок и установлении границ земельного участка.

Как установлено судом, согласно выписке из Единого государственного реестра недвижимости (далее — ЕГРН) земельный участок площадью 2700 кв.м поставлен на кадастровый учет

25 июня 2011 г., категория земель — земли населенных пунктов, для строительства домовладения, граница земельного участка не установлена. В пределах земельного участка расположены объекты недвижимости.

Решением суда первой инстанции за Е. признано право пользования земельным участком в границах, определенных в кадастровом плане земельных участков от 29 ноября 2010 г.

Д. как наследник Е. на основании свидетельства о праве на наследство по завещанию от 9 апреля 2015 г. и договора дарения 1/2 доли от 24 января 2017 г., заключенного с другим наследником Е. — К., является собственником жилого дома и надворных построек.

6 декабря 2022 г. Д. обратился в Управление государственной регистрации права и кадастра с заявлением о государственной регистрации за ним прав в отношении земельного участка, однако его рассмотрение было приостановлено со ссылкой на решение суда первой инстанции о признании права собственности Д. отсутствующим, основанием для удовлетворения которого послужило наложение земельных участков и отсутствие у земельного участка Д. определенных границ.

Согласно межевому плану, подготовленному по заказу Д. в связи с уточнением местоположения границ и площади земельного участка, установлены характерные точки границ земельного участка, исключающие пересечение границ со смежными земельными участками.

По заключению кадастрового инженера от 2 декабря 2022 г. по результатам натурных измерений, учитывая текущие сведения ЕГРН, площадь земельного участка составляет 1961 кв.м.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции сослался на решение суда первой инстанции, которым право Д. на спорный земельный участок признано отсутствующим, а также указал, что решением суда первой инстанции за Е. признавалось право пользования земельным участком, а не право собственности на него.

Суд также указал, что истец в органы местного самоуправления с заявлением о предоставлении в собственность земельного участка, занятого под объектом недвижимости, не обращался.

Суд апелляционной инстанции и кассационный суд общей юрисдикции оставили решение первой инстанции без изменений.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что судебные постановления приняты с существенным нарушением норм права по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 392⁰ ЗК РФ, если иное не установлено данной статьей или другим федеральным законом, исключительное право на приобретение земельных участков в собственность или в аренду имеют граждане, юридические лица, являющиеся собственниками зданий, сооружений, расположенных на таких земельных участках.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ “О введении в

действие Земельного кодекса Российской Федерации” гражданин Российской Федерации вправе приобрести бесплатно в собственность земельный участок, который находится в его пользовании, если на таком земельном участке расположен жилой дом, право собственности на который возникло у гражданина до дня введения в действие Земельного кодекса РФ либо после дня введения его в действие, при условии, что право собственности на жилой дом перешло к гражданину в порядке наследования и право собственности наследодателя на жилой дом возникло до дня введения в действие Земельного кодекса РФ (п. 4).

Граждане, к которым перешли в порядке наследования или по иным основаниям права собственности на здания, строения и (или) сооружения, расположенные на земельных участках, указанных в данном пункте, вправе зарегистрировать права собственности на такие земельные участки, за исключением случаев, если в соответствии с федеральным законом такие земельные участки не могут предоставляться в частную собственность.

Государственная регистрация прав собственности на указанные в данном пункте земельные участки осуществляется в соответствии со ст. 49 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ “О государственной регистрации недвижимости”. Принятие решений о предоставлении таких земельных участков в собственность граждан не требуется (абз. 3, 4 п. 9¹).

Согласно ст. 49 названного выше Федерального закона государственная регистрация права собственности гражданина на указанный в ч. 1 данной статьи земельный участок в случае, если к такому гражданину перешло в порядке наследования или по иным основаниям право собственности на расположенное на этом земельном участке здание (строение) или сооружение, осуществляется в соответствии с положениями указанной статьи. При этом вместо документа, устанавливающего или удостоверяющего право такого гражданина на этот земельный участок, в качестве основания осуществления государственной регистрации права собственности такого гражданина на этот земельный участок могут быть представлены следующие документы:

1) свидетельство о праве на наследство либо иной документ, устанавливающий или удостоверяющий право собственности такого гражданина на указанное здание (строение) или сооружение;

2) один из документов, предусмотренных ч. 1 данной статьи и устанавливающих или удостоверяющих право гражданина — любого прежнего собственника указанного здания (строения) или сооружения на этот земельный участок (ч. 2).

Представление предусмотренных п. 1 ч. 2 названной выше статьи документов не требуется в случае, если право собственности гражданина на указанное здание (строение) или сооружение зарегистрировано в ЕГРН (ч. 2).

Из приведенных положений закона следует, что право собственности на земельный участок при указанных выше условиях возникает на основании права собственности на перешедшие по наследству здания, расположенные на этом земельном участке, и решения (волеизъявления) государственного органа или органа местного самоуправления о предоставлении земельного участка в собственность не требуется.

Из установленных обстоятельств следует, что право на жилой дом (долю в праве) перешло к истцу в порядке наследования, право пользования земельным участком за наследодателем признано судом.

Истцом были заявлены требования об установлении границ земельного участка, для чего представлен межевой план, в котором описаны границы земельного участка, исключающий пересечение с границами смежных земельных участков, однако суд никакой оценки данным обстоятельствам не дал.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила решение суда первой инстанции, апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам суда апелляционной инстанции и определение судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

В случае наложения ареста на вексель должник при наступлении срока его погашения обязан зачислить причитающиеся кредитором денежные средства на депозитный счет судебных приставов в порядке, установленном ч. 12 ст. 82 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ “Об исполнительном производстве”, и при несовершении этих действий не вправе ссылаться на истечение срока предъявления векселя к платежу

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 22 августа 2025 г. № 309-ЭС25-3807*

(Извлечение)

Между банком и обществом в 2018 году заключен договор об открытии кредитной линии. Одновременно с этим договором обществом у этого же банка приобретен вексель, который был передан банку в залог в качестве обеспечения исполнения по возврату средств обществом.

В том же году на основании постановления следователя по уголовному делу на имущество банка наложен арест, в том числе в отношении переданного в залог векселя. Срок ареста неоднократно продлевался и был снят только в 2023 году.

Требование по договору кредитной линии было уступлено банком другому хозяйственному

обществу, которое обратило взыскание на заложенное имущество путем оставления за собой транспортных средств, принадлежащих должнику. В оставшейся части задолженность была погашена за счет средств должника.

Исполнив обязательство по возврату средств в 2019 году, общество в 2022 году обратилось с требованием об оплате векселя. В ответ банк сообщил, что исполнение по векселю будет возможно только после снятия с него ареста уполномоченным лицом. После даты снятия ареста в 2023 году общество обратилось к банку с требованием об оплате по векселю и, получив отказ, обратилось с соответствующим требованием в арбитражный суд.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении требования, указав, что обязанность по оплате векселя у векселедателя наступает не автоматически при наступлении срока платежа, а только в случае предъявления векселя к оплате. Между тем вексель к оплате банку не предъявлялся, поскольку в отношении его был наложен арест в рамках уголовного дела. Кроме того, истцом пропущен срок вексельной давности.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции в части исходя из того, что лицом, выдавшим спорный вексель, и лицом, в чьем распоряжении он находился в период действия ареста, являлся банк (ответчик), который в силу ч. 12 ст. 82 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — Закон об исполнительном производстве) был обязан совершить после 2019 года действия по зачислению денежных средств на текущие счета по учету средств, поступающих во временное распоряжение органов предварительного следствия, но не исполнил данную обязанность, в то время как общество (истец) самостоятельно не могло реализовать право требования по векселю к ответчику, признававшего свой долг в период ареста.

Суд кассационной инстанции не согласился с выводами суда апелляционной инстанции, полагая, что вексель со сроком платежа должен быть предъявлен к платежу в течение года с даты его выдачи до 2019 года, а срок для иска по векселю составляет 3 года со дня срока платежа — до 2022 года, однако общество обратилось с требованием о выплате только в 2023 году, т.е. по истечении срока вексельной давности, который является пресекательным.

Кроме того, по мнению суда кассационной инстанции, арест векселя не препятствует держателю векселя предъявить его к платежу, с тем чтобы исключить утрату прав по векселю, и для такого случая положениями ч. 12 ст. 82 Закона об исполнительном производстве установлен особый порядок реализации права, которым истец не воспользовался.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление суда кассационной инстанции и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции, руководствуясь следующим.

Порядок совершения действий по погашению ценных бумаг, на которые наложен арест, выплате по ним доходов, их конвертации, обмену или иных действий с ними устанавливается ч. 12 ст. 82 Закона об исполнительном производстве, согласно которой эмитент (управляющая компания, управляющий) в случае наступления срока платежа или погашения принадлежащих должнику ценных бумаг, на которые наложен арест, зачисляет денежные средства, составляющие сумму выплаты по указанным ценным бумагам, на депозитный счет службы судебных приставов.

Таким образом, наложение ареста на вексель не препятствует исполнению должником своих обязательств путем зачисления причитающейся суммы денежных средств на депозитный счет. Вопреки мнению суда округа совершение таких действий является обязанностью должника по вексельному обязательству, поскольку векселедержатель не имеет возможности предъявить арестованный вексель к оплате в обычном порядке.

Ответ банка на обращение общества, что исполнение по векселю будет возможно только после снятия с него ареста уполномоченным лицом, является признанием долга (ст. 201 ГК РФ). В свою очередь, последующий отказ банка произвести платеж по векселю после снятия ареста свидетельствует о намерении банка извлечь преимущество из собственного противоречивого поведения.

Кроме того, судом апелляционной инстанции было установлено, что истец в целях реализации своих прав по векселю осуществлял действия по обжалованию постановлений об аресте спорного векселя, в том числе о продлении ареста, что свидетельствует о принятии им необходимых и достаточных мер по освобождению векселя из-под ареста в рамках уголовного дела и подтверждает намерение истца своевременно (в течение срока вексельной давности) обратиться к ответчику с требованием об оплате по векселю.

В силу принципа добросовестности участников оборота и запрета извлечения преимущества из противоречивого поведения (пп. 3, 4 ст. 1, п. 1 ст. 10, п. 5 ст. 166 ГК РФ) должник по векселю не вправе ссылаться на истечение срока вексельной давности или срока исковой давности ко дню прекращения ареста векселя, если в период действия ареста им не была исполнена обязанность по зачислению денежных средств на депозит, а указанные сроки не могут считаться пропущенными только в силу их истечения ко дню прекращения ареста.

Поскольку обязанность банка-должника по вексельному обязательству по требованию истца возникла в 2019 году и не была исполнена до предъявления кредитором требования в 2023 году, отказ исполнения, мотивированный истечением срока вексельной давности, может быть оценен не иначе как намерение банка получить преимущество из своего недобросовестного поведения со ссылкой на арест векселя по уголовному делу, не связанного с противоправным поведением истца.

Кроме того, ошибочным является довод ответчика о том, что истец должен был принять все необходимые меры к высвобождению векселя из-под ареста и его предъявления к оплате в установленный срок либо инициировать обращение к следственным органам с целью предъявления банку требования о зачислении денежных средств на депозитный счет следственных органов, поскольку он основан на неверном толковании положений законодательства и противоречит установленным по делу обстоятельствам о совершенных истцом действиях по оспариванию ареста векселей.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Абзац 3 п. 15 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г.

№ 842, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 20 августа 2025 г. № АКПИ25-388,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 20 ноября 2025 г. № АПЛ25-329*

2. Абзац 1 п. 73 Методических указаний о государственной кадастровой оценке, утвержденных приказом Росреестра от 4 августа 2021 г. № П/0336, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 3 июля 2025 г. № АКПИ25-222,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 16 октября 2025 г. № АПЛ25-272*

3. Подпункт “в” п. 2, подп. “г” п. 4 Правил предоставления финансовой поддержки субъектам Российской Федерации в целях финансового обеспечения мероприятий по предоставлению единовременных выплат на обустройство имуществом и социальных выплат на приобретение жилых помещений на основании выдаваемых государственных жилищных сертификатов жителям г. Херсона и части Херсонской области, покинувшим место постоянного проживания и прибывшим в экстренном порядке на иные территории Российской Федерации на постоянное место жительства, утвержденных постановлением Правительства РФ от 21 октября 2022 г. № 1876 (в ред. постановления Правительства РФ от 25 июля 2023 г. № 1210), признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 23 июня 2025 г. № АКПИ25-244,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 21 октября 2025 г. № АПЛ25-275*

4. Абзацы 4 и 5 п. 2 Правил передачи в безвозмездное владение и пользование системообразующей территориальной сетевой организации или территориальной сетевой организации объектов электросетевого хозяйства, находящихся в собственности субъектов Российской Федерации или муниципальных образований, утвержденных постановлением Правительства РФ от 10 сентября 2024 г. № 1229, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 2 июля 2025 г. № АКПИ25-192,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 16 октября 2025 г. № АПЛ25-271*

5. Абзац 1 п. 50 Правил назначения и выплаты ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка в части, не определенной Федеральным законом “О государственных пособиях гражданам, имеющим детей”, утвержденных постановлением Правительства РФ от 16 декабря 2022 г. № 2330, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 18 июня 2025 г. № АКПИ25-221,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 28 октября 2025 г. № АПЛ25-251*

6. Пункты 5.1—5.9, 6.1 Правил создания, охраны и содержания зеленых насаждений в городах Российской Федерации, утвержденных приказом Госстроя России от 15 декабря 1999 г. № 153, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 21 августа 2025 г. № АКПИ25-367,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 20 ноября 2025 г. № АПЛ25-331*

7. Оспариваемые частично подп. “к”, “л” п. 4 Инструкции об организации взаимодействия военных комиссариатов, органов внутренних дел и территориальных органов Федеральной миграционной службы в работе по обеспечению исполнения гражданами Российской Федерации воинской обязанности, утвержденной приказом Министра обороны РФ, МВД России, ФМС России от 10 сентября 2007 г. № 366/789/197, примечания к приложению № 2 к указанной Инструкции признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 15 июля 2025 г. № АКПИ25-239,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 11 ноября 2025 г. № АПЛ25-289*

1. Действия несовершеннолетней (нанесение нападавшему удара ножом в спину с причинением тяжкого вреда здоровью) по защите от общественно опасного посягательства со стороны находившегося в состоянии алкогольного опьянения и агрессивно настроенного взрослого мужчины, в ходе которого нападавший в помещении квартиры сдавливал ей руками шею, прижимал к стене и высказывал угрозы убийством, а затем стал замахиваться в сторону ее матери, и исходя из этих обстоятельств для оборонявшейся не был ясен момент окончания посягательства, являются правомерными и не свидетельствуют о превышении ею пределов необходимой обороны

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 октября 2023 г. № 58-УД23-10-К9

(Извлечение)

По приговору Бикинского городского суда Хабаровского края от 13 сентября 2022 г., оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, М., ранее не судимая, осуждена по п. “з” ч. 2 ст. 111 УК РФ к одному году шести месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком один год с возложением на этот период определенных обязанностей.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 4 июля 2023 г. приговор и апелляционное определение изменены: действия М. переквалифицированы с п. “з” ч. 2 ст. 111 УК РФ на ч. 1 ст. 114 УК РФ с назначением наказания в виде шести месяцев исправительных работ с удержанием 10% заработка ежемесячно в доход государства условно с испытательным сроком шесть месяцев с возложением на этот период определенных обязанностей. М. освобождена от отбывания назначенного наказания на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с истечением срока давности уголовного преследования.

В кассационной жалобе защитник просил об отмене состоявшихся по делу судебных решений, указывал, что фактически судами было установлено, что телесные повреждения М. причинила в состоянии необходимой обороны. Однако суд кассационной инстанции, указав, что у М. имелись основания опасаться за свою жизнь, неправоммерно не применил положения ч. 1 ст. 37 УК РФ и соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ. Кроме того, вывод о том, что выбранный М. способ защиты явно не соответствовал характеру и опасности отражаемого посягательства, противоречит закону и установленным по делу обстоятельствам.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ удовлетворила кассационную жалобу защитника по следующим основаниям.

М. с учетом внесенных в приговор изменений осуждена за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью В., совершенное при превышении пределов необходимой обороны.

Согласно ч. 1 ст. 37 УК РФ не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, т.е. при защите личности или других лиц от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Как правильно установлено судом первой инстанции и не оспаривается стороной защиты, действиями М., нанесшей В. удар ножом в область грудной клетки сзади, причинен тяжкий вред здоровью.

Квалифицируя действия М. по ч. 1 ст. 114 УК РФ, суд кассационной инстанции констатировал, что предшествовавшие этому действия В. создавали действительную угрозу жизни М., когда он руками схватил М. за шею, сдавливая ее и высказывая угрозы убийством.

Установив такие обстоятельства и ссылаясь на них, суд кассационной инстанции тем не менее сделал вывод о том, что выбранный М. способ защиты (нанесение удара ножом в жизненно важные органы потерпевшего) явно не соответствовал характеру и опасности отражаемого посягательства, при этом, вопреки разъяснениям, содержащимся в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 “О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление” (в ред. от 31 мая 2022 г.), суд не обосновал ссылками на конкретные установленные по делу обстоятельства, свидетельствующие о явном несоответствии защиты характеру и опасности посягательства.

Между тем, описывая обстановку, при которой было совершено посягательство со стороны В., суд кассационной инстанции указал следующее: “Несовершеннолетняя М. страдала заболеванием “бронхиальная астма”, В. руками держал ее в момент конфликта за шею и прижимал с силой к стене, что создавало угрозу жизни и здоровью несовершеннолетней. Убежать в кухню М. смогла только после того, как ее мать А. нанесла удар В. чайником по голове и он переключил внимание на нее, а именно стал возмущаться действиями супруги и пошел в ее сторону. В это время А. отступала от агрессивно настроенного супруга в сторону коридора, между ними продолжался словесный конфликт”, — отмечая также, что действия находящегося в состоянии алкогольного опьянения и агрессивно настроенного В. были совершены в ночное время в ограниченном пространстве.

Согласно правовой позиции, приведенной в названном постановлении Пленума Верховного Суда РФ, состояние необходимой обороны может иметь место в случае, когда защита последовала непосредственно за актом хотя и

оконченного посягательства, но исходя из обстоятельств для оборонявшегося лица не был ясен момент его окончания и лицо ошибочно полагало, что посягательство продолжается.

Данная позиция применима к оценке действий М., поскольку в своем определении суд кассационной инстанции указал на то, что после нападения, прекращенного вмешательством А. (матери М.), окружающая обстановка давала М. основания полагать наличие со стороны В. обществу опасных действий в отношении ее матери.

Кроме того, обороняющееся лицо из-за душевного волнения, вызванного посягательством, не всегда может правильно оценить характер и опасность посягательства и, как следствие, избрать соразмерные способ и средства защиты.

Наличие у несовершеннолетней осужденной душевного волнения в момент нападения на нее и агрессивных действий в отношении ее матери подтверждается как показаниями ее самой и А., так и заключением эксперта-психолога, отметившего возникновение у нее комплекса негативных эмоций в виде обиды, недовольства, раздражения и страха. Данное обстоятельство установлено и судом кассационной инстанции, указавшим на “сложность для несовершеннолетней с учетом ее психологического состояния в такой ситуации правильно оценить дальнейшее поведение В.”. Утверждая об этом, суд кассационной инстанции сослался в том числе на показания М. о том, что, когда В. отпустил ее, она убежала от него на кухню, но услышала крик матери и с целью ее защиты схватила нож, выбежала в коридор, где увидела, как В. стоит напротив ее матери и замахивается на нее, после чего нанесла ему удар ножом.

Таким образом, судебная коллегия по уголовным делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции по существу установила, что несовершеннолетняя М. непосредственно после совершенного в отношении ее нападения, угрожавшего ее жизни, имела основания полагать, что В. продолжил свои агрессивные действия нападения на ее мать. При таких обстоятельствах действия М. следует признать совершенными в условиях необходимой обороны без какого-либо превышения ее пределов.

Допущенное судом кассационной инстанции нарушение уголовного закона, заключающееся в ошибочном применении ст. 114 УК РФ к обстоятельствам, свидетельствующим о полностью правомерной необходимой обороне, является существенным, влекущим отмену судебных решений, состоявшихся по делу.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила приговор и последующие судебные решения в отношении М., уголовное дело прекратила на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в действиях М. состава преступления. За М. признано право на реабилитацию.

2. О совершении покушения на незаконный сбыт наркотических средств и психотропных веществ в составе организованной группы могут свидетельствовать, в частности, такие установленные судом обстоятельства, как наличие у данной группы руководителя, обеспечивающего координацию действий соучастников и распределение между ними обязанностей, тщательное планирование преступлений, длительный период деятельности, определенные условия оплаты, конспирация общения посредством сети “Интернет”

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 4 октября 2023 г. № 5-УДП23-74-К2*

(Извлечение)

По приговору Таганского районного суда г. Москвы от 6 июня 2022 г. З., ранее не судимый, осужден по ч. 3 ст. 30, пп. “а”, “г” ч. 4 ст. 228¹ УК РФ к восьми годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 12 сентября 2022 г. приговор в отношении З. изменен, исключен излишне вмененный квалифицирующий признак “в значительном размере”. Назначенное осужденному наказание по ч. 3 ст. 30, пп. “а”, “г” ч. 4 ст. 228¹ УК РФ смягчено до семи лет девяти месяцев лишения свободы. В остальной части приговор оставлен без изменения.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23 мая 2023 г. приговор и апелляционное определение в отношении З. изменены. Из описательно-мотивировочной части приговора исключены ссылки на рапорты об обнаружении признаков преступления, постановление о проведении оперативно-розыскного мероприятия “Обследование жилого помещения” от 13 октября 2020 г., постановление Московского городского суда от 18 ноября 2020 г. о разрешении проведения оперативно-розыскного мероприятия “Обследование жилого помещения” как на доказательства виновности осужденного, исключен квалифицирующий признак преступления “совершенное организованной группой”.

Постановлено считать З. осужденным по ч. 3 ст. 30, п. “г” ч. 4 ст. 228¹ УК РФ за покушение на незаконный сбыт наркотических средств и психотропных веществ в крупном размере, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть “Интернет”), группой лиц по предварительному сговору к семи годам шести месяцам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима. В остальной части судебные решения оставлены без изменения.

В представлении заместителя Генерального прокурора РФ ставился вопрос об отмене кассационного определения судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции и о направлении дела в отно-

шении 3. на новое кассационное рассмотрение в связи с неправильным применением судом кассационной инстанции уголовного закона, выразившимся в необоснованном исключении из осуждения 3. квалифицирующего признака преступления “совершенное организованной группой”, поскольку установленные судом первой инстанции фактические обстоятельства дела, которые подтверждаются совокупностью исследованных в судебном заседании доказательств, в том числе показаниями самого осужденного 3., свидетельствуют об умысле осужденного на сбыт наркотических средств и психотропных веществ в составе организованной группы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ удовлетворила кассационное представление по следующим основаниям.

Согласно изложенным в приговоре обстоятельствам, 3. с июня по 24 ноября 2020 г. вступил в состав организованной группы, созданной неустановленным лицом под псевдонимом Ш., куда помимо него также вошли иные неустановленные лица, с целью получения незаконной прибыли от сбыта наркотических средств и психотропных веществ на территории г. Москвы через интернет-магазин.

В этот же период 3. получил от неустановленного лица под именем Ш. наркотические средства и психотропное вещество, расфасованные неустановленными лицами по 30 пакетам для дальнейшего сбыта путем размещения в тайниках-закладках. 3. организовал 29 тайников-закладок с психотропным веществом, однако не смог довести свой умысел на сбыт до конца в связи с задержанием его сотрудниками полиции.

Суд квалифицировал эти действия 3., связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, с учетом изменений, внесенных апелляционным определением от 12 сентября 2022 г., по ч. 3 ст. 30, пп. “а”, “г” ч. 4 ст. 228¹ УК РФ как покушение на незаконный сбыт наркотических средств и психотропных веществ в крупном размере, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть “Интернет”), организованной группой.

Второй кассационный суд общей юрисдикции, рассматривая уголовное дело в отношении 3., не согласился с такой квалификацией и посчитал, что действия осужденного следует квалифицировать по признаку совершения данного преступления группой лиц по предварительному сговору, сославшись на отсутствие доказательств, свидетельствующих об участии осужденного в организованной группе, обладающей устойчивостью, наличием в ней иерархии, руководителя, распределения между ее членами ролей, а также разработки ими преступных планов. При этом суд кассационной инстанции посчитал, что выполнение осужденным по договоренности с неустановленным лицом определенных действий, направленных на незаконный сбыт наркотических средств и психотропных веществ, полученных от последнего, само по себе не свидетельст-

вует о совершении преступления в составе организованной группы.

Делая вывод об отсутствии доказательств, подтверждающих участие осужденного в организованной группе, суд кассационной инстанции не принял во внимание и не проанализировал показания самого осужденного 3., данные им в ходе предварительного расследования, из которых усматривается, что он знал о том, как происходит продажа и покупка наркотиков на интернет-сайте “Г.”, на котором открыты сотни интернет-магазинов, занимающихся продажей наркотиков через тайники-закладки. Он знал, что “Г.” является крупным продавцом наркотиков. Увидев объявление о работе курьером, он сразу понял, что подбирают людей, которые будут оборудовать тайники-закладки с наркотиками. В ходе общения 3. с неизвестным лицом, последний в завуалированной форме предложил ему работать курьером и делать закладки с наркотиками, на что 3. согласился. После регистрации в приложении “В.” ему пришло сообщение, где неизвестный представился руководителем интернет-магазина, занимающегося продажей различных наркотических средств и психотропных веществ, объяснил, в чем будет заключаться его работа, рассказал про меры безопасности и как правильно подбирать места для тайников, в какое время их лучше делать. При этом руководитель сообщил ему, что он будет получать наркотические средства и психотропные вещества в расфасованном на дозы для потребителей виде и в дальнейшем он должен оборудовать тайники с размещением в них расфасованных свертков. Он примерно один раз в два месяца получал наркотики в расфасованном виде и по указанию руководителя делал тайники-закладки, фотографировал их и отправлял руководителю. Полученные за работу деньги выводил через криптокошельки. 20 октября 2020 г. в очередной раз по указанию руководителя забрал из тайника наркотические средства и психотропные вещества, расфасованные в 30 пакетов, которые доставил по месту своего жительства. 21 ноября 2020 г. сделал 29 тайников-закладок с психотропным веществом, однако отправить их фотографии и координаты руководителю не успел, так как был задержан сотрудниками полиции, а наркотические средства и психотропные вещества изъяты по месту его жительства и в оборудованных им ранее тайниках.

Эти показания исследованы в судебном заседании, подтверждены осужденным 3. и приведены в приговоре.

Кроме того, показания осужденного согласуются с показаниями свидетеля П. — сотрудника полиции о том, что в ходе оперативной разработки установлено, что организатором и руководителем указанной организованной группы являлся человек под псевдонимом Ш. В его обязанность входило приобретение наркотиков и психотропных веществ, обеспечение их систематического поступления членам преступной группы для дальнейшего сбыта, координация их действий. К участию в группе организатор привлек неуста-

новленных лиц, в чьи обязанности входило получение, хранение, фасовка и передача наркотиков остальным соучастникам для организации тайников-закладок.

Вопреки утверждению суда кассационной инстанции суд на основе исследованных материалов дела пришел к выводу о том, что осужденный действовал в составе организованной группы. При этом суд в приговоре не только отметил характерные для этой формы организации признаки, такие как: наличие у группы тщательно законспирированного руководителя (неустановленное лицо под псевдонимом Ш.), обеспечивавшего координацию действий соучастников, общение с которыми осуществлялось через сеть “Интернет” с помощью специального приложения “В.”, распределение функциональных обязанностей между участниками группы (руководитель приискивал источник поставок запрещенных веществ, неустановленные лица их фасовали, хранили, поставляли осужденному, который выполнял роль закладчика), длительный период деятельности (3. осуществлял незаконную деятельность с июня по 24 ноября 2020 г.), тщательное планирование преступлений (распространение наркотиков осуществлялось по единой схеме, строго в рамках отведенных каждому соучастнику функций), установленные условия оплаты (оплата за один тайник составляла 500 руб. и выплачивалась 3., когда набиралась сумма от 10 000 руб.), конспирация действий участников (общение между участниками происходило с помощью интернет-ресурсов и специальных приложений), но и раскрыл содержание этих признаков со ссылкой на установленные обстоятельства дела, из которых следует, что каждый участник преступной группы осознавал, что, выполняя отведенную ему преступную роль, он действует в составе организованной группы, что сбыт наркотических средств и психотропных веществ осуществляется именно благодаря согласованным действиям всех членов группы, о чем свидетельствует в том числе анализ результатов осмотра сотового телефона, изъятого у осужденного.

Однако изложенные выше обстоятельства не приняты во внимание судом кассационной инстанции, и по ним не было высказано суждений.

Тот факт, что осужденный и иные участники организованной группы не были знакомы между собой, а также в рамках данного уголовного дела не установлен руководитель и организатор преступной группы, не подтверждает самостоятельность действий осужденного, а с учетом установленных фактических обстоятельств дела может свидетельствовать о том, что была создана такая система взаимоотношений, когда члены группы напрямую не контактировали между собой и с ее организатором, а все взаимодействие, связанное с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, осуществлялось через сеть “Интернет”.

При изложенных обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила кассационное определение судеб-

ной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23 мая 2023 г. в отношении 3., уголовное дело направила на новое кассационное рассмотрение в тот же суд в ином составе суда¹.

3. Суд, принимая решение о прекращении уголовного дела на основании ст. 76² УК РФ с назначением судебного штрафа, не учел в полной мере обстоятельства совершения преступления, не оценил достаточность действий, предпринятых лицом для возмещения ущерба или иного заглаживания причиненного преступлением вреда, которые бы свидетельствовали об уменьшении общественной опасности содеянного

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 28 мая 2024 г. № 45-УДП24-15-К7*

(Извлечение)

Постановлением Красноуральского городского суда Свердловской области от 13 апреля 2023 г., оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, уголовное дело в отношении Б., ранее не судимого, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 216 УК РФ, прекращено на основании ст. 76² УК РФ в соответствии со ст. 25¹ УПК РФ с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 100 000 руб.

Органами предварительного следствия Б. обвинялся в том, что он, являясь директором по производству ООО “П.”, вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей нарушил правила безопасности при ведении работ по ремонту пылевых камер, циклонов, газоходов конвертеров, изготовлению и замене газоходного тракта конвертера металлургического цеха, расположенного на территории АО “Р.”, в связи с чем произошел взрыв и обрушение участка газохода, что повлекло по неосторожности смерть мастера строительных и монтажных работ С.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора РФ оспаривал состоявшиеся судебные решения в отношении Б., считая их незаконными, необоснованными и несправедливыми ввиду существенных нарушений уголовного и уголовно-процессуального законов, повлиявших на исход дела, поскольку назначение судебного штрафа суд мотивировал наличием формальных обстоятельств. Прокурор наряду с другими доводами указывал, что любые действия Б. по заглаживанию причиненного преступлением вреда, в том числе оказание материальной помощи родственникам погибшего и пере-

¹ Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30 ноября 2023 г. приговор и апелляционное определение в части квалификации действий 3. оставлены без изменения.

числение незначительной суммы в социально-реабилитационный центр, не снизили и не могли снизить степень общественной опасности содеянного, заключающейся не только в гибели человека, но и в невосполнимой утрате супругой своего мужа, а двумя малолетними детьми — отца. Прокурор обращал внимание на то, что признанная потерпевшей по делу супруга погибшего — В. фактически являлась лишь его представителем, выполнявшим в судебном заседании процессуальную функцию, в связи с чем отсутствие лично у В. претензий к Б., а также ее субъективное мнение о достаточности мер, принятых для заглаживания вреда, не может быть единственным подтверждением такого снижения степени общественной опасности преступления, какое действительно позволило бы суду освободить Б. от уголовной ответственности. Автор представления считал, что принятие судом решения о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа исключает возможность рассмотрения вопроса о назначении виновному лицу не только основного наказания, но и дополнительного наказания, предусмотренного санкцией ч. 2 ст. 216 УК РФ, в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Прокурор просил обжалуемые судебные решения в отношении Б. отменить и направить уголовное дело на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции в ином составе суда.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ удовлетворила кассационное представление, отметив следующее.

Согласно ст. 76² УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред.

В соответствии с ч. 1 ст. 25¹ УПК РФ в случаях, предусмотренных ст. 76² УК РФ, суд вправе прекратить уголовное дело или уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если это лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред, и назначить данному лицу меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

При этом следует учесть, что различные уголовно наказуемые деяния влекут наступление разного по своему характеру вреда, поэтому предусмотренные ст. 76² УК РФ действия, направленные на заглаживание такого вреда и свидетельствующие о снижении степени общественной опасности преступления, нейтрализации его вредных последствий, не могут быть одинаковыми во всех случаях, а определяются в зависимости от особенностей конкретного деяния.

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ, изложенной в Определении от 26 октября 2017 г. № 2257-О, суд в каждом конкретном случае должен решить, доста-

точны ли предпринятые лицом, совершившим преступление, действия для того, чтобы расценить уменьшение общественной опасности содеянного как позволяющее освободить лицо от уголовной ответственности. При этом вывод о возможности или невозможности такого освобождения, к которому придет суд в своем решении, должен быть обоснован ссылками на фактические обстоятельства, исследованные в судебном заседании.

При этом суд обязан не просто констатировать наличие или отсутствие указанных в законе оснований для освобождения от уголовной ответственности, а принять справедливое и мотивированное решение с учетом всей совокупности данных, характеризующих в том числе особенности объекта преступного посягательства, обстоятельства его совершения, конкретные действия, предпринятые лицом для возмещения ущерба или иного заглаживания причиненного преступлением вреда, изменение степени общественной опасности деяния вследствие таких действий, личность виновного, а также обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Таким образом, возможность освобождения лица от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа связана с совершением им не любых социально одобряемых (положительных) действий, а только таких, в результате которых вред, причиненный конкретным преступлением, может считаться заглаженным.

Однако указанные требования закона по данному делу в полной мере судом не были учтены.

Так, в суде первой инстанции защитник Г. и подсудимый Б. заявили ходатайство о прекращении уголовного дела в отношении Б. с назначением ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, которое было удовлетворено в связи с тем, что Б. совершил преступление средней тяжести, ранее не судим, к уголовной ответственности привлекается впервые, вину признал в полном объеме, в содеянном раскаялся, принес потерпевшей В. извинения и загладил моральный вред путем выплаты 300 000 руб., а также принял меры по заглаживанию вреда перед обществом и государством: принес извинения государству в лице Уральского управления Ростехнадзора в форме соответствующего обращения; оказал благотворительную материальную помощь на сумму 9149 руб. ГКУ «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних О-ского района города Е.» (далее — социально-реабилитационный центр); в ООО «П.», где Б. является директором по производству, приняты меры, направленные на устранение причин несчастного случая и усиление охраны труда, а также прохождение аттестации сотрудниками.

С решением суда первой инстанции согласились суды апелляционной и кассационной инстанций.

Придя к выводу о возможности прекращения уголовного дела в отношении Б. с назначением судебного штрафа, суд исходил из того, что он совершил преступление средней тяжести, не судим, загладил причиненный преступлением вред.

Вместе с тем суд не учел, что объективная сторона преступления — нарушения правил безопасности при ведении строительных работ, повлекшего по неосторожности смерть человека, заключается в несоблюдении определенных правил безопасности, приведшем в данном случае к общественно опасным последствиям в виде смерти человека.

Однако какие именно действия Б. расценены судом как загладившие вред этим общественным отношениям, в постановлении не приведено, как и то, каким образом материальные выплаты, полученные потерпевшей, устранили указанные негативные последствия.

Кроме того, принятие судом решения о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа исключает возможность рассмотрения вопроса о назначении виновному лицу не только основного наказания, но и дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, предусмотренного санкцией ч. 2 ст. 216 УК РФ. В результате лицо, ненадлежащим образом исполнявшее свои служебные обязанности, что повлекло гибель человека, в настоящее время занимает ту же должность, связанную с контролем соблюдения правил безопасности и требований охраны труда при ведении строительных работ.

Исходя из изложенного вызывают сомнения выводы суда о том, что Б. соблюдены все условия, необходимые для освобождения его от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, поскольку судом не дана оценка тому обстоятельству, что само по себе возмещение морального вреда супруге погибшего в сумме 300 000 руб. и перечисление 9149 руб. в социально-реабилитационный центр не могли снизить степень общественной опасности содеянного, заключающейся в гибели человека.

Согласно материалам уголовного дела первоначально потерпевшей был заявлен гражданский иск на сумму 1 700 000 руб. Соглашение о выплате В. 300 000 руб. в счет компенсации морального вреда было заключено с Б. 6 апреля 2023 г., т.е. непосредственно перед судебным заседанием, состоявшимся 7 апреля 2023 г.

Из имеющейся в материалах данного уголовного дела справки усматривается, что Б. 11 апреля 2023 г. передал в социально-реабилитационный центр сладости и моющие средства на общую сумму 9149 руб. и принес извинения Уральскому управлению Ростехнадзора в виде соответствующего заявления также 11 апреля 2023 г., т.е. накануне судебного заседания от 13 апреля 2023 г.

Суд кассационной инстанции, ссылаясь на тот факт, что у потерпевшей В., к которой перешли права погибшего в результате преступления, отсутствуют претензии к Б. в связи с компенсацией ей морального вреда, сумма которого определена самой В., не дал оценки тому обстоятельству, что супруга погибшего выполняла лишь процессуальную функцию потерпевшей, а также не высказал суждений относительно того, может ли данное обстоятельство являться единствен-

ным подтверждением такого снижения степени общественной опасности преступления, которое действительно позволило бы освободить Б. от уголовной ответственности.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся в отношении Б. судебные решения, уголовное дело направила на новое судебное рассмотрение в Красноуральский городской суд Свердловской области в ином составе суда¹.

4. Проведение таких процессуальных действий, как предъявление обвинения и допрос лица в качестве обвиняемого, в отсутствие защитника, обусловленного отводом следователем адвокатов по соглашению и отказом обвиняемого от адвоката по назначению, при том что обвиняемый не отказывался от защитника в порядке ст. 52 УПК РФ, нарушает право обвиняемого на защиту

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 21 декабря 2023 г. № 5-УД23-105-К2*

(Извлечение)

По приговору Тверского районного суда г. Москвы от 15 декабря 2021 г. (с изменениями, внесенными судом апелляционной инстанции) Р., ранее не судимый, осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ к лишению свободы на срок семь лет десять месяцев в исправительной колонии общего режима со штрафом в размере 800 000 руб.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 16 мая 2023 г. приговор и апелляционное определение в отношении Р. оставлены без изменения.

В ходатайстве Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации ставился вопрос о проверке законности и обоснованности судебных решений, состоявшихся в отношении Р. В частности, обращалось внимание на нарушение в ходе предварительного расследования права Р. на защиту, выразившееся в том, что при предъявлении обвинения и выполнении требований ст. 215 УПК РФ следователем указанные выше процессуальные действия проведены в отсутствие адвоката, однако суд первой инстанции не дал надлежащую оценку этому нарушению, а суды апелляционной и кассационной инстанций кратковременное присутствие адвоката Л. при проведении в отношении Р. процессуальных действий расценили как участие адвоката.

¹По приговору Красноуральского городского суда Свердловской области от 3 февраля 2025 г. Б. осужден по ч. 2 ст. 216 УК РФ к трем годам лишения свободы с лишением права заниматься деятельностью, связанной с производством, организацией и контролем за проведением строительных и иных работ на промышленных объектах, где эксплуатируются опасные производственные объекты, на срок два года. На основании ст. 73 УК РФ наказание в виде лишения свободы на срок три года считать условным с испытательным сроком три года.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в своем определении указала следующее.

Право обвиняемого на защиту при производстве по уголовному делу закреплено в ст. 16 УПК РФ в качестве принципа уголовного судопроизводства, в силу чего положения данной статьи распространяются на все стадии уголовного процесса.

По смыслу чч. 3, 4 ст. 47 УПК РФ обвиняемый вправе защищаться всеми средствами и способами, не запрещенными законом, в том числе пользоваться помощью защитника и иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите.

Согласно положениям п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если обвиняемый не отказался от защитника в порядке, предусмотренном ст. 52 УПК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник приглашается обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия обвиняемого. Обвиняемый вправе пригласить несколько защитников.

Замена адвоката, участвующего по соглашению, адвокатом по назначению предусмотрена только как исключение из общего правила. Согласно ч. 3 ст. 50 УПК РФ в случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника дознаватель, следователь или суд вправе предложить обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника.

Как следует из материалов дела, указанные требования уголовно-процессуального закона при предъявлении Р. обвинения были нарушены.

В соответствии с чч. 1 и 2 ст. 172 УПК РФ обвинение должно быть предъявлено лицу не позднее 3 суток со дня вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого в присутствии защитника, если он участвует в уголовном деле. Следователь извещает обвиняемого о дне предъявления обвинения и одновременно разъясняет ему право самостоятельно пригласить защитника либо ходатайствовать об обеспечении участия защитника следователем в порядке, установленном ст. 50 УПК РФ.

В ходе предварительного расследования защите осужденного Р. осуществляли адвокаты по соглашению Ф. и С.

Вместе с тем 13 ноября 2019 г. руководителем следственной группы — заместителем начальника СУ УВД по ЦАО ГУ МВД России по г. Москве было вынесено постановление об отводе указанных адвокатов по тем основаниям, что они, в частности, уклонялись от явки в следственный изолятор для проведения процессуальных действий в отношении Р., в том числе предъявления ему обвинения.

При этом для предъявления Р. 14 ноября 2019 г. обвинения и для проведения с ним иных необходимых процессуальных действий был назначен следователем адвокат О., который после

прибытия в следственный изолятор заявил самоотвод, отказавшись принимать участие в следственных действиях, мотивируя тем, что у Р. заключены соглашения с адвокатами Ф. и С.

Р. отказался от услуг назначенного ему адвоката, но при этом не отказывался от участия защитников в порядке, предусмотренном ст. 52 УПК РФ, настаивал на проведении в отношении его процессуальных действий с участием адвокатов по соглашению.

Несмотря на это, руководитель следственной группы провел процессуальные действия с обвиняемым Р. в отсутствие защитников, а именно: предъявил Р. обвинение, допросил его в качестве обвиняемого, указав, что Р. отказался от дачи показаний, ознакомил с протоколами допросов экспертов, а также уведомил об окончании следственных действий в соответствии со ст. 215 УПК РФ и приступил к выполнению ст. 217 УПК РФ — ознакомлению с материалами уголовного дела.

Изложенные выше обстоятельства подтверждаются имеющимися в материалах дела протоколами проведения указанных процессуальных действий, в которых отсутствуют подписи защитников, а также видеозаписью проведенных с участием Р. процессуальных действий.

Таким образом, при предъявлении Р. обвинения, в том числе при допросе в качестве обвиняемого, не было обеспечено участие защитников.

При этом нахождение в помещении следственного изолятора при предъявлении обвинения заявившего самоотвод защитника по назначению, от которого отказался обвиняемый Р., не может рассматриваться как присутствие защитника при предъявлении обвинения в смысле требований ст. 172 УПК РФ.

Как видно из материалов дела, 5 декабря 2019 г. постановлением Таганского районного суда г. Москвы постановление руководителя следственной группы об отводе адвокатов Р. признано незаконным и 16 декабря 2019 г. заместителем начальника УВД по ЦАО ГУ МВД РФ по г. Москве — начальником Следственного управления постановление об отводе адвокатов было отменено.

После этого адвокаты Ф. и С. были допущены к ознакомлению с материалами дела, в ходе которого заявляли ходатайства о проведении повторных процессуальных действий с Р., но уже с участием защитников.

Однако эти ходатайства были оставлены без удовлетворения.

Суд первой инстанции, рассматривая уголовное дело в отношении Р. по существу, не дал надлежащей оценки изложенным выше обстоятельствам и оставил их без внимания.

Рассматривая указанные доводы о нарушении в ходе предварительного расследования права Р. на защиту, суды апелляционной и кассационной инстанций сослались на присутствие адвоката Л. при проведении процессуальных действий.

Между тем из материалов дела видно, что при предъявлении обвинения адвокат Л. не присутствовал, он пришел к окончанию данного процессуального действия и отказался участвовать в проведении этого и других процессуальных дей-

ствий в связи с отказом руководителя следственной группы в конфиденциальной беседе с обвиняемым, после чего покинул помещение следственного изолятора вместе с адвокатом по назначению О., а с Р. было продолжено проведение процессуальных действий в отсутствие защитника.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в соответствии с ч. 3 ст. 401¹⁵ УПК РФ отменила судебные решения в отношении Р., уголовное дело возвратила прокуратуре.

5. Постановление суда кассационной инстанции об отмене оправдательного приговора признано незаконным ввиду отсутствия существенных нарушений уголовного и уголовно-процессуального законов, искажающих суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 17 октября 2023 г. № 85-УД23-9-К1*

(Извлечение)

По приговору Калужского районного суда Калужской области от 28 февраля 2022 г., оставленному 2 июня 2022 г. судом апелляционной инстанции без изменения, К. оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ, на основании п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ в связи с отсутствием в его деянии состава преступления, за ним признано право на реабилитацию.

Постановлением Первого кассационного суда общей юрисдикции от 9 марта 2023 г. отменены приговор и апелляционное постановление в отношении К., уголовное дело передано на новое судебное рассмотрение.

В кассационных жалобах адвокат в защиту интересов К., полагая, что, отменив судебные решения, суд кассационной инстанции, по существу, не согласился с оценкой доказательств, которая была дана судами первой и апелляционной инстанций, просил отменить постановление суда кассационной инстанции, оставив без изменения судебные решения, оправдывающие его подзащитного.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ удовлетворила жалобу адвоката в защиту интересов К., мотивировав свое решение следующим.

Из материалов дела следует, что К. органами предварительного следствия обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ, т.е. в причинении смерти по неосторожности.

В вину К. вменялось следующее. Он приехал со своим малолетним сыном Д., 2015 года рождения, на территорию парка для отдыха и купания в водоеме. Достоверно зная о малолетнем возрасте сына и о том, что Д. не умеет плавать, нуждается в постоянном контроле, а также зная о неровном рельефе дна водоема, резких его перепадах, дос-

таточной глубине и запрете на купание, не предвидя возможности наступления общественно опасных последствий в виде смерти малолетнего сына, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог их предвидеть, К. ненадлежащим образом отнесся к исполнению родительских обязанностей, связанных с заботой о своем ребенке, отправил его одного к водоему помыть ноги, при этом оставив на значительном расстоянии от себя (не менее 25 м), исключая возможность контроля и оказания ему помощи.

Д., не осознавая в силу малолетнего возраста опасности для своей жизни и здоровья, зашел в водоем на небезопасное расстояние, погрузился под воду и утонул. Смерть Д. наступила в результате механической асфиксии вследствие закрытия дыхательных путей водой при утоплении.

В ходе допроса К., не соглашаясь с предъявленным обвинением, показал, что он вместе с сыном находился на берегу водоема в том месте, которое традиционно используется отдыхающими для купания. Заход в воду, где они купались с сыном, был удобным, чистым, дно было песчаным. В процессе купания они находились в воде вдвоем, сын был в нарукавниках, он в воде ребенка от себя отпускал только на незначительное расстояние, при условии постоянной видимости, при этом сын под воду не нырял. Закончив купание, они на берегу водоема стали готовиться к отъезду, он снял с сына нарукавники, заметив, что тот сильно испачкал ноги в песке, отправил ребенка к водоему, чтобы тот помыл ноги. Сын побежал к воде, а он нагнулся к вещам. Примерно через одну минуту он посмотрел в сторону водоема, куда направился сын, и не увидел его. Поскольку с места, где он находился, весь берег не просматривался, он сразу же спустился к воде, сына нигде не было. Он стал звать на помощь, искать сына, нырять в воду вместе с другими людьми, однако результата это не принесло, и он понял, что сын утонул. Тело ребенка позже достали водолазы. К. полагал, что рост ребенка, составляющий около 120 см, и рельеф дна водоема в месте захода в воду позволяли сыну на месте их предшествующего купания безопасно помыть ноги.

Как установлено судом на основании совокупности исследованных доказательств, завершив купание, К. снял с сына нарукавники, дал ему указание помыть ноги в воде, что само по себе не подразумевало погружения ребенка в воду на значительную глубину. По результатам оценки данных, содержащихся в протоколах осмотра места происшествия, показаниях свидетелей, специалиста А. в части характеристик водоема, суд пришел к выводу об отсутствии в них сведений, опровергающих возможность Д. помыть ноги без погружения на опасную для него глубину. Каких-либо данных о существенных неровностях дна, резких его перепадах и достаточной глубине именно в месте захода в воду в районе гибели Д. суду не представлено.

Судом приняты во внимание показания К. и потерпевшей (матери Д.), согласно которым по-

гибший сын был развитым, послушным ребенком, адекватно относился к указаниям родителей, мог самостоятельно помыть ноги, его рост на момент гибели составлял 119 см.

Общественно опасные последствия в виде утопления наступили не в результате купания ребенка в водоеме, а потому что он, направившись к воде с иной целью, зашел в нее на небезопасное расстояние.

При таких данных суд первой инстанции пришел к выводу, что вина К. в причинении смерти Д. не установлена.

С выводами, изложенными в приговоре, согласился также суд апелляционной инстанции.

По результатам рассмотрения кассационной жалобы представителя потерпевшей судом кассационной инстанции оправдательный приговор и апелляционное постановление были отменены с передачей уголовного дела на новое судебное рассмотрение. В обоснование принятого решения суд указал, что суд первой инстанции не учел имеющиеся в деле доказательства: показания К., показания потерпевшей, свидетелей и специалиста А., результаты осмотров места происшествия. Кроме того, по мнению кассационного суда, суд первой инстанции, указав на отсутствие причинно-следственной связи между действиями (бездействием) К. и наступлением смерти его малолетнего сына, оставил без внимания, что К. должен был и мог предвидеть возможность наступления последствий в виде причинения малолетнему Д. смерти по неосторожности. При этом К. не отрицал, что, находясь на берегу, он отпустил не умеющего плавать малолетнего сына без надувного круга и нарукавников одного помыть ноги в песчаном карьере. Не опровергнуты судом также выводы органа предварительного следствия о

том, что нахождение без спасательных средств не умеющего плавать малолетнего сына К. в водоеме, не предназначенном для купания, о чем свидетельствовали в том числе и запрещающие купание знаки, установленные на территории парка возле данного водоема, имеющего неровный рельеф дна, перепады глубин, представляло для малолетнего ребенка реальную опасность.

Между тем обстоятельства, послужившие основанием к отмене кассационным судом оправдательного приговора в отношении К., нашли свое отражение в описательно-мотивировочной части приговора.

Совокупность исследованных в судебном заседании доказательств не позволила суду сделать вывод, что К., проявляя разумную внимательность и предусмотрительность, мог предвидеть, что Д., направившись к воде мыть ноги, погрузится в воду таким образом, что наступит его асфиксия. Сам факт купания К. вместе с малолетним сыном в не отведенном для этого месте не состоит в причинно-следственной связи с наступлением смерти ребенка, поскольку смерть последнего наступила не в результате купания в указанном водоеме, а из-за того, что он зашел в воду на небезопасное расстояние, вследствие чего утонул. Указанные доказательства и их оценка судом положены в обоснование решения об оправдании К. по ч. 1 ст. 109 УК РФ в связи с отсутствием в его действиях состава преступления.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила кассационное постановление от 9 марта 2023 г. в отношении К. и оставила без изменения приговор от 28 февраля 2022 г. и апелляционное постановление от 2 июня 2022 г.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КАССАЦИОННЫХ И АПЕЛЛЯЦИОННЫХ СУДОВ

ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

1. Положения процессуального законодательства о пропорциональном возмещении судебных издержек не подлежат применению при рассмотрении иска о компенсации морального вреда

*Кассационное определение
кассационного военного суда
от 30 июля 2025 г.*

(Извлечение)

Определением Биробиджанского гарнизонного военного суда от 19 февраля 2025 г. заявление Р. о возмещении судебных расходов на оплату услуг представителя удовлетворено.

Суд взыскал с Минфина России в пользу Р. 40 000 руб., затраченных им на оплату юридических услуг А., принимавшей участие в качестве его представителя в рассмотрении гражданского

дела о компенсации морального вреда за незаконное уголовное преследование.

Апелляционным определением 1-го Восточного окружного военного суда от 22 апреля 2025 г. определение суда первой инстанции изменено, размер денежных средств, подлежащих взысканию в пользу Р., снижен до 4000 руб.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе Р., кассационный военный суд апелляционное определение отменил, оставив в силе определение гарнизонного военного суда по следующим основаниям.

По делу установлено, что 19 января 2024 г. в отношении Р. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2¹ ст. 332 УК РФ.

17 апреля 2024 г. уголовное преследование в отношении Р. прекращено по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, т.е. в связи с отсутствием в деянии состава преступления.

11 июня 2024 г. Р. обратился в суд с иском к Минфину России о компенсации морального вреда за незаконное уголовное преследование в размере 500 000 руб., который вступившим в законную силу решением Биробиджанского гарнизонного военного суда от 11 сентября 2024 г. удовлетворен частично — на сумму 50 000 руб.

В рассмотрении данного гражданского дела в качестве представителя истца принимала участие А., которая осуществляла консультирование, составление искового заявления и подачу его в суд, а также представительство в судебных заседаниях 20 августа, 5 и 10 сентября 2024 г.

За указанный объем юридической помощи Р. произвел оплату услуг представителя в размере 40 000 руб.

Посчитав, что размер расходов, понесенных истцом за оказание ему юридических услуг, заявлен в разумных пределах, гарнизонный военный суд, исходя из минимальных тарифов на оказание юридической помощи адвокатами Еврейской автономной области, удовлетворил заявление полностью.

Не опровергая выводы гарнизонного военного суда о разумности понесенных Р. расходов, окружной военный суд уменьшил размер денежных средств, подлежащих взысканию, до 4000 руб., основываясь на положениях ч. 1 ст. 98 ГПК РФ, согласно которым в случае, если иск удовлетворен частично, указанные в этой статье судебные расходы присуждаются истцу пропорционально размеру удовлетворенных судом исковых требований.

Между тем такой вывод окружного военного суда сделан без учета разъяснений Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 “О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела”.

В соответствии с ч. 1 ст. 88 ГПК РФ судебные расходы состоят из государственной пошлины и издержек, связанных с рассмотрением дела.

Согласно ст. 94 ГПК РФ к издержкам, связанным с рассмотрением дела, относятся расходы, в том числе на оплату услуг представителей.

В соответствии с ч. 1 ст. 98 ГПК РФ стороне, в пользу которой состоялось решение суда, суд присуждает возместить с другой стороны все понесенные по делу судебные расходы. В случае, если иск удовлетворен частично, указанные в этой статье судебные расходы присуждаются пропорционально размеру удовлетворенных судом исковых требований, а ответчику пропорционально той части исковых требований, в которой истцу отказано.

В силу ч. 1 ст. 100 ГПК РФ стороне, в пользу которой состоялось решение суда, по ее письменному ходатайству суд присуждает с другой стороны расходы на оплату услуг представителя в разумных пределах.

Согласно п. 21 указанного выше постановления Пленума Верховного Суда РФ положения процессуального законодательства о пропорциональном возмещении (распределении) судебных издержек (ст.ст. 98, 102, 103 ГПК РФ) не подле-

жат применению при разрешении в том числе иска неимущественного характера, имеющего денежную оценку требования, направленного на защиту личных неимущественных прав (например, о компенсации морального вреда).

При таких обстоятельствах кассационный военный суд пришел к выводу о том, что гарнизонный военный суд в связи с разумным размером заявленных истцом к взысканию денежных средств в счет возмещения понесенных им расходов на оплату услуг представителя в размере 40 000 руб. обосновано взыскал в пользу истца данную сумму.

2. При задержании лица непосредственно после приобретения огнестрельного оружия уголовно-правовая оценка его действий как хранения оружия является излишней

*Апелляционное определение
апелляционного военного суда
от 1 сентября 2025 г.*

(Извлечение)

По приговору 1-го Восточного окружного военного суда от 25 октября 2025 г. А., помимо прочего, осужден по ч. 1 ст. 222 УК РФ к окончательному наказанию в виде лишения свободы на срок девять лет.

Рассмотрев уголовное дело по апелляционной жалобе осужденного, апелляционный военный суд приговор изменил, указав в обоснование следующее.

Согласно приговору А. осужден за незаконное приобретение и хранение огнестрельного оружия — пистолета, приобретенного им 15 июля 2022 г.

Между тем в судебном заседании установлено, что А., проследовав вместе с Я. к месту нахождения этого оружия, сразу после его приобретения у последнего был задержан сотрудниками органа государственной безопасности.

Таким образом, хранение огнестрельного оружия им фактически не осуществлялось, в связи с чем указанный признак совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ, исключен из приговора как ошибочно вмененный и наказание, как за это преступление, так и по совокупности преступлений, снижено.

3. День фактического задержания лица, признанного виновным в совершении преступления, подлежит зачету в срок отбывания им наказания

*Апелляционное определение
апелляционного военного суда
от 14 июля 2025 г.*

(Извлечение)

По приговору Центрального окружного военного суда от 11 октября 2024 г. И. осужден по совокупности преступлений, предусмотренных п. “а” ч. 2 ст. 205, ч. 1 ст. 30 и п. “а” ч. 2 ст. 205 УК РФ, к окончательному наказанию в виде лишения свободы на срок двадцать два года.

В срок отбывания И. наказания в виде лишения свободы судом первой инстанции зачтено время его задержания в качестве подозреваемого и содержания под стражей с 4 мая 2023 г.

Апелляционный военный суд, рассмотрев уголовное дело по апелляционным жалобам осужденного и его защитника, приговор изменил, указав в обоснование следующее.

По делу установлено, что И. фактически был задержан сотрудниками органов государственной безопасности около 21 час. 00 мин. 3 мая 2023 г., после чего с его участием проводились оперативно-розыскные мероприятия.

Согласно ч. 7 ст. 302 УПК РФ, постановляя обвинительный приговор с назначением наказания, подлежащего отбыванию осужденным, суд должен точно определить вид наказания, его размер и начало исчисления срока отбывания.

При этом в соответствии с п. 9 ч. 1 ст. 308 УПК РФ в резолютивной части обвинительного приговора должно быть указано решение о зачете времени предварительного содержания под стражей, если подсудимый до постановления приговора был задержан или к нему применялась мера пресечения в виде заключения под стражу.

По смыслу приведенных норм права следует, что день фактического задержания лица, признанного виновным в совершении преступления, подлежит зачету в срок отбывания им наказания, однако судом первой инстанции этого сделано не было.

На основании изложенного апелляционный военный суд зачел в срок отбывания И. наказания в виде лишения свободы период его задержания в качестве подозреваемого и содержания под стражей с 3 мая 2023 г.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 1/2026

Обзор практики рассмотрения судами административных дел об оспаривании нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, которыми установлены дополнительные меры социальной поддержки участникам специальной военной операции и членам их семей

Верховным Судом РФ проведено изучение и обобщение практики рассмотрения судами общей юрисдикции административных дел об оспаривании нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, которыми установлены дополнительные меры социальной поддержки участникам специальной военной операции (далее также — СВО) и членам их семей, за период с 24 февраля 2022 г. по 1 декабря 2025 г.

Право органов государственной власти субъекта Российской Федерации устанавливать за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации дополнительные меры социальной поддержки и социальной помощи для отдельных категорий граждан предусмотрено ч. 3 ст. 48 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ “Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации”.

Федеральным Законом от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ “О статусе военнослужащих” закреплено, что органы государственной власти субъектов Российской Федерации вправе устанавливать в пределах своих полномочий дополнительные социальные гарантии и компенсации военнослужащим, гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы, и членам их семей (п. 5 ст. 1).

Данные нормы федерального законодательства предоставляют субъектам Российской Федерации право определять дополнительные социальные гарантии для таких категорий граждан, как военнослужащие, граждане Российской Федерации, уволенные с военной службы, и члены их семей. Установление таких норм, однако, не должно порождать противоречий требованиям ч. 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации,

по смыслу которых гарантируется равенство прав граждан, относящихся к одной категории, и запрещаются любые формы ограничения их прав, не имеющие объективного и разумного оправдания.

Соответственно, установление нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации мер социальной поддержки не должно носить дискриминационный характер и нарушать принцип равенства прав граждан на их получение.

При этом такие акты субъектов Российской Федерации должны соответствовать федеральным законам или иным нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу.

Применительно к рассматриваемой категории административных дел указанными нормативными правовыми актами являются Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ “О ветеранах”, Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ “О статусе военнослужащих”, Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 98 “О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей”, Указы Президента Российской Федерации от 2 ноября 2022 г. № 787 и от 31 июля 2024 г. № 644, предусматривающие единовременные денежные выплаты военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах РФ, Правила осуществления единовременной денежной выплаты военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденные постановлением Правительства РФ от 2 августа 2024 г. № 1044, и др.

Федеральный законодатель, устанавливая для военнослужащих, граждан Российской Федерации, уволенных с военной службы, и членов их семей социальные гарантии, не дифференцирует лиц в рамках каждой из этих категорий, а также не закрепляет за органами государственной власти субъектов Российской Федерации право выделять отдельные группы лиц из названных категорий, имеющих право на получение дополнительных социальных гарантий, реализуемых органами государственной власти субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий.

Анализ практики рассмотрения судами общей юрисдикции по правилам главы 21 КАС РФ административных дел об оспаривании нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, устанавливающих дополнительные меры социальной поддержки участникам СВО и членам их семей, выявил наличие у судов затруднений при оценке законности принятых в субъектах Российской Федерации нормативных правовых актов.

В целях обеспечения правильного и единообразного рассмотрения судами общей юрисдикции административных дел об оспаривании нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, которыми установлены дополнительные меры социальной поддержки участникам СВО и членам их семей, по результатам изучения и обобщения судебной практики Верховным Судом РФ на основании ст. 126 Конституции Российской Федерации, ст.ст. 2 и 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации” определены следующие правовые позиции.

1. Право участника СВО на получение в субъекте Российской Федерации мер социальной поддержки не может быть поставлено в зависимость от даты его регистрации по месту жительства в этом субъекте.

В соответствии с подп. “а” п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона Ставропольского края от 28 февраля 2023 г. № 18-кз “О дополнительных социальных гарантиях участникам специальной военной операции и мерах социальной поддержки членов их семей” (далее — Закон № 18-кз) для целей этого закона участниками специальной военной операции являются граждане Российской Федерации, проходящие (проходившие) военную службу в Вооруженных Силах РФ, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых законодательством Российской Федерации предусмотрена военная служба, лица, проходящие (проходившие) службу в войсках Росгвардии, имеющие (имевшие) специальные звания полиции, принимающие (принимавшие) участие в специальной военной операции, местом жительства (службы) которых на дату начала специальной военной операции являлся Ставропольский край.

В административном исковом заявлении Ш. просил признать не действующим подп. “а” п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона № 18-кз в той части, в которой участниками СВО для целей данного закона признаются лица, принимавшие участие в СВО, ме-

стом жительства (службы) которых на дату ее начала являлся Ставропольский край.

Решением Ставропольского краевого суда от 22 октября 2024 г. в удовлетворении заявленных требований отказано.

Апелляционным определением судебной коллегии по административным делам Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 21 февраля 2025 г., оставленным без изменения кассационным определением судебной коллегии по административным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 25 июня 2025 г., решение отменено, по делу принято новое решение, которым признан не действующим подп. “а” п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона № 18-кз в части слов “на дату начала специальной военной операции”.

Установлено, что Ш., проходивший военную службу по контракту с мая 2019 г. в воинской части, дислоцированной в Краснодарском крае, до 16 июня 2022 г. имел регистрацию по месту жительства в г. Ростове-на-Дону, с 21 июня 2022 г. — в г. Ставрополе. После начала СВО административный истец был направлен в зону ее проведения для участия в боевых действиях.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, краевой суд исходил из того, что финансовое обеспечение мер социальной поддержки осуществляется при наличии возможностей бюджета субъекта Российской Федерации.

Отменяя решение суда и принимая по делу новый судебный акт об удовлетворении административного иска, суд апелляционной инстанции указал, что установленные в Ставропольском крае для военнослужащих дополнительные социальные гарантии не должны нарушать принцип равенства прав граждан на получение мер социальной поддержки путем введения положений, неоправданно ограничивающих права лиц одной категории.

Федеральный законодатель, распространяя на военнослужащих, граждан Российской Федерации, уволенных с военной службы, предусмотренные Федеральным законом от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ “О статусе военнослужащих” социальные гарантии, не выделяет обособленные группы лиц в рамках данных категорий и не ставит право на получение мер социальной поддержки в зависимость от даты начала проживания на территории субъекта Российской Федерации, а также не закрепляет за органами государственной власти субъектов Российской Федерации право определять отдельные группы военнослужащих либо граждан, уволенных с военной службы, имеющих право на получение дополнительных социальных гарантий, реализуемых органами государственной власти субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий.

Из содержания положений подп. “а” п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона № 18-кз следует, что реализация права на получение всех дополнительных мер социальной поддержки, предусмотренных оспариваемым нормативным правовым актом, ставится в зависимость от даты начала проживания лица на территории Ставропольского края.

Тем самым оспариваемая норма лишает возможности получения любой меры дополнительной социальной поддержки граждан, отвечающих указанным в названном подпункте критериям, за исключением требования о необходимости проживания на территории субъекта Российской Федерации на дату начала СВО.

При этом граждане, ставшие жителями Ставропольского края после начала СВО и являющиеся его жителями на дату обращения за получением мер дополнительной социальной поддержки, также принимали участие в СВО и выполняли задачи, специфика которых сопряжена с особым риском и повышенной опасностью для жизни и здоровья, т.е. находились в сходных условиях с гражданами, проживавшими на территории края до начала СВО.

2. Отказ в предоставлении дополнительной меры социальной поддержки военнослужащему, принимавшему участие в СВО, исключительно на основе того, в какую воинскую часть Вооруженных Сил РФ, выполнявшую задачи в зоне СВО, он был зачислен, является неправомерным.

В соответствии с подп. 6 п. 1 постановления Правительства Мурманской области от 28 июня 2022 г. № 500-ПП “Об установлении дополнительной меры социальной поддержки в форме единовременной материальной помощи” (в ред. постановлений от 22 августа 2022 г. № 671-ПП и от 28 сентября 2022 г. № 763-ПП) (далее — Постановление № 500-ПП) установлена единовременная материальная помощь в размере 300 000 руб. гражданам, состоящим на воинском учете в военных комиссариатах Мурманской области, пребывающим в запасе и заключившим до 1 октября 2022 г. контракт о прохождении военной службы и зачисленным в воинские подразделения, сформированные и дислоцированные на территории Мурманской области в период проведения СВО для целей участия в этой операции.

В административном исковом заявлении К. просил признать не действующей с 24 августа 2022 г. названную норму в той части, в какой единовременная материальная помощь предусмотрена только для граждан, зачисленных в воинские подразделения, сформированные для целей участия в СВО.

В ходе рассмотрения дела было установлено, что К. на основании заключенного 22 сентября 2022 г. контракта о прохождении военной службы назначен заместителем командира взвода инженерно-саперного батальона воинской части, дислоцированной в Мурманской области.

Приказом уполномоченного воинского должностного лица от 4 октября 2022 г. административный истец направлен в служебную командировку в зону проведения СВО, где в период с 6 октября по 7 ноября и с 23 ноября по 17 декабря 2022 г. выполнял задачи в ходе проведения данной операции.

В апреле 2023 г. К. обратился с заявлением о выплате единовременной материальной помощи, предусмотренной Постановлением № 500-ПП, однако получил отказ, поскольку воинское подразделение, в котором он проходил военную службу, не относится к числу подразделений,

сформированных на территории Мурманской области для целей участия в СВО.

Решением Мурманского областного суда от 1 июля 2024 г., оставленным без изменения в указанной части апелляционным определением Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 25 октября 2024 г., заявленные требования удовлетворены.

При этом суд исходил из того, что нормы федерального законодательства, предусматривающие для участников СВО единовременные денежные выплаты (в частности, Указы Президента Российской Федерации от 2 ноября 2022 г. № 787 и от 31 июля 2024 г. № 644), не разделяют военнослужащих в зависимости от того, в каком воинском подразделении они проходят военную службу; реализация же субъектом Российской Федерации правомочия устанавливать критерии нуждаемости в целях предоставления региональных мер социальной поддержки не допускает установления дискриминационных и произвольных критериев определения круга лиц, которым могут быть назначены такие меры поддержки, и нарушения принципа равенства прав граждан на получение таких мер путем введения положений, неоправданно ограничивающих права лиц одной категории.

Оспариваемой нормой предоставление дополнительной меры социальной поддержки ставится в зависимость от факта зачисления лица в воинские подразделения, сформированные исключительно для целей участия личного состава такого подразделения в СВО, что тем самым лишает возможности получения указанной меры граждан, отвечающих всем указанным в вышеназванном подпункте Постановления № 500-ПП критериям, за исключением требования о зачислении в воинские части, сформированные непосредственно для целей участия личного состава в СВО.

Однако все военнослужащие, принимавшие участие в СВО, находились в сходных условиях: они выполняли задачи, специфика которых сопряжена с особым риском и повышенной опасностью для жизни и здоровья, независимо от того, в каком воинском подразделении Вооруженных Сил РФ они проходили военную службу.

Ввиду изложенного судом признан не действующим подп. 6 п. 1 Постановления № 500-ПП в той мере, в которой его действие распространяется исключительно на граждан, зачисленных в воинские подразделения, сформированные и дислоцированные на территории Мурманской области в период проведения СВО для целей участия личного состава такого подразделения в СВО.

3. Предусматривая во исполнение норм федерального законодательства дополнительные меры социальной поддержки участникам СВО, законодатель субъекта Российской Федерации не вправе сужать по сравнению с положениями федерального законодательства круг лиц, которым данная мера адресована.

Постановлением Правительства Республики Хакасия от 28 июня 2023 г. № 518 (в ред. постановления от 29 ноября 2024 г. № 713) утвержден Порядок предоставления единовременной денежной выплаты гражданам Российской Федерации, за-

ключившим контракт с Министерством обороны Российской Федерации о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации (далее — Порядок № 518).

В соответствии с абз. 2 п. 3 Порядка № 518 единовременная денежная выплата предоставляется военнослужащим, призванным на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы РФ, военнослужащим, проходившим военную службу по призыву в Вооруженных Силах РФ (за исключением военнослужащих, замещающих воинские должности курсантов военных профессиональных образовательных организаций, военных образовательных организаций высшего образования, находящихся в ведении Минобороны России), и иным гражданам Российской Федерации, и иностранным гражданам, заключившим в период с 29 ноября 2024 г. по 31 декабря 2024 г. включительно контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах РФ сроком на 1 год и более для выполнения задач СВО.

В силу абз. 1 п. 10 Порядка № 518, действовавшего с 29 ноября 2024 г., при увольнении военнослужащих с военной службы ранее срока, установленного контрактом, по основаниям, предусмотренным подп. “д” — “е1”, “з” п. 1 и подп. “в” — “е2”, “к” — “м” п. 2 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ “О воинской обязанности и военной службе” (далее — Закон “О воинской обязанности и военной службе”), полученная выплата подлежит возврату военнослужащим в сумме, исчисленной пропорционально времени (за полные месяцы), оставшемуся до окончания срока, установленного контрактом.

Прокурор обратился в Верховный Суд Республики Хакасия с административным иском заявлением, в котором просил признать недействующими абз. 2 п. 3 и абз. 1 п. 10 Порядка № 518, указав, что оспариваемый Порядок допускает нераспространение его действия:

- на военнослужащих, имеющих судимость или совершивших преступление и заключивших контракт о прохождении военной службы в соответствии с п. 51 ст. 31 Закона “О воинской обязанности и военной службе” в период с 1 августа по 28 ноября 2024 г. включительно;

- на военнослужащих, уволенных с военной службы ранее срока, установленного контрактом, по основаниям, предусмотренным подп. “д” — “е1”, “з” п. 1 и подп. “в” — “е2”, “к” — “м” п. 2 ст. 51 Закона “О воинской обязанности и военной службе”, в части возможности возврата полученной ими выплаты в сумме, исчисленной пропорционально времени, оставшемуся до окончания срока, установленного контрактом, в период с 1 августа по 28 ноября 2024 г. включительно.

Прокурор указал, что в этой части данный нормативный правовой акт противоречит п. 1 Указа Президента Российской Федерации от 31 июля 2024 г. № 644 “О единовременной денежной выплате военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, войсках национальной гвардии Российской Федерации” (далее — Указ Президента Российской Федерации № 644) и п. 6 Правил осу-

ществления единовременной денежной выплаты военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 2 августа 2024 г. № 1044 (далее — Правила № 1044), предусматривающих предоставление соответствующей единовременной денежной выплаты и распространяющихся на правоотношения, возникшие с 1 августа 2024 г. (п. 2 постановления Правительства РФ от 2 августа 2024 г. № 1044).

Решением Верховного Суда Республики Хакасия от 24 декабря 2024 г., оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по административным делам Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 3 апреля 2025 г., требования прокурора удовлетворены по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 Указа Президента Российской Федерации № 644 определенным в этом нормативном правовом акте гражданам, которые заключили контракт о прохождении военной службы сроком на 1 год и более для выполнения задач СВО на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и Украины, установлена единовременная денежная выплата в размере 400 000 руб.

Пунктом 6 Правил № 1044 установлено, что при увольнении военнослужащих с военной службы ранее срока, установленного контрактом, по основаниям, предусмотренным подп. “д” — “е1”, “з” п. 1 и подп. “в” — “е2”, “к” — “м” п. 2 ст. 51 Закона “О воинской обязанности и военной службе”, выплаченная им единовременная денежная выплата подлежит взысканию (возврату) в сумме, исчисленной пропорционально времени (за полные месяцы), оставшемуся до окончания срока, установленного контрактом.

Однако, реализуя предусмотренную в п. 3 Указа Президента Российской Федерации № 644 рекомендацию высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации установить и осуществлять лицам, названным в п. 1 названного Указа, единовременную денежную выплату за счет средств субъектов Российской Федерации, Правительство Республики Хакасия в постановлении от 29 ноября 2024 г. № 518 не распространило право на получение указанной выплаты на лиц, заключивших контракты в период с 1 августа 2024 г. по 28 ноября 2024 г.

В результате военнослужащие, заключившие контракты в период с 1 августа 2024 г. по 28 ноября 2024 г., в отличие от военнослужащих, заключивших контракт с 29 ноября 2024 г., были лишены права на единовременную денежную выплату, а в случае их досрочного увольнения с военной службы по основаниям, предусмотренным подп. “д” — “е1”, “з” п. 1 и подп. “в” — “е2”, “к” — “м” п. 2 ст. 51 Закона “О воинской обязанности и военной службе”, — возможности вернуть единовременную выплату пропорционально времени, оставшемуся до окончания срока контракта, что ограничило их право на равный доступ к социальным гарантиям, предусмотренным действующим законодательством.

4. Положения подзаконного нормативного акта субъекта Российской Федерации, устанавливающие по сравнению с нормативным правовым актом большей юридической силы дополнительные условия, ограничивающие предоставление мер социальной поддержки участникам СВО, не являются законными.

Постановлением Совета министров Республики Крым от 29 декабря 2022 г. № 1288 утвержден Порядок учета отдельных категорий граждан и предоставления им земельных участков на территории Республики Крым (далее — Порядок № 1288).

В соответствии с подп. 2 п. 1.1 раздела 1 Порядка № 1288 (в ред. постановления от 3 июля 2023 г. № 451) данным актом установлен в том числе порядок предоставления земельных участков, находящихся в собственности Республики Крым, бесплатно в собственность гражданам, указанным в том числе в п. 11 ч. 1 ст. 4 Закона Республики Крым от 15 января 2015 г. № 66-ЗРК/2015 “О предоставлении земельных участков, находящихся в собственности Республики Крым или муниципальной собственности, и некоторых вопросах земельных отношений” (далее — Закон № 66-ЗРК/2015).

В силу подп. 6 п. 2.6 раздела 2 Порядка № 1288 к заявлению о предоставлении земельного участка прилагается в том числе надлежаще заверенная копия решения суда, вступившего в законную силу, об установлении факта постоянного проживания заявителя на территории Республики Крым по состоянию на 24 февраля 2022 г. (в случае отсутствия постоянной регистрации на территории Республики Крым по состоянию на 24 февраля 2022 г. — при условии отсутствия постоянной регистрации на территории другого субъекта Российской Федерации по состоянию на указанную дату).

С. просил признать подп. 6 п. 2.6 раздела 2 Порядка № 1288 не действующим в части слов “при условии отсутствия постоянной регистрации на территории другого субъекта Российской Федерации по состоянию на указанную дату”, указав, что является ветераном боевых действий, участником СВО, с 2016 года он постоянно проживает в г. Евпатории, где зарегистрирован по месту пребывания. Однако в предоставлении земельного участка ему было отказано со ссылкой на оспариваемые положения Порядка № 1288.

Решением Верховного Суда Республики Крым от 21 марта 2024 г. административное исковое заявление удовлетворено ввиду следующего.

Согласно п. 11 ч. 1 ст. 4 Закона № 66-ЗРК/2015 (в ред. Закона Республики Крым от 13 апреля 2023 г. № 419-ЗРК/2023) право на предоставление земельных участков в собственность бесплатно имеют ветераны боевых действий, направлявшиеся для обеспечения выполнения задач или принимавшие участие в боевых действиях в ходе СВО на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Херсонской области и Запорожской области, имеющие постоянную регистрацию (постоянно проживающие) на территории Республики Крым.

Из изложенного следует, что для целей предоставления земельных участков в собственность бесплатно Закон № 66-ЗРК/2015 не содержит такого условия, как отсутствие постоянной регистрации на территории другого субъекта Российской Федерации.

Таким образом, оспариваемые административным истцом нормы устанавливают дополнительное условие для постановки на учет и предоставления земельного участка в собственность бесплатно, которое не соответствует положениям акта большей юридической силы.

5. Предоставление нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации дополнительных мер поддержки членам семей участников СВО лишь при наличии места регистрации или жительства на территории данного субъекта Российской Федерации участника СВО противоречит актам, имеющим большую юридическую силу, и не отвечает целям и задачам государственной политики, направленной на социальную поддержку участников специальной военной операции и членов их семей.

Указом Губернатора Омской области от 3 августа 2023 г. № 181 “Об установлении дополнительных мер поддержки и помощи для участников специальной военной операции и членов их семей на территории Омской области” (далее — Указ № 181) участникам СВО, принимающим участие в СВО и непосредственно находящимся в зоне ее проведения, и (или) членам их семей установлены дополнительные меры поддержки.

В соответствии с п. 4 Указа № 181 к категории участников СВО в том числе относятся:

— граждане, зарегистрированные по месту жительства на территории Омской области, призванные военными комиссариатами муниципальных образований иных субъектов Российской Федерации на военную службу по мобилизации (подп. 2);

— граждане, заключившие контракт с Минобороны России о прохождении военной службы в Вооруженных Силах РФ не ранее 24 февраля 2022 г., имеющие место жительства на территории Омской области, убывшие в зону проведения СВО через пункт отбора на военную службу по контракту иного субъекта Российской Федерации (подп. 4);

— граждане, имеющие статус военнослужащих в соответствии с Федеральным законом от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ “О статусе военнослужащих”, зарегистрированные по месту жительства на территории Омской области, находящиеся в зоне проведения СВО и не относящиеся к иным категориям граждан, предусмотренным настоящим пунктом (подп. 18).

Решением Омского областного суда от 7 октября 2025 г. удовлетворены требования прокурора к Губернатору Омской области о признании не действующими подп. 2, 4, 18 п. 4 Указа № 181 в той мере, в которой они препятствуют реализации права на дополнительные меры поддержки и помощи проживающими на территории Омской области членами семей граждан,

принимающих участие в СВО, не зарегистрированных на территории Омской области и не имеющих места жительства на территории Омской области.

Признавая оспариваемые положения в указанной части не действующими, суд исходил из того, что право на региональные меры поддержки и помощи предусмотрено для членов семей участников СВО при наличии у последних регистрации или места жительства на территории Омской области. Реализация же прав членов семей участников СВО в зависимости от наличия регистрации и места жительства в регионе самого участника СВО не согласуется с гарантиями правовой и социальной защиты военнослужащих и членов их семей, закрепленными в ст. 3 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», а также с положениями ст. 1 Закона РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», обеспечивающими право граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации.

Предусмотренные в Указе № 181 дополнительные меры поддержки, в том числе освобождение

от платы, взимаемой с родителей (законных представителей) за присмотр и уход за детьми участников СВО, обучающимися в государственных образовательных организациях Омской области и муниципальных образовательных организациях по образовательным программам дошкольного образования; предоставление бесплатного горячего питания детям участников СВО, обучающимся в 5—11 классах в государственных образовательных организациях Омской области и муниципальных образовательных организациях, предполагают проживание членов семей участника СВО на территории Омской области и исключают получение таких мер поддержки в ином регионе.

При таких обстоятельствах непредоставление Указом № 181 членам семей участников СВО права на дополнительные меры поддержки в связи с отсутствием места регистрации (проживания) самого участника специальной военной операции в субъекте Российской Федерации не отвечает целям и задачам государственной политики, направленной на дополнительную поддержку участников СВО и членов их семей.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
11 февраля 2026 г. № 2А/2026)*

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 4 (2025)

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав

1. В случае незаконного отказа органа местного самоуправления передать земельный участок в собственность гражданина, арендная плата с гражданина за этот участок не может быть взыскана в размере большем, чем подлежавший уплате земельный налог.

Комитет имущественных и земельных отношений администрации городского округа Подольск Московской области (далее — Комитет) обратился в суд с иском к Р. о взыскании задолженности по договору аренды земельного участка от 29 июля 2022 г. за первый квартал 2023 года в размере 291 175 руб. и пени за период с 16 декабря 2022 г. по 21 марта 2023 г. в размере 1389 руб., ссылаясь на то, что ответчиком обязательство по внесению арендной платы по указанному договору аренды земельного участка исполняется ненадлежащим образом.

Помимо этого, Комитетом был подан иск к Р. о взыскании задолженности по договору аренды земельного участка от 1 июля 2022 г. за I квартал 2023 г. в размере 462 000 руб. и пени за период с 16 декабря 2022 г. по 21 марта 2023 г. в размере 3488 руб., мотивированный ненадлежащим исполнением Р. обязанностей арендатора в части внесения платы за аренду земельного участка.

Определением суда указанные дела объединены в одно производство.

Разрешая спор и удовлетворяя иск по данному делу, суд первой инстанции исходил из наличия задолженности по арендной плате; расчет истцом суммы задолженности, а также пени признан правильным.

С указанными выводами согласились суд апелляционной инстанции и кассационный суд общей юрисдикции.

Ссылку ответчика на решение суда от 10 мая 2023 г., которым удовлетворен его иск к Комитету о признании незаконными решений от 11 ноября 2022 г. и от 9 января 2023 г. об отказе в предоставлении в собственность арендуемых им земельных участков без проведения торгов, суды отклонили, указав, что данное обстоятельство не может служить основанием для прекращения начисления арендной платы.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права.

Согласно п. 1 ст. 39³ ЗК РФ продажа земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, осуществляется на торгах, проводимых в форме аукционов, за исключением случаев, предусмотренных п. 2 этой статьи.

Пунктом 2 указанной статьи предусмотрено, что без проведения торгов осуществляется

продажа земельных участков, на которых расположены здания, сооружения, собственникам таких зданий, сооружений либо помещений в них в случаях, предусмотренных ст. 39²⁰ данного Кодекса (подп. 6).

Статьей 39²⁰ ЗК РФ предусмотрено исключительное право на приобретение земельных участков в собственность или в аренду гражданами, юридическими лицами, являющимися собственниками зданий, сооружений, расположенных на таких земельных участках, если иное не установлено этой статьей Кодекса или другим федеральным законом (п. 1).

Положения указанной нормы права направлены на обеспечение реализации закрепленного в подп. 5 п. 1 ст. 1 названного Кодекса принципа единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, на защиту прав и законных интересов собственников зданий и сооружений.

Статьей 39³ ЗК РФ регламентирован порядок предоставления земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, без проведения торгов.

Так, согласно п. 5 ст. 39¹⁷ указанного Кодекса в срок не более чем тридцать дней со дня поступления заявления о предоставлении земельного участка уполномоченный орган рассматривает поступившее заявление, проверяет наличие или отсутствие оснований, предусмотренных ст. 39¹⁶ данного Кодекса, и по результатам указанных рассмотрения и проверки совершает одно из следующих действий:

1) осуществляет подготовку проектов договора купли-продажи, договора аренды земельного участка или договора безвозмездного пользования земельным участком в трех экземплярах и их подписание, а также направляет проекты указанных договоров для подписания заявителю, если не требуется образование испрашиваемого земельного участка или уточнение его границ;

2) принимает решение о предоставлении земельного участка в собственность бесплатно или в постоянное (бессрочное) пользование, если не требуется образование испрашиваемого земельного участка или уточнение его границ, и направляет принятое решение заявителю;

3) принимает решение об отказе в предоставлении земельного участка при наличии хотя бы одного из оснований, предусмотренных ст. 39¹⁶ данного Кодекса, и направляет принятое решение заявителю. В указанном решении должны быть указаны все основания отказа.

Из установленных судом обстоятельств и материалов дела следует, что решением суда от 10 мая 2023 г. удовлетворен иск Р. к Комитету о признании незаконными решений от 11 ноября 2022 г. и от 9 января 2023 г. об отказе в предоставлении в собственность арендуемых им земельных участков без проведения торгов.

На основании изложенного начисление арендной платы с момента нарушения Комитетом права ответчика на выкуп арендуемого земельного участка является неправомерным.

В противном случае нарушение органом местного самоуправления права арендатора на приобретение земельного участка в собственность являлось бы для органа местного самоуправления более выгодным, чем его реализация.

При этом имеет значение сам факт незаконного отказа органа местного самоуправления в предоставлении земельного участка в собственность, а не дата вынесения решения суда и вступления его в законную силу.

Вместе с тем право на предоставление земельного участка в собственность не означает, что в случае его реализации пользование земельным участком являлось бы бесплатным.

В подп. 7 п. 1 ст. 1 ЗК РФ установлен принцип платности использования земли, согласно которому любое использование земли осуществляется за плату, за исключением случаев, установленных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации.

Как следует из норм главы 31 части второй НК РФ, земельный налог относится к местным налогам, плательщиками которого в силу п. 1 ст. 388 этого Кодекса признаются организации и физические лица, обладающие земельными участками, признаваемыми объектом налогообложения в соответствии со ст. 389 данного Кодекса, на праве собственности, праве постоянного (бессрочного) пользования или праве пожизненного наследуемого владения, если иное не установлено этим пунктом.

Не признаются налогоплательщиками организации и физические лица в отношении земельных участков, находящихся у них на праве безвозмездного пользования, в том числе праве безвозмездного срочного пользования, или переданных им по договору аренды (п. 2 ст. 388 НК РФ).

Арендная плата за земельный участок, находящийся в публичной собственности, относится к неналоговым доходам и подлежит взысканию в соответствующий бюджет (ст.ст. 57 и 62 БК РФ).

Поскольку получатель арендной платы и земельного налога в данном случае совпадают, то при нарушении органом местного самоуправления права гражданина на получение арендуемого участка в собственность арендная плата не подлежит взысканию в части, превышающей размер земельного налога, подлежащего уплате, если бы это право не было нарушено.

Приведенные выше положения закона судом первой инстанции не были приняты во внимание, и арендная плата взыскана в полном объеме без учета нарушения истцом права ответчика на получение земельного участка в собственность.

Суды апелляционной и кассационной инстанций ошибки суда первой инстанции не исправили.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 5-КГ24-146-К2

2. Реализация членом садоводческого товарищества права на бесплатное приобретение в собственность выделенного ему земельного участка не может быть поставлена в зависимость от бездействия садоводческого товарищества по регистрации факта своего создания.

К. обратился в суд с иском к департаменту городского имущества о признании права собственности на земельный участок, ссылаясь на то,

что является членом садоводческого некоммерческого товарищества (далее — СНТ, товарищество) и в его владение и пользование по решению общего собрания СНТ, оформленному протоколом от 10 октября 2014 г., выделен земельный участок. Желая приобрести данный земельный участок в собственность бесплатно без проведения торгов по основаниям, предусмотренным п. 2⁷ ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ “О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации” (далее — Федеральный закон № 137-ФЗ), он обратился к ответчику с соответствующим заявлением, однако получил отказ со ссылкой на то, что спорный земельный участок образован из земельного участка, право бессрочного пользования на который зарегистрировано за СНТ после вступления названного Федерального закона в силу, вследствие чего нормы этого Закона на него не распространяются. Истец указал, что земельный участок, на котором расположено СНТ, был предоставлен для ведения садоводства сотрудникам завода в 1982 году. Само товарищество фактически образовано во время предоставления заводу земельного участка, и из протокола учредительного собрания от 18 мая 2008 г. следует, что члены товарищества посчитали необходимым придать юридическую форму фактически существующему в течение 20 лет сообществу садоводов-огородников.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что СНТ создано на основе фактически существующего сообщества садоводов-огородников, и признал, что принадлежащий СНТ земельный участок был предоставлен до даты вступления в силу Федерального закона № 137-ФЗ на основании распоряжения горисполкома от 19 марта 1982 г. и распоряжения исполкома районного Совета народных депутатов от 1 октября 1982 г., что при наличии прочих указанных в п. 2⁷ ст. 3 названного Федерального закона условий является основанием для предоставления бесплатно без проведения торгов в собственность истцу спорного земельного участка, переданного ему в пользование, в пределах территории товарищества.

Отклоняя доводы стороны ответчика о том, что у СНТ право на ведение садоводства на земельном участке возникло на основании вступившего в законную силу решения суда от 18 сентября 2013 г. (по делу о признании за СНТ права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком) и на момент вступления в силу Федерального закона № 137-ФЗ СНТ еще не было образовано, а истец не являлся его членом, суд первой инстанции посчитал их противоречащими п. 2⁷ ст. 3 названного выше Федерального закона, согласно которому для приобретения земельного участка в собственность бесплатно без проведения торгов необходимо, чтобы он был образован из земельного участка, предоставленного до даты вступления в силу Федерального закона № 137-ФЗ объединению либо иной организации, при которой было создано или организовано указанное объединение.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции сослался на то, что СНТ создано в

2008 году, при этом доказательств, подтверждающих правовую связь СНТ с заводом, которому был предоставлен исходный земельный участок в 1982—1983 годах, не представлено. Поскольку связь СНТ с заводом не установлена, то отсутствует и одно из условий предоставления земельного участка в собственность бесплатно, а именно — земельный участок должен быть образован из земельного участка, предоставленного до дня вступления в силу Федерального закона № 137-ФЗ некоммерческой организации либо иной организации, при которой была создана или организована такая некоммерческая организация.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции и их правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, как вынесенные с нарушением норм права, дело направила на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям.

В соответствии с п. 2 ст. 3 Федерального закона № 137-ФЗ (в редакции, действовавшей на дату обращения К. с заявлением в департамент городского имущества о предоставлении земельного участка в собственность бесплатно) до 1 марта 2022 г. члены некоммерческих организаций, созданных до 1 января 2019 г. для ведения садоводства, огородничества или дачного хозяйства, и члены садоводческих или огороднических некоммерческих товариществ, созданных путем реорганизации таких некоммерческих организаций, имеют право независимо от даты вступления в члены указанных некоммерческих организаций приобрести земельный участок, предназначенный для ведения садоводства, огородничества или дачного хозяйства, без проведения торгов в собственность бесплатно, если такой земельный участок соответствует в совокупности следующим условиям:

— земельный участок образован из земельного участка, предоставленного до дня вступления в силу указанного Федерального закона для ведения садоводства, огородничества или дачного хозяйства некоммерческой организации, указанной в абз. 1 этого пункта, либо иной организации, при которой была создана или организована такая некоммерческая организация;

— по решению общего собрания членов указанной некоммерческой организации о распределении земельных участков между членами указанной некоммерческой организации либо на основании другого документа, устанавливающего распределение земельных участков в указанной некоммерческой организации, земельный участок распределен данному члену указанной некоммерческой организации;

— земельный участок не является изъятным из оборота, ограниченным в обороте и в отношении земельного участка не принято решение о резервировании для государственных или муниципальных нужд.

В случае, предусмотренном п. 2⁷ ст. 3 Федерального закона № 137-ФЗ, предоставление земельного участка гражданину в собственность или в аренду осуществляется на основании решения исполнительного органа государственной власти или органа местного самоуправле-

ния, предусмотренных ст. 39² ЗК РФ, на основании заявления гражданина или его представителя (п. 2⁸ ст. 3 Федерального закона № 137-ФЗ).

Как указала Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, приведенные положения закона судебными инстанциями к спорным отношениям применены неправильно, так как закрепленный за истцом спорный земельный участок полностью соответствует условиям, установленным в п. 2 ст. 3 Федерального закона № 137-ФЗ, при наличии которых реализуется право на приобретение земельного участка в собственность бесплатно.

Как видно из материалов дела, вступившим в законную силу решением районного суда от 18 сентября 2013 г. установлено, что земельный участок, на котором расположено СНТ, был предоставлен для ведения огородничества рабочим и служащим завода до дня вступления в силу Федерального закона № 137-ФЗ и что впоследствии данными гражданами было образовано СНТ. При этом само товарищество фактически существовало со времени предоставления указанного земельного участка.

Иные выводы о времени предоставления земельного участка, на котором расположено СНТ, а также выводы об отсутствии доказательств, подтверждающих правовую связь СНТ с заводом, которому был предоставлен исходный земельный участок в 1982 году, сделаны судом апелляционной инстанции с нарушением правил ч. 2 ст. 61 ГПК РФ.

Определение № 41-КГ24-49-К4

3. Законом допускается раздел жилого дома с образованием объектов блокированной застройки при соблюдении требований градостроительного и земельного законодательства.

В. обратилась в суд с иском к В.З. о прекращении права общей долевой собственности на объект недвижимости, об исключении записи из ЕГРН, о признании права собственности на жилой дом блокированной застройки.

В обоснование иска указано, что В. является собственником 16/70 долей в праве собственности на спорный жилой дом. Право собственности на долю в этом доме возникло у Ю. (наследодателя В.) в результате раздела совместно нажитого имущества супругов на основании решения суда от 28 марта 1975 г., которым за Ю. признано право собственности на 16/70 долей в праве на домовладение и по которому ей выделены в натуре в пользование, владение и распоряжение жилая комната с прилегающей к ней верандой и коридором, а также надворные постройки и фруктовые деревья. Данное решение суда юридически не исполнено, поскольку дом состоит на кадастровом учете как объект недвижимости с несколькими собственниками. Ответчику принадлежат 1/2 доля и 19/70 долей в праве собственности на дом. Фактически спорный одноэтажный дом разделен на две части с отдельными входами. Каждая часть дома отвечает признакам жилого дома блокированной застройки, имеет отдельное отопление (индивидуальные газовые котлы), водоснабжение и канализацию. Истец полагала возможным осуществить раздел земельного участка, расположенного под домом, который находится в ведении администрации городского округа. Ответчик без

ее согласия заключила с администрацией городского округа договор аренды в отношении всего земельного участка, тогда как решением суда от 5 февраля 2009 г. был определен порядок пользования земельным участком. К соглашению о прекращении права общей долевой собственности на жилой дом стороны не пришли, ответчик от оформления документов на основании ранее вынесенного решения суда отказывается, по месту нахождения имущества не проживает, от получения почтовой корреспонденции уклоняется. Истец просила прекратить право общей долевой собственности между сторонами на жилой дом, исключить из ЕГРН (аннулировать) записи о кадастровом учете и регистрации права общей долевой собственности на дом, признать жилой дом домом блокированной застройки; признать право собственности В. на жилой блок дома блокированной застройки.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении исковых требований отказано.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил без изменения решение суда первой инстанции и апелляционное определение.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, проверяя законность обжалуемых судебных постановлений, признала их вынесенными с существенным нарушением норм права, указав следующее.

С 1 марта 2022 г. вступил в силу Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 476-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 476-ФЗ), которым среди прочего внесены изменения в Градостроительный кодекс Российской Федерации (далее — ГрК РФ).

Статья 1 ГрК РФ дополнена п. 40, в котором определено, что дом блокированной застройки — жилой дом, блокированный с другим жилым домом (другими жилыми домами) в одном ряду общей боковой стеной (общими боковыми стенами) без проемов и имеющий отдельный выход на земельный участок.

Согласно п. 2 ч. 2 ст. 49 ГрК РФ экспертиза не проводится в отношении проектной документации дома блокированной застройки в случае, если количество этажей в таких домах не превышает трех, при этом количество всех домов блокированной застройки в одном ряду не превышает десяти и их строительство или реконструкция осуществляется без привлечения средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. В результате внесенных в Градостроительный кодекс РФ изменений из указанной нормы среди прочего исключены требования по размещению жилого дома (блока) на отдельном земельном участке.

В соответствии с ч. 1 ст. 16 Федерального закона № 476-ФЗ блок, указанный в п. 2 ч. 2 ст. 49 ГрК РФ (в редакции, действовавшей до дня вступления в силу названного Федерального закона), соответствующий признакам, указанным в п. 40 ст. 1 ГрК РФ, со дня вступления в силу этого Федерального закона признается домом блокированной застройки независимо от того, является ли данный блок зданием или помещением в здании.

Частью 3 ст. 16 Федерального закона № 476-ФЗ предусмотрено, что в случае, если до дня вступления в силу данного Федерального закона в ЕГРН были внесены сведения о блоках (независимо от их наименования или вида разрешенного использования) в качестве жилых помещений в жилых домах блокированной жилой застройки, указанных в п. 2 ч. 2 ст. 49 ГрК РФ (в редакции, действовавшей до дня вступления в силу названного Федерального закона), и зарегистрированы права на такие блоки, собственники указанных блоков вправе совместным решением уполномочить одного из собственников таких блоков на обращение от имени всех собственников блоков в федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный Правительством РФ на осуществление государственного кадастрового учета, государственной регистрации прав, ведение ЕГРН и предоставление сведений, содержащихся в ЕГРН, с заявлением об учете изменений сведений ЕГРН в части приведения вида, назначения и вида разрешенного использования объекта недвижимости в соответствие с требованиями законодательных актов Российской Федерации, измененных данным Федеральным законом. Отсутствие в градостроительном регламенте, утвержденном применительно к территориальной зоне, в границах которой расположены такие объекты, указания на соответствующий вид объекта недвижимости и вид его разрешенного использования, а также утвержденных параметров разрешенного строительства таких объектов не является препятствием для внесения в ЕГРН указанных сведений.

Таким образом, с 1 марта 2022 г. в законодательство, устанавливающее правовой режим домов блокированной застройки, внесены изменения, в том числе дано определение дома блокированной застройки, исключены требования об образовании самостоятельного земельного участка под каждым домом блокированной застройки. Собственник каждого блока после государственной регистрации права на такой блок вправе обеспечить образование необходимого земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, занятого и необходимого для эксплуатации принадлежащего ему блока.

В то же время нижестоящие судебные инстанции указанные выше нормы закона с учетом изменений, внесенных Федеральным законом № 476-ФЗ, не применили.

Приказом Минстроя России от 17 мая 2023 г. № 350-пр внесены изменения в термины, данные в пп. 3.1—3.3 СП 55.13330.2016. Свод правил. Дома жилые многоквартирные. СНиП 31-02-2001, утвержденного и введенного в действие приказом Минстроя России от 20 октября 2016 г. № 725/пр. Согласно п. 3.1 данного свода правил (в редакции, действующей с 18 июня 2023 г.) домом блокированной застройки жилым индивидуальным (блокированным жилым домом) признается индивидуальный жилой дом, блокированный с другим индивидуальным жилым домом (другими индивидуальными жилыми домами) в одном ряду общей боковой стеной (общими боковыми стенами) без проемов и имеющих отдельный выход на земельный участок.

Кроме того, судами не было принято во внимание, что вступившим в законную силу реше-

нием суда от 28 марта 1975 г. произведен выдел принадлежащей Ю. (наследодателю В.) доли в жилом доме в натуре, однако ответчиком осуществлена постройка на учет спорного домовладения как единого объекта без учета состоявшегося решения суда, обязательного для исполнения.

Выводы, содержащиеся в заключении кадастрового инженера от 30 июня 2022 г., о том, что спорный дом состоит из самостоятельных частей, отвечает признакам блокированной застройки, имеет самостоятельные выходы на земельный участок и длительное время эксплуатируется сторонами как дом блокированной застройки, не опровергнуты.

Вопрос о проведении по делу судебной строительно-технической экспертизы в соответствии с ч. 1 ст. 79 ГПК РФ на обсуждение сторон в ходе рассмотрения данного спора судами первой и апелляционной инстанций не ставился, в связи с этим вывод судебных инстанций о том, что жилой дом признакам блокированной застройки не отвечает, правомерным признан быть не может, поскольку иными доказательствами не подтвержден и не основан на установленных обстоятельствах по делу.

С учетом того, что судебными инстанциями при рассмотрении исковых требований В. не применены нормы материального права, подлежащие применению к спорным отношениям, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 16-КГ24-1-К4

Разрешение споров, возникающих из договорных отношений

4. Если к моменту рассмотрения судом вопроса о применении последствий недействительности соглашения о передаче прав и обязанностей по договору лизинга выкуп предмета лизинга уже состоялся, то какие-либо обязательства лизингополучателя перед лизингодателем по общему правилу не могут быть восстановлены.

Налоговый орган обратился в суд с иском к обществу (далее также — первоначальный лизингополучатель) и Л. (далее также — новый лизингополучатель) о признании недействительным заключенного между ответчиками договора от 1 октября 2021 г. о передаче прав и обязанностей лизингополучателя, возникших у первоначального лизингополучателя на основании договора лизинга от 29 декабря 2020 г., заключенного между ним и лизингодателем, предметом которого является транспортное средство, и о применении последствий недействительности ничтожной сделки путем возврата новым лизингополучателем первоначальному лизингополучателю транспортного средства.

Иск обоснован тем, что по результатам налоговой проверки налоговым органом вынесено решение о привлечении первоначального лизингополучателя к ответственности за совершение налогового правонарушения. По состоянию на 16 мая 2023 г. первоначальный лизингополучатель имел отрицательное сальдо; имущество, зарегистрированное за налогоплательщиком, отсутствовало. В период проведения нало-

говой проверки первоначальный лизингополучатель по договору от 1 октября 2021 г. передал права и обязанности лизингополучателя по названному договору лизинга Л., а по акту приема-передачи передал сам предмет лизинга. Между тем денежных средств от нового лизингополучателя первоначальному лизингополучателю не поступало. Налоговый орган полагал, что произошла безвозмездная передача прав и обязанностей по договору лизинга, сделка между первоначальным и новым лизингополучателем совершена с целью избежания обращения взыскания на имущество должника в счет уплаты доначисленных налогов, пени и штрафов.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска, поскольку не установил недобросовестности в действиях ответчиков, а также оснований мнимости сделки.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции исходил из того, что стороны злоупотребили правом, оспариваемый договор совершен с целью сокрытия имущества от взыскания в счет исполнения налоговых обязательств.

Признавая недействительным договор от 1 октября 2021 г., заключенный между первоначальным и новым лизингополучателем, суд апелляционной инстанции применил одностороннюю реституцию и постановил возвратить транспортное средство первоначальному лизингополучателю.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, дело направила на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям.

Согласно п. 3 ст. 166 ГК РФ требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки вправе предъявить сторона сделки, а в предусмотренных законом случаях также иное лицо. Требование о признании недействительной ничтожной сделки независимо от применения последствий ее недействительности может быть удовлетворено, если лицо, предъявляющее такое требование, имеет охраняемый законом интерес в признании этой сделки недействительной.

В абз. 2 п. 78 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации” разъяснено, что исходя из системного толкования п. 1 ст. 1, п. 3 ст. 166 и п. 2 ст. 168 ГК РФ иск лица, не являющегося стороной ничтожной сделки, о применении последствий ее недействительности может также быть удовлетворен, если гражданским законодательством не установлен иной способ защиты права этого лица и его защита возможна лишь путем применения последствий недействительности ничтожной сделки.

В связи с указанным при разрешении спора о применении последствий недействительности сделки необходимо установить наличие у налоговых органов иных способов взыскания недоимки, в том числе при отсутствии возможно-

сти проведения процедуры несостоятельности должника.

Налоговый орган, предъявляя требование о передаче (возврате) транспортного средства первоначальному лизингополучателю в порядке применения последствий недействительности договора, указывал, что при сохранении за обществом договорного статуса лизингополучателя в отношениях с лизингодателем именно к нему должно было перейти право собственности на предмет лизинга при условии уплаты всех платежей по договору.

Между тем в соответствии с п. 2 ст. 167 ГК РФ при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом.

Правила о неосновательном обогащении подлежат субсидиарному применению к требованиям о возврате всего полученного по сделке (ст. 1103 ГК РФ).

Таким образом, при применении последствий недействительности сделки необходимо определить реституционное обязательство между первоначальным и новым лизингополучателем.

Из имеющихся в деле доказательств следует, что между первоначальным и новым лизингополучателем заключен договор от 1 октября 2021 г. о передаче прав и обязанностей лизингополучателя, в п. 2.7 которого предусмотрено, что получено согласие лизингодателя на перевод долга; в рамках другого соглашения от 1 октября 2021 г. общество уступает Л. право выкупа предмета лизинга по цене 165 611 руб., стоимость уступаемого права определена в размере 1 215 000 руб. (рыночная стоимость автомобиля).

При признании недействительным договора суду апелляционной инстанции необходимо было учесть, что договор лизинга прекращен, поскольку осуществлен выкуп имущества новым лизингополучателем, вследствие чего в порядке последствий недействительности сделки Л. может быть обязана передать обществу предмет лизинга, а также выплатить доход от имущества за вычетом расходов на его содержание.

При невозможности возврата имущества новый лизингополучатель в рамках последствий недействительности сделки обязан будет возместить убытки.

Одновременно в случае установления факта исполнения Л. обязательств по внесению платежей по договору лизинга, уплаченные ею в пользу лизингополучателя суммы должны быть взысканы с первоначального лизингополучателя, поскольку они представляют собой неосновательное обогащение последнего в виде сбереженных денежных средств.

Суд апелляционной инстанции, признав недействительным договор, фактически восстановил общество в качестве лизингополучателя по договору лизинга от 29 декабря 2020 г., при этом не учел, что выкуп предмета лизинга к моменту рассмотрения вопроса о последствиях недействительности сделки уже состоялся, а следовательно, какие-либо обязательства перед лизин-

годателем не могут быть восстановлены, в том числе и относительно надлежащего лизингополучателя.

Согласно абз. 2 ч. 3 ст. 40 ГПК РФ в случае невозможности рассмотрения дела без участия ответчика или соответчиков в связи с характером спорного правоотношения суд привлекает его или их к участию в деле по своей инициативе. После привлечения ответчика или соответчиков подготовка и рассмотрение дела производятся с самого начала.

При рассмотрении иска о признании недействительным договора уступки в качестве ответчиков привлекаются участники сделки, при этом, поскольку правовые последствия ничтожности сделки могут определить надлежащего лизингополучателя, суду следовало привлечь лизингодателя, который давал согласие на перемену лиц в лизинговых отношениях.

Кроме того, суду следовало учитывать, что 18 октября 2021 г. между лизингодателем и новым лизингополучателем был заключен еще и договор купли-продажи этого же транспортного средства.

Между тем, правовой оценки этому договору судами апелляционной и кассационной инстанций не дано.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила постановления суда апелляционной инстанции и кассационного суда общей юрисдикции, а дело направила на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 16-КГ24-39-К4

5. Срок исковой давности по требованию о взыскании долга по договору займа следует исчислять с учетом согласованного сторонами условия договора о его автоматической пролонгации.

М. обратился в суд с иском к И. о взыскании денежных средств по договору займа, указав, что 1 января 2018 г. между ним и супругами И. и И.А. был заключен договор займа на сумму 900 000 руб. со сроком возврата до 1 июля 2018 г. и с уплатой процентов за пользование займом в размере 2% ежемесячно.

М. обязательства по договору займа исполнил надлежащим образом, передав денежные средства; поскольку ответчиками надлежащим образом обязательства по договору займа не исполнены, учитывая, что И.А. признан банкротом, истец просил взыскать с И. 450 000 руб.

Судом установлено, что 1 января 2018 г. между М. (заимодавец), с одной стороны, и И. и И.А. (заемщики), с другой стороны, заключен договор займа, по условиям которого М. передал И. и И.А. 900 000 руб. на срок до 1 июля 2018 г.

Договором займа предусмотрено, что за пользование займом заемщики ежемесячно выплачивают заимодавцу вознаграждение в размере 2% от суммы займа (п. 1.1). Согласно п. 7.2 договора в случае, если к моменту окончания срока действия договора ни одна из сторон не уведомила другую сторону о расторжении договора, договор считается пролонгированным на прежних условиях на аналогичный срок.

Ответчик не отрицала, что получила денежные средства.

Вместе с тем обязанность по возврату займа и уплате процентов ответчиком не исполнена.

28 июля 2020 г. И.А. обратился в суд с заявлением о признании его несостоятельным (банкротом).

Решением арбитражного суда от 2 сентября 2020 г. И.А. признан несостоятельным (банкротом), в реестр кредиторов включен М. по требованию в размере 2 462 000 руб. по договорам займа от 1 и 11 августа 2017 г.

18 августа 2021 г. завершена процедура реализации имущества должника и И.А. освобожден от дальнейшего исполнения имеющихся на дату обращения в суд с заявлением о банкротстве должника требований кредиторов, в том числе требований кредиторов, не заявленных при введении процедуры банкротства.

4 июля 2023 г. М. обратился с данным иском к солидарному должнику — И. о взыскании части суммы займа в размере 450 000 руб.

Ответчиком заявлено о применении исковой давности.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции пришел к выводу, что М. предъявлен иск за пределами срока исковой давности, поскольку истцу стало известно о нарушении его права 2 июля 2018 г. С выводами суда первой инстанции согласились суд апелляционной инстанции и кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ с принятыми судебными постановлениями не согласилась по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 807 ГК РФ по договору займа одна сторона (заимодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги или другие вещи, определенные родовыми признаками, а заемщик обязуется возвратить заимодавцу такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество других полученных им вещей того же рода и качества.

Договор займа считается заключенным с момента передачи денег или других вещей.

В силу п. 2 ст. 808 ГК РФ в подтверждение договора займа и его условий может быть представлена расписка заемщика или иной документ, удостоверяющие передачу ему заимодавцем определенной денежной суммы или определенного количества вещей.

Заемщик обязан возвратить заимодавцу полученную сумму займа в срок и в порядке, которые предусмотрены договором займа (п. 1 ст. 810 указанного Кодекса).

Пунктом 1 ст. 322 ГК РФ предусмотрено, что солидарная обязанность (ответственность) или солидарное требование возникает, если солидарность обязанности или требования предусмотрена договором или установлена законом, в частности при неделимости предмета обязательства.

Статьей 323 данного Кодекса предусмотрено, что при солидарной обязанности должников кредитор вправе требовать исполнения как от всех должников совместно, так и от любого из них в отдельности, притом как полностью, так и в части долга (п. 1).

Кредитор, не получивший полного удовлетворения от одного из солидарных должников, имеет право требовать недополученное от остальных солидарных должников. Солидарные должники остаются обязанными до тех пор,

пока обязательство не исполнено полностью (п. 2).

В п. 50 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 “О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении” разъясняется, что согласно п. 1 ст. 323 ГК РФ кредитор вправе предъявить иск о полном взыскании долга к любому из солидарных должников.

В соответствии со ст. 200 ГК РФ, если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права. По обязательствам с определенным сроком исполнения течение срока исковой давности начинается по окончании срока исполнения (пп. 1, 2).

Делая вывод о пропуске истцом срока исковой давности по заявленным требованиям, суд не дал оценки договору займа в соответствии со ст. 431 ГК РФ, в частности п. 7.2 данного договора, согласно которому в случае, если к моменту окончания срока действия договора ни одна из сторон не уведомила другую сторону о расторжении договора, договор считается пролонгированным на прежних условиях на аналогичный срок.

Как указывал истец, договор займа по умолчанию сторон пролонгировался на новые сроки, заемщики продолжали исполнять обязательства по договору после 1 июля 2018 г. путем выплаты процентов, последняя выплата произведена 3 июля 2020 г.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 16-КГ24-36-К4

6. Обязанность поручителя возместить судебные издержки кредитора по взысканию долга с основного должника, если эти издержки не возмещены самим должником, не ставится в зависимость от того, были ли они понесены в суде общей юрисдикции или в арбитражном суде, при предъявлении первоначального либо встречного иска.

Т. обратился в суд с иском к Б. о взыскании долга по договору поручительства, ссылаясь на то, что решением арбитражного суда от 16 ноября 2021 г. с общества, за которое поручился Б., в пользу истца взыскан долг по договору об оказании юридической помощи от 31 августа 2018 г. и судебные расходы, однако решение арбитражного суда не исполнено, поскольку данное общество признано несостоятельным (банкротом).

Решением суда первой инстанции в иске отказано.

Судом апелляционной инстанции, с которым согласился кассационный суд общей юрисдикции, решение отменено, по делу принято новое решение о частичном удовлетворении требований. Отказывая в удовлетворении требований о взыскании судебных расходов, понесенных Т. при предъявлении иска к обществу, и процентов на них, суд исходил из того, что эти расходы понесены по делу, рассмотрен-

ному арбитражным судом. Кроме того, в деле, рассмотренном арбитражным судом, иск Т. к обществу являлся встречным по отношению к иску общества к самому Т. о взыскании неосновательного обогащения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, отменяя постановления судов апелляционной и кассационной инстанций в части отказа в удовлетворении иска о взыскании судебных расходов как вынесенные с нарушением норм права и направляя дело на новое апелляционное определение, указала следующее.

Из материалов дела следует, что решением арбитражного суда от 16 ноября 2021 г. удовлетворены требования Т. к обществу о взыскании долга по делу об оказании юридических услуг, при этом с общества в пользу Т. взысканы почтовые расходы в размере 2070,30 руб. и расходы на уплату государственной пошлины — 15 914 руб.

В удовлетворении иска общества к Т. арбитражным судом отказано.

Определением арбитражного суда от 8 сентября 2022 г. по этому же делу с общества в пользу Т. взысканы судебные расходы на оплату услуг представителя в размере 240 000 руб.

Таким образом, Т., являясь кредитором по отношению к обществу, просил взыскать с Б. как поручителя должника судебные расходы, понесенные Т. при взыскании долга с самого общества.

Согласно п. 1 ст. 329 ГК РФ исполнение обязательств может обеспечиваться неустойкой, залогом, удержанием вещи должника, поручительством, независимой гарантией, задатком, обеспечительным платежом и другими способами, предусмотренными законом или договором.

В соответствии с п. 1 ст. 361 данного Кодекса по договору поручительства поручитель обязывается перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательства полностью или в части. Договор поручительства может быть заключен в обеспечение как денежных, так и неденежных обязательств, а также в обеспечение обязательства, которое возникнет в будущем.

В силу положений ст. 363 ГК РФ при неисполнении или ненадлежащем исполнении должником обеспеченного поручительством обязательства поручитель и должник отвечают перед кредитором солидарно, если законом или договором поручительства не предусмотрена субсидиарная ответственность поручителя (п. 1).

Поручитель отвечает перед кредитором в том же объеме, как и должник, включая уплату процентов, возмещение судебных издержек по взысканию долга и других убытков кредитора, вызванных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства должником, если иное не предусмотрено договором поручительства (п. 2).

Статьей 323 ГК РФ предусмотрено, что кредитор, не получивший полного удовлетворения от одного из солидарных должников, имеет право требовать недополученное от остальных солидарных должников (п. 2).

Таким образом, в силу прямого указания закона поручитель отвечает за возмещение судебных издержек, понесенных кредитором при

взыскании долга с основного должника, если названные издержки не возмещены самим должником.

При этом обязанность поручителя возместить судебные издержки кредитора по взысканию долга с основного должника положениями п. 2 ст. 363 ГК РФ не ставится в зависимость от того, были ли они понесены в связи с рассмотрением дела в суде общей юрисдикции или в арбитражном суде, при предъявлении первоначального либо встречного иска.

Суд апелляционной инстанции, отказывая в удовлетворении иска в части взыскания судебных расходов, приведенные нормы права не учел. Кассационный суд общей юрисдикции ошибки суда апелляционной инстанции не исправил.

Определение № 5-КГ24-132-К2

Защита права на благоприятную окружающую среду

7. Действующим законодательством запрещается использование находящихся в собственности муниципальных образований земельных участков, не обладающих статусом объекта размещения отходов производства и потребления, для осуществления сбора и накопления таких отходов.

Прокурор обратился в суд с иском к городскому поселению, муниципальному унитарному предприятию городского поселения (далее — МУП), в обоснование которого указал, что МУП осуществляет деятельность по сбору и размещению отходов производства и потребления I—V классов опасности на арендуемом земельном участке, принадлежащем на праве собственности городскому поселению, не обладающему статусом объекта размещения отходов, а также в отсутствие лицензии в области обращения с отходами и без установления санитарно-защитной зоны. При этом ответчики не принимают мер по проведению рекультивации указанного земельного участка, что приводит к ухудшению качества земель. Нарушение природоохранного законодательства, законодательства об отходах производства и потребления, законодательства об охране окружающей среды влечет за собой нарушение прав граждан на благоприятную окружающую среду и обеспечение благоприятных условий жизнедеятельности.

Удовлетворяя требования прокурора, суд первой инстанции исходил из того, что спорный земельный участок в силу места его расположения и вида разрешенного использования, а также в отсутствие специально оборудованного сооружения, предназначенного для размещения отходов, и внесенного в государственный реестр объектов размещения отходов проекта строительства, рекультивации не может использоваться для утилизации или захоронения отходов производства и потребления.

При этом суд учел, что МУП отказано во включении земельного участка в перечень объектов размещения твердых коммунальных отходов по причине отсутствия возможности минимизации воздействия на окружающую среду и решений, которые должны были быть предусмотрены в проекте строительства свалки, а также нахождения объекта в границах городского поселения.

Кроме того, установлено, что МУП в отсутствие соответствующей лицензии осуществляло сбор и размещение отходов производства и потребления различных классов опасности, твердых бытовых отходов, что повлекло нарушение прав граждан на благоприятную окружающую среду, благоприятные условия жизнедеятельности.

С выводами суда первой инстанции согласился суд апелляционной инстанции и кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала, что состоявшиеся по делу судебные постановления вынесены в соответствии с требованиями закона.

Предназначение местного самоуправления, приоритетом которого выступает решение социально-экономических задач в пределах муниципального образования как территории совместной жизнедеятельности населения, определяется вместе с тем целями наиболее эффективной реализации вытекающих из Конституции Российской Федерации задач по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина (включая право на охрану здоровья и на благоприятную окружающую среду, являющуюся одним из важнейших условий обеспечения достойной жизни и свободного развития человека), а также по использованию и охране земли и других природных ресурсов как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (ст.ст. 2, 7, 9, 41 и 42 Конституции Российской Федерации).

В соответствии с п. 18 ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” к вопросам местного значения городского поселения относится участие в организации деятельности по накоплению (в том числе раздельному) и транспортированию твердых коммунальных отходов на территории городского поселения.

Согласно ст. 51 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ “Об охране окружающей среды” отходы производства и потребления, радиоактивные отходы подлежат сбору, накоплению, утилизации, обезвреживанию, транспортировке, хранению и захоронению, условия и способы которых должны быть безопасными для окружающей среды и регулироваться законодательством Российской Федерации (п. 1).

Запрещается сброс отходов производства и потребления, в том числе радиоактивных отходов, в поверхностные и подземные водные объекты, на водосборные площади, в недра и на почву, размещение отходов I—IV классов опасности на территориях, прилегающих к городским и сельским поселениям, в лесопарковых, курортных, лечебно-оздоровительных, рекреационных зонах, на путях миграции животных, вблизи нерестилищ и в иных местах, в которых может быть создана опасность для окружающей среды, естественных экологических систем и здоровья человека (абз. 1 и 2 п. 2).

В силу п. 1 ст. 22 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ “О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения” отходы производства и потребления подлежат сбору, накоплению, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, размещению, ус-

ловия и способы которых должны быть безопасными для здоровья населения и среды обитания и которые должны осуществляться в соответствии с санитарными правилами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Правовые основы обращения с отходами производства и потребления в целях предотвращения вредного воздействия отходов производства и потребления на здоровье человека и окружающей среду, а также вовлечения таких отходов в хозяйственный оборот в качестве дополнительных источников сырья определены Федеральным законом от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ “Об отходах производства и потребления” (далее — Закон об отходах производства и потребления).

Согласно п. 1 ст. 3 Закона об отходах производства и потребления к основным принципам государственной политики в области обращения с отходами относятся охрана здоровья человека, поддержание или восстановление благоприятного состояния окружающей среды и сохранение биологического разнообразия.

В соответствии со ст. 1 названного Закона под размещением отходов понимается хранение и захоронение отходов. Хранением отходов является складирование отходов в специализированных объектах сроком более чем одиннадцать месяцев в целях утилизации, обезвреживания, захоронения (абз. 5, 6).

Объекты хранения отходов представляют собой специально оборудованные сооружения, которые обустроены в соответствии с требованиями законодательства в области охраны окружающей среды и законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения и предназначены для долгосрочного складирования отходов в целях их последующих утилизации, обезвреживания, захоронения (абз. 24).

Согласно ст. 12 Закона об отходах производства и потребления запрещается захоронение отходов в границах населенных пунктов (п. 5).

Размещение отходов на объектах, не внесенных в государственный реестр объектов размещения отходов, запрещается (п. 7).

В силу п. 1 ст. 13 Закона об отходах производства и потребления территории муниципальных образований подлежат регулярной очистке от отходов в соответствии с экологическими, санитарными и иными требованиями.

Статьей 42 ЗК РФ предусмотрено, что собственники земельных участков и лица, не являющиеся собственниками земельных участков, обязаны: использовать земельные участки в соответствии с их целевым назначением способами, которые не должны наносить вред окружающей среде, в том числе земле как природному объекту; осуществлять мероприятия по охране земель, лесов, водных объектов и других природных ресурсов, в том числе меры пожарной безопасности; соблюдать при использовании земельных участков требования градостроительных регламентов, строительных, экологических, санитарно-гигиенических, противопожарных и иных правил, нормативов; не допускать загрязнение, истощение, деградацию, порчу, уничтожение земель и почв и иное негативное воздействие на земли и почвы.

Из разъяснений, изложенных в п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 “О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде”, следует, что, если допущенные нарушения законодательства в области охраны окружающей среды носят неустранимый характер, суд вправе обязать ответчика прекратить соответствующую деятельность (например, при размещении отходов производства и потребления на объектах, не подлежащих внесению в государственный реестр объектов размещения отходов).

Рассматривая споры об ограничении, о приостановлении либо прекращении деятельности, осуществляемой с нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, суд должен соблюдать баланс между потребностями общества в сохранении благоприятной окружающей среды и обеспечении экологической безопасности, с одной стороны, и решением социально-экономических задач, с другой (п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49).

С учетом приведенных норм права и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ оставила в силе постановления судов, удовлетворивших законные требования прокурора, поскольку по данному делу установлено, что сбор и размещение отходов производится МУП в отсутствие лицензии и на земельном участке, расположенном в границах городского поселения, не имеющем статуса объекта размещения отходов, а администрация городского поселения не исполняет свои обязанности в сфере обращения с отходами потребления.

Определение № 18-КГ24-10-К4

Защита трудовых и социальных прав граждан

8. Предусмотренная Трудовым кодексом РФ гарантия недопустимости увольнения работника по инициативе работодателя в период его временной нетрудоспособности распространяется и на работника, осуществляющего трудовую деятельность на условиях совместительства, в том числе в случае увольнения данного работника по ст. 288 данного Кодекса (прекращение трудового договора в случае приема на работу работника, для которого эта работа будет являться основной). При этом на работника законодательством не возлагается обязанность сообщать работодателю о продлении периода его нетрудоспособности и об открытии нового листа нетрудоспособности.

Х. обратился в суд с иском к частной охранной организации (далее также — работодатель) с иском о признании недействительным приказа работодателя о прекращении трудового договора, восстановлении на работе в прежней должности, об обязанности произвести выплаты за период временной нетрудоспособности и за время вынужденного прогула и с другими исковыми требованиями.

В обоснование заявленных требований Х. указывал, что 19 августа 2020 г. между ним и частной охранной организацией был заключен трудовой договор, по условиям которого Х. принят на должность заместителя генерального

директора данной организации по совместительству.

13 сентября 2022 г. Х. поступил на военную службу в Вооруженные Силы РФ по контракту для участия в специальной военной операции. Работодателем на это время на основании заявления Х. оформлен отпуск без сохранения заработной платы до 31 марта 2023 г.

6 марта 2023 г. между работодателем и другим работником М. заключен трудовой договор о принятии М. с 7 апреля 2023 г. на основную работу на должность, занимаемую Х. по совместительству, — заместителя генерального директора данной организации.

7 марта 2023 г. Х. уволен с военной службы в запас по истечении срока контракта о прохождении военной службы. Приказом работодателя Х. предписано приступить к работе с 16 марта 2023 г.

В период с 21 марта по 4 апреля 2023 г. Х. находился на больничном. 6 апреля 2023 г. работодателю через оператора электронного документооборота в автоматическом режиме поступили сведения о закрытии 4 апреля 2023 г. электронного листка нетрудоспособности Х., в этом электронном листке нетрудоспособности не была указана дата, с которой работнику следует приступить к работе, и содержалась ссылка на номер следующего электронного листка нетрудоспособности.

Приказом генерального директора частной охранной организации от 6 апреля 2023 г. Х. уволен 6 апреля 2023 г. с должности заместителя генерального директора на основании ст. 288 ТК РФ в связи с приемом на работу работника, для которого эта работа будет являться основной.

В дальнейшем работодателем 11 апреля 2023 г. были получены сведения о продлении периода временной нетрудоспособности Х. до 14 апреля 2023 г.

Х. считал свое увольнение по данному основанию незаконным в связи с нарушением работодателем процедуры прекращения трудового договора — увольнения его в период временной нетрудоспособности.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований Х. о признании недействительным приказа об увольнении, восстановлении на работе, суд первой инстанции исходил из того, что у частной охранной организации имелись основания для увольнения Х. по ст. 288 ТК РФ, поскольку работодателем на должность заместителя генерального директора, которую занимал Х., работая по совместительству, был принят работник, для которого данная работа является основной. При этом суд первой инстанции указал на то, что работодатель, получив 6 апреля 2023 г. (в день увольнения работника Х.) электронный листок нетрудоспособности со сведениями об освобождении Х. от работы в период с 21 марта по 4 апреля 2023 г. и с отметкой, что этот листок нетрудоспособности закрыт, не был осведомлен до 11 апреля 2023 г. о продлении периода нетрудоспособности работника. На основании того, что Х. в день увольнения не уведомил работодателя о продолжении периода своей нетрудоспособности и открытии нового электронного листка нетрудоспособности, суд первой инстанции сделал вывод о том, что Х. допустил злоупотребление своим правом.

Суд первой инстанции не нашел правовых оснований для удовлетворения других исковых требований Х.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил состоявшиеся по делу судебные постановления без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм права в связи со следующим.

Согласно положениям главы 44 ТК РФ (“Особенности регулирования труда лиц, работающих по совместительству”, ст.ст. 282—288) к отношениям, связанным с работой по совместительству, установленные Трудовым кодексом РФ общие правила о трудовом договоре, его заключении и прекращении, а также его условиях, гарантиях и компенсациях, предоставляемых работникам, подлежат применению с учетом особенностей, предусмотренных этой главой названного Кодекса.

Статьей 288 ТК РФ предусмотрено дополнительное основание прекращения трудовых отношений с лицом, заключившим трудовой договор о работе по совместительству на неопределенный срок, — в случае приема на работу работника, для которого эта работа будет являться основной.

По своей правовой сути расторжение трудового договора с работником, работающим по совместительству, на основании ст. 288 ТК РФ является расторжением трудового договора по инициативе работодателя, и к этим отношениям подлежат применению нормы Трудового кодекса РФ о гарантиях работникам при увольнении по инициативе работодателя, в том числе, гарантия, предусмотренная ч. 6 ст. 81 ТК РФ о запрете на увольнение работника по инициативе работодателя в период временной нетрудоспособности работника и в период его пребывания в отпуске.

Соответственно, суду при разрешении спора о законности увольнения работника в период его временной нетрудоспособности по инициативе работодателя необходимо установить наличие законного основания увольнения, соблюдение работодателем установленного порядка увольнения, а также факт наличия (если на это указывает работодатель) или отсутствия в действиях работника злоупотребления правом, выражающегося в использовании данным работником в противоправных (неправомерных) целях предоставленных ему при увольнении гарантий, в том числе путем сокрытия факта временной нетрудоспособности, представления документов о нетрудоспособности, выданных в отсутствие предусмотренных на то оснований или без соблюдения установленного законом порядка.

Однако в результате неправильного применения норм материального права, регулирующих спорные отношения, судом первой инстанции названные юридически значимые обстоятельства установлены не были.

Делая вывод о том, что у работодателя имелись основания для увольнения Х. по ст. 288 ТК РФ, и указывая, что работодатель на дату издания приказа о прекращении трудовых отношений с Х. не был осведомлен о продлении перио-

да его нетрудоспособности, суд первой инстанции не учел, что именно на работодателе (частной охранной организации) лежит обязанность доказать наличие законного основания увольнения работника и соблюдение установленного порядка его увольнения.

Основывая свой вывод о законности увольнения Х. на доводах ответчика о том, что работодателю до 11 апреля 2023 г. не было известно о продлении периода нетрудоспособности Х. и что Х. не уведомил работодателя об открытии нового листа нетрудоспособности, судебные инстанции оставили без внимания правовое регулирование отношений по вопросам обязательного социального страхования, касающимся формирования и выдачи листов нетрудоспособности в электронном виде.

Между тем из положений Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ “Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством” и Правил получения Фондом социального страхования Российской Федерации сведений и документов, необходимых для назначения и выплаты пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, единовременного пособия при рождении ребенка, ежемесячного пособия по уходу за ребенком, утвержденных постановлением Правительства РФ от 23 ноября 2021 г. № 2010 (название Правил приведено в редакции, действовавшей на дату открытия электронного листа нетрудоспособности Х.¹ — 21 марта 2023 г.), следует, что листок нетрудоспособности застрахованного лица формируется медицинской организацией и размещается в информационной системе страховщика в форме электронного документа. После проверки данных оператор информационной системы страховщика (Социального фонда России) направляет информацию об открытии электронного листа нетрудоспособности страхователю (работодателю) с использованием системы электронного документооборота. Оператор информационной системы страховщика также направляет страхователю информацию о продлении, закрытии, об аннулировании электронного листа нетрудоспособности.

Нормы Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ “Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством” не возлагают на работника обязанности дополнительно сообщать работодателю о продлении периода его нетрудоспособности и открытии нового листа нетрудоспособности.

Приведенные нормативные положения о порядке формирования листа нетрудоспособности застрахованного лица в форме электронного документа и об информационном взаимодействии при этом страховщика и страхователя не были применены судом первой инстанции при разрешении исковых требований Х. и, как

следствие, не была дана оценка тому обстоятельству, что до издания работодателем приказа от 6 апреля 2023 г. об увольнении Х. работодателем через оператора электронного документооборота в автоматическом режиме был получен электронный листок нетрудоспособности Х. со сведениями об освобождении его от работы в период с 21 марта по 4 апреля 2023 г. и в нем не была указана дата, с которой работнику следует приступить к работе, и сохранилась ссылка на номер следующего электронного листа нетрудоспособности. Указанные обстоятельства не являлись предметом исследования и оценки суда первой инстанции в нарушение требований ст. 67 ГПК РФ.

Ввиду изложенного выводы суда первой инстанции о том, что работодатель не был осведомлен до 11 апреля 2023 г. (даты получения работодателем листа нетрудоспособности, согласно которому Х. был освобожден от работы с 5 по 10 апреля 2023 г.) о продлении периода нетрудоспособности Х., и о том, что Х. допустил злоупотребление своим правом, не уведомив работодателя в день увольнения о продолжении своей нетрудоспособности и об открытии нового листа нетрудоспособности, не могут быть признаны отвечающими требованиям закона.

Кроме того, суд первой инстанции в судебном постановлении не привел мотивов, по которым отклонил доводы Х. об отсутствии с его стороны злоупотребления правом, в частности, о том, что Х. в период с 13 сентября 2022 г. по 7 марта 2023 г., проходя военную службу по контракту в составе Вооруженных Сил РФ, принимал участие в специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины, после чего нуждался в медицинской помощи и проходил соответствующее лечение, назначенное врачом, в материалы дела были представлены медицинские документы, которые не получили надлежащей правовой оценки суда первой инстанции, как того требуют положения ст.ст. 67, 198 ГПК РФ.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 18-КГПР24-358-К4

9. Работникам с суммированным учетом рабочего времени и (или) при сменной работе за день сдачи ими крови и ее компонентов и за предоставленный в связи с этим дополнительный день отдыха работодатель обязан сохранять средний заработок за количество часов в конкретной рабочей смене работника-донора.

К. обратился в суд с иском к медицинскому учреждению (далее также — работодатель) о возложении обязанности произвести оплату донорских дней.

В обоснование исковых требований К. указывал, что с 16 сентября 1994 г. работает у ответчика. По условиям трудового договора ему установлена 36-часовая рабочая неделя в соответствии с утвержденным графиком работы, продолжительность рабочей смены — 12 часов или 24 часа.

К. является почетным донором России, периодически сдает кровь и ее компоненты, в эти

¹В наименовании Правил слова “Фондом социального страхования Российской Федерации” заменены словами “Фондом пенсионного и социального страхования Российской Федерации” (абз. 1 и 2 подп. “в” п. 128 изменений, которые вносятся в акты Правительства РФ, утвержденных постановлением Правительства РФ от 24 марта 2023 г. № 471).

дни он освобождается от работы и ему работодателем предоставляются дополнительные дни отдыха. Однако оплата дней сдачи крови и ее компонентов и дней дополнительного отдыха производится работодателем не исходя из продолжительности рабочей смены, а из расчета 8 часов рабочего времени, т.е. не в полном объеме.

С такими действиями работодателя К. не согласен и полагает, что дни сдачи им крови и ее компонентов и дополнительные дни отдыха подлежат оплате в размере среднего заработка, исчисленного из количества рабочих часов в его смене, продолжительность которой в периоде, подлежащем оплате, составляла 12 часов.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования К. о возложении на работодателя обязанности произвести оплату его донорских дней исходя из 12-часовой рабочей смены, суд первой инстанции руководствовался ст.ст. 12, 26 Федерального закона от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ “О донорстве крови и ее компонентов”, ст.ст. 91, 139, 186 ТК РФ, п. 13 Положения об особенностях порядка исчисления средней заработной платы, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 декабря 2007 г. № 922, и исходил из того, что при сменном режиме работы К. и суммированном учете его рабочего времени размер среднего заработка К. за дни сдачи им крови и ее компонентов и оплата предоставленных ему в связи с этим дополнительных дней отдыха должны определяться из количества рабочих часов в смене, на которую приходится соответствующий день.

Установив, что работодателем выплата средней заработной платы К. за дни сдачи крови и ее компонентов и дополнительные дни отдыха произведена из расчета только 8 часов рабочего времени, в то время как продолжительность рабочей смены К. в эти дни составляла 12 часов, суд первой инстанции пришел к выводу о наличии правовых оснований для возложения на работодателя обязанности произвести оплату донорских дней К. исходя из 12-часовой рабочей смены.

Отменяя решение суда первой инстанции по апелляционной жалобе ответчика и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований К., суд апелляционной инстанции указал на то, что согласно буквальному толкованию положений ст. 186 ТК РФ за сдачу крови и ее компонентов предоставляются календарные дни отдыха, а не смены, в связи с чем оплата дней сдачи крови и ее компонентов, а также предоставляемых ввиду этого дополнительных дней отдыха производится за рабочий день нормальной продолжительности, т.е. за 8 часов.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил без изменения апелляционное определение суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы суда апелляционной инстанции, а также кассационного суда общей юрисдикции основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, отменила судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, оставив в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Из нормативных положений ст.ст. 139, 186 ТК РФ, Федерального закона от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ “О донорстве крови и ее компонентов” (ст.ст. 1, 2, 4, 12, 26), п. 13 Положения об особенностях порядка исчисления средней заработной платы, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 декабря 2007 г. № 922¹, следует, что в целях охраны здоровья доноров крови и ее компонентов и защиты их прав на работодателя возложена обязанность предоставлять работнику в случае сдачи им крови и ее компонентов гарантии и компенсации, установленные законодательством Российской Федерации. В числе таких гарантий и компенсаций — освобождение работника от работы в день сдачи крови и ее компонентов и предоставление работнику после каждого дня сдачи им крови и ее компонентов дополнительного дня отдыха с оплатой этих дней (дня сдачи крови и дня дополнительного отдыха) в размере среднего заработка работника. При этом размер и характер указанных гарантий и компенсаций не обусловлены ежедневной нормой рабочего времени, установленной согласно общим положениям ст. 91 ТК РФ о нормальной продолжительности рабочего времени не более 40 часов в неделю, и не ставятся в зависимость от режима рабочего времени работника и способа учета его рабочего времени.

Понятие рабочего времени дано в ст. 91 ТК РФ. Для работников, условия труда на рабочих местах которых по результатам специальной оценки условий труда отнесены к вредным условиям труда 3 или 4 степени или опасным условиям труда, продолжительность рабочего времени устанавливается не более 36 часов в неделю (абз. 5 ч. 1 ст. 92 ТК РФ).

Продолжительность ежедневной работы (смены) для работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями, исходя из положений ч. 3 ст. 94 ТК РФ может составлять при 36-часовой рабочей неделе до 12 часов.

Согласно нормам ч. 1 ст. 100, чч. 1 и 2 ст. 103, ч. 1 ст. 104 ТК РФ сменная работа является одним из видов режима рабочего времени, в котором время работы в течение суток в разные рабочие дни может различаться. Соответственно, если работнику трудовым договором установлен сменный режим рабочего времени, то рабочим днем для такого работника является его рабочая смена, т.е. при сменной работе рабочее время обусловлено не календарным рабочим днем, а сменой, продолжительность которой определяется графиком сменности и которая может приходиться на разные календарные дни.

При сменном режиме рабочего времени работника предусмотренное ст. 186 ТК РФ освобождение его от работы в день сдачи крови и ее компонентов и предоставление ему после каждого дня сдачи крови и ее компонентов дополнительного дня отдыха означают предоставление работнику дня отдыха не в календарном его

¹Документ утратил силу с 1 сентября 2025 г. в связи с изданием постановления Правительства РФ от 24 апреля 2025 г. № 540 “Об особенностях порядка исчисления средней заработной платы”, которым утверждено новое Положение об особенностях порядка исчисления средней заработной платы, содержащее в п. 13 аналогичные нормативные положения.

понимании, а рабочей смены, установленной графиком сменности, которая может приходиться в том числе и на два календарных дня.

Таким образом, работникам с суммированным учетом рабочего времени и (или) при сменной работе за день сдачи ими крови и ее компонентов и за предоставленный в связи с этим дополнительный день отдыха работодатель обязан сохранять средний заработок за количество часов в конкретной рабочей смене работника-донора.

Именно из такого толкования норм материального права о порядке оплаты дней сдачи крови и ее компонентов и дополнительных дней отдыха работникам со сменным графиком работы и при суммированном учете рабочего времени исходил суд первой инстанции, сделавший вывод о наличии правовых оснований для возложения на работодателя обязанности произвести оплату донорских дней К. согласно количеству часов в его рабочей смене (12 часов) по графику работы в периоде, подлежащем оплате.

Не соглашаясь с выводами суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции не учел, что при сменном режиме работы расчет размера средней заработной платы работника-донора за день сдачи им крови и ее компонентов и за предоставленный в связи с этим дополнительный выходной день исходя из рабочего дня нормальной продолжительности (8 часов), а не из количества рабочих часов в рабочей смене по графику работника в периоде, подлежащем оплате, приведет к необоснованному лишению такого работника выплат, призванных компенсировать ему ту заработную плату, которую он имел бы, если бы не сдавал кровь и ее компоненты с риском для собственного здоровья.

Определение № 10-КТ24-2-К6

10. Обращение пенсионера, отвечающего всем условиям для назначения региональной социальной доплаты к пенсии, с заявлением о назначении данной меры социальной поддержки не в электронной форме, а в форме письменного заявления непосредственно в орган социальной защиты населения не может служить основанием для отказа этому пенсионеру в ее назначении.

Б. обратилась в суд с иском к органу социальной защиты населения о признании незаконным отказа ответчика в назначении ей региональной социальной доплаты к пенсии до городского социального стандарта в связи с подачей заявления на эту выплату на бумажном носителе, а не в электронной форме, об обязанности устранить нарушение ее прав и назначить названную доплату со дня подачи заявления.

В обоснование иска Б. указывала, что 7 января 2022 г. ей назначена страховая пенсия по старости. 21 апреля 2022 г. Б. обратилась к ответчику с письменным заявлением о назначении ей региональной социальной доплаты к пенсии до городского социального стандарта как неработающему пенсионеру.

Однако в назначении региональной социальной доплаты к пенсии до городского социального стандарта органом социальной защиты населения Б. было отказано ввиду того, что прием заявлений о назначении этой доплаты осуществляется исключительно в электронной форме с использованием Портала государственных и муниципальных услуг.

Б. считала такой отказ нарушающим ее пенсионные права, поскольку она не имеет возможности подать заявление о назначении ей региональной социальной доплаты к пенсии до городского социального стандарта в электронной форме, так как у нее нет “личного кабинета” на Портале государственных и муниципальных услуг, она не имеет достаточных навыков, необходимых для работы в сети “Интернет”, а действующее законодательство не содержит требования о регистрации гражданина на Портале государственных и муниципальных услуг и об обращении заявителя за спорной доплатой исключительно в электронной форме.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований Б., суд первой инстанции пришел к выводу о том, что назначить Б. спорную доплату без подачи ею заявления в электронной форме с использованием Портала государственных и муниципальных услуг не представляется возможным, со стороны ответчика (органа социальной защиты населения) при принятии решения об отказе Б. в назначении региональной социальной доплаты к пенсии до городского социального стандарта нарушений допущено не было, ввиду чего отказ органа социальной защиты населения в назначении Б. этой доплаты является правомерным.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием, дополнительно отметив, что Б. не лишена права обращения за назначением спорной доплаты установленным способом.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил без изменения постановления судов первой и апелляционной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что выводы судов первой, апелляционной и кассационной инстанций сделаны с нарушением норм права, отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, обратив внимание на следующее.

Исходя из нормативных положений Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ “О государственной социальной помощи” (ст.ст. 1, 12¹), Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ “Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг” (п. 6 ст. 4, ч. 1¹ ст. 7), постановления Правительства Москвы от 17 ноября 2009 г. № 1268-ПП “О региональной социальной доплате к пенсии” и с учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ о необходимости исследования судами фактических обстоятельств конкретного дела по существу и недопустимости установления одних лишь формальных условий применения нормы¹ государственная социальная помощь оказывается гражданам в том числе путем предоставления государственных и муниципальных услуг органами, предоставляющими эти услуги. Одним из основных принципов предоставления государственных и муниципальных услуг является доступность об-

¹Постановления от 12 июля 2007 г. № 10-П, от 13 декабря 2016 г. № 28-П, от 10 марта 2017 г. № 6-П, от 11 февраля 2019 г. № 9-П, от 14 января 2020 г. № 2-П и др.

ращения граждан за предоставлением государственных и муниципальных услуг и доступность предоставления этих услуг. В электронной форме государственные и муниципальные услуги предоставляются гражданам с использованием единого портала государственных и муниципальных услуг, региональных порталов государственных и муниципальных услуг. При этом федеральное законодательство и законодательство субъекта Российской Федерации не предусматривает обязанности для граждан регистрироваться на едином портале государственных и муниципальных услуг или региональном портале государственных и муниципальных услуг.

Вместе с тем исходя из государственной политики в области социального обеспечения, направленной на оказание помощи пожилым гражданам путем предоставления им мер социальной поддержки (в том числе региональной социальной доплаты к пенсии) и предотвращение необоснованного лишения таких граждан права на эти меры, подача пенсионером, отвечающим всем условиям для назначения региональной социальной доплаты к пенсии до городского социального стандарта, установленным нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, и имеющим право на данную доплату, но не зарегистрированным на Портале государственных и муниципальных услуг, заявления о назначении этой меры социальной поддержки не в электронной форме, а в форме письменного заявления непосредственно в орган социальной защиты населения, не может служить безусловным основанием для отказа этому пенсионеру в ее назначении без исследования и учета его конкретных жизненных обстоятельств. Иной подход к вопросу, связанному с реализацией пенсионером права на меры социальной поддержки, вступал бы в противоречие с конституционными принципами равенства и справедливости и привел бы к нарушению реализации одного из основных принципов предоставления государственных и муниципальных услуг — доступности обращения граждан за предоставлением государственных и муниципальных услуг и предоставления этих услуг.

Соответственно, при разрешении судом дел, связанных с назначением пенсионеру региональной социальной доплаты к пенсии, с учетом общеправового принципа справедливости и названных выше принципов предоставления государственных и муниципальных услуг формальный подход недопустим. Судам в указанных делах необходимо иметь в виду, что в отношениях с уполномоченным органом пенсионер выступает как слабая сторона и применение в таком случае правовых норм без учета особенностей жизненной ситуации пенсионера, в которой он находится, может привести к лишению этого пенсионера права на предоставление мер социальной поддержки и значительно ухудшить его имущественное положение — вопреки целям социального государства, призванного создавать условия для достойной жизни и свободного развития граждан. Кроме того, недопущение судами формального подхода при рассмотрении дел данной категории препятствует возложению бремени неблагоприятных последствий сложившейся ситуации на гражданина (пенсионера) и позволяет обеспе-

чить справедливое соотношение его прав и законных интересов с правами и законными интересами органа публичной власти.

Нормативные положения федерального законодательства и законодательства субъекта Российской Федерации, регулирующие в их системной взаимосвязи отношения по предоставлению неработающим пенсионерам региональной социальной доплаты к пенсии до городского социального стандарта, и правовая позиция Конституционного Суда РФ судами первой и апелляционной инстанций при рассмотрении данного дела по иску Б. о признании незаконным отказа в назначении ей региональной социальной доплаты к пенсии до городского социального стандарта во внимание не приняты.

Выводы судов первой и апелляционной инстанций о наличии оснований для отказа в удовлетворении исковых требований Б. сделаны без надлежащей правовой оценки фактических обстоятельств по делу, в том числе причин обращения Б., имеющей право на данную меру социальной поддержки, с заявлением не в электронной форме, а с письменным заявлением по форме, утвержденной уполномоченным органом, непосредственно в отдел социальной защиты населения, который занимается назначением и выплатой названной доплаты к пенсии.

Кроме того, судебные инстанции не учли, что для реализации и соблюдения принципа доступности обращения граждан за предоставлением государственных услуг и доступности предоставления этих услуг органу социальной защиты населения следовало применить дифференцированный подход к рассмотрению заявления Б. и принять во внимание отсутствие у нее регистрации на Портале государственных и муниципальных услуг и предусмотренной нормативными предписаниями обязанности иметь такую регистрацию, обстоятельства ее жизненной ситуации (недостаточные навыки пользователя информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, боязнь мошеннических действий). В подобном случае для соблюдения права пенсионера на предоставление мер социальной поддержки органу социальной защиты населения необходимо было предоставить Б. возможность подать заявление о назначении региональной социальной доплаты к пенсии до городского социального стандарта на бумажном носителе.

Ввиду изложенного вывод судебных инстанций о наличии оснований для отказа в удовлетворении исковых требований Б. о признании незаконным отказа органа социальной защиты населения в назначении ей региональной социальной доплаты к пенсии до городского социального стандарта, об обязанности назначить эту доплату является неправомерным.

Определение № 5-КГ24-127-К2

11. Действующее правовое регулирование по обеспечению жилыми помещениями членов семей военнослужащих, погибших при исполнении обязанностей военной службы, не предполагает возможности формального применения его норм уполномоченным органом Минобороны России, который должен проверить все предусмотренные нормативными положениями условия, необходимые для принятия соответствующего решения, и учесть особенности жизненной ситуации, в которой оказались члены семьи такого военнослужащего.

В., действующая в своих интересах и в интересах своего несовершеннолетнего сына, 2021 года рождения, обратилась в суд с иском к уполномоченному органу Минобороны России (далее — уполномоченный орган) о признании незаконным и об отмене решения уполномоченного органа об отказе В. и ее сыну в принятии их на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых для постоянного проживания, в составе семьи погибшего военнослужащего, о признании ее и ее несовершеннолетнего сына как членов семьи погибшего военнослужащего П. нуждающимися в жилых помещениях и о принятии их на учет нуждающихся в жилых помещениях в целях получения денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений на основании п. 3¹ ст. 24 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ “О статусе военнослужащих” (далее — Закон о статусе военнослужащих).

В обоснование заявленных требований В. указывала, что с 8 июля 2006 г. состояла в браке с П., в 2021 году у них родился сын.

П. проходил военную службу по контракту в Вооруженных Силах РФ; семья проживала в комнате общей площадью 26,8 кв.м в общежитии, расположенном в военном городке в г. Екатеринбурге. Эта комната была предоставлена П. на период прохождения им военной службы.

8 марта 2022 г. П. погиб при выполнении задач в ходе специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины. Военнослужащий П. был награжден орденом Мужества посмертно, имел на дату гибели выслугу на военной службе более 20 лет.

После его гибели В. и несовершеннолетний сын остались проживать в комнате в общежитии. Иного жилого помещения ни в собственности, ни по договору социального найма В. и несовершеннолетний сын не имеют.

В. обратилась в уполномоченный орган с заявлением о признании ее и несовершеннолетнего сына как членов семьи погибшего военнослужащего П. нуждающимися в жилых помещениях и о принятии их на учет нуждающихся в жилых помещениях в целях получения денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений (далее также — жилищная субсидия) на основании п. 3¹ ст. 24 Закона о статусе военнослужащих. Однако в удовлетворении заявления ей было отказано по причине того, что на дату гибели военнослужащего П. не истек установленный ст. 53 ЖК РФ пятилетний срок с момента отчуждения им 27 марта 2018 г. жилого помещения, расположенного в другом регионе (в г. Белгороде), принадлежавшего П. на праве собственности (данное жилое помещение получено П. в порядке наследования в 2013 году).

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований В., суд первой инстанции исходил из того, что право на обеспечение жилым помещением за счет средств Минобороны России могло быть приобретено военнослужащим П., а членами его семьи после его смерти (гибели) — только в случае, если в период прохождения военной службы сам военнослужащий П. был признан нуждающимся

в получении жилого помещения и принят на соответствующий учет либо имелись основания для признания его и членов его семьи нуждающимися в жилых помещениях. Принадлежавшее военнослужащему П. до 27 марта 2018 г. на праве собственности жилое помещение подлежит учету при определении уровня обеспеченности жилым помещением П. и членов его семьи, поскольку на день смерти П. не истек пятилетний срок после отказа П. от прав на данное жилое помещение. Со ссылкой на эти обстоятельства суд первой инстанции пришел к выводу о том, что военнослужащий П. не являлся и не мог быть признан нуждающимся в жилом помещении, вследствие чего его супруга В. и несовершеннолетний сын, чьи права являются производными от прав военнослужащего П., не могут быть поставлены на учет нуждающихся в жилых помещениях как члены его семьи.

Суд апелляционной инстанции признал выводы суда первой инстанции правильными, дополнительно отметив, что действия военнослужащего П. по отчуждению жилого помещения (до 27 марта 2018 г.), приобретенного им в порядке наследования, правомерно расценены ответчиками как совершенные с намерением ухудшить свои жилищные условия.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и приняла новое решение об удовлетворении исковых требований В., действующей в своих интересах и в интересах своего несовершеннолетнего сына, по следующим основаниям.

Из нормативных положений Закона о статусе военнослужащих (ст.ст. 2, 15, 15¹, 24), правовой позиции Конституционного Суда РФ¹, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ² следует, что названным Федеральным законом установлены социальные гарантии как военнослужащим, так и членам их семей, чей правовой статус произведен от статуса самих военнослужащих и обусловлен характером их служебной деятельности, особенностями возложенных на них государственно значимых обязанностей. К членам семей военнослужащих, на которых распространяются социальные гарантии, относятся в том числе супруга (супруг) и несовершеннолетние дети.

Одной из таких гарантий является предоставление признанным в установленном законом порядке нуждающимися в жилых помещениях военнослужащим и проживающим совместно с ними членам их семей денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений.

¹Постановление от 14 декабря 2021 г. № 52-П “По делу о проверке конституционности пункта 1¹ статьи 15¹ Федерального закона “О статусе военнослужащих” в связи с запросом 1-го Восточного окружного военного суда”.

²Пункт 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 8 “О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих”.

В случае гибели (смерти) военнослужащих в период прохождения военной службы для членов их семей предусмотрена возможность сохранения права на жилищное обеспечение. В таком случае денежные средства на приобретение или строительство жилых помещений предоставляются членам семей военнослужащих во внеочередном порядке при наличии оснований для признания военнослужащих и членов их семей нуждающимися в жилых помещениях на дату гибели (смерти) военнослужащего и независимо от общей продолжительности их военной службы. Жилищная субсидия предоставляется членам семей военнослужащих с учетом права погибшего (умершего) военнослужащего в том числе на дополнительную общую площадь жилого помещения на дату его гибели (смерти). Названная мера социальной поддержки направлена на защиту прав и законных интересов членов семей военнослужащих, погибших (умерших) в период прохождения военной службы, разделявших с такими военнослужащими ограничения и трудности, связанные с прохождением военной службы.

Критерии нуждаемости военнослужащих и членов их семей для постановки их на учет в целях получения жилищной субсидии определены нормами Жилищного кодекса РФ (ст.ст. 51, 53). Одним из таких критериев является обеспеченность военнослужащего и членов его семьи общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее установленной учетной нормы. При этом ст. 53 ЖК РФ предусмотрены ограничения в постановке гражданина на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении, если им совершены намеренные действия по ухудшению своих жилищных условий. Такие граждане принимаются на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях не ранее чем через 5 лет со дня совершения подобных действий.

Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что ст. 53 ЖК РФ, устанавливая ограничение в постановке граждан на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях, если ими совершены умышленные действия с целью искусственного ухудшения жилищных условий, могущего привести к состоянию, требующему участия органов государственной власти и органов местного самоуправления в обеспечении их другим жильем, подлежит применению в системе действующего правового регулирования, в частности во взаимосвязи с п. 5 ст. 10 ГК РФ, согласно которому добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются (Определения Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2018 г. № 2972-О, от 26 апреля 2021 г. № 749-О, от 27 октября 2022 г. № 2803-О, от 26 сентября 2024 г. № 2444-О и др.).

С учетом изложенного в ситуации, когда военнослужащим были совершены действия по отчуждению принадлежавшего ему жилого помещения и на дату гибели (смерти) этого военнослужащего в период прохождения военной службы при исполнении обязанностей военной службы не истек пятилетний срок с момента совершения им таких действий, при отсутствии в действиях военнослужащего по отчуждению принадлежавшего ему жилого помещения не-

добросовестности (искусственного ухудшения жилищных условий), т.е. злоупотребления правом, членам его семьи, нуждающимся в жилом помещении и обратившимся в уполномоченный орган на основании п. 3¹ ст. 24 Закона о статусе военнослужащих, не может быть отказано в принятии на учет нуждающихся в жилых помещениях. Иное не отвечало бы целям и предназначению названной меры социальной поддержки членов семьи погибшего (умершего) при исполнении обязанностей военной службы военнослужащего, разделявших с ним ограничения и трудности, связанные с прохождением службы, а также балансу конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов.

Суды первой и апелляционной инстанций, разрешая данное дело по требованиям В., неправильно истолковали положения ст. 53 ЖК РФ о последствиях намеренного ухудшения гражданами своих жилищных условий. Судебными инстанциями не были приняты во внимание установленные по делу следующие обстоятельства: военнослужащий П. с семьей проживал в комнате в общежитии, предоставленной ему для временного проживания на период прохождения военной службы; квартирой, полученной П. в порядке наследования, находившейся в другом регионе (г. Белгород), он и члены его семьи не пользовались; военнослужащий П., выслуга которого на дату его гибели составляла более 20 лет, с заявлением о постановке его с семьей на учет нуждающихся в жилых помещениях в соответствующий уполномоченный орган как до получения данной квартиры в порядке наследования, т.е. до 2013 года, так и после отчуждения данной квартиры 27 марта 2018 г. не обращался. При этом материалы дела не содержат сведений о том, что военнослужащим П. отчуждение этой квартиры было осуществлено с намерением приобретения права состоять на учете в качестве нуждающегося в жилых помещениях по месту прохождения службы.

Отказ уполномоченного органа в признании В. и ее несовершеннолетнего сына (членов семьи погибшего военнослужащего П.) нуждающимися в жилых помещениях и в принятии их на учет нуждающихся в жилых помещениях в целях получения денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений привел к тому, что право членов семьи погибшего военнослужащего на меры социальной поддержки поставлено в зависимость от даты гибели военнослужащего при исполнении обязанностей военной службы, а именно: погиб он раньше или позже определенной даты, в данном случае — даты истечения пятилетнего срока с момента отчуждения жилого помещения, притом что если бы военнослужащий П. не погиб, выполняя свой воинский долг в ходе специальной военной операции, то по истечении 5 лет с момента отчуждения им жилого помещения никаких препятствий со стороны уполномоченного органа для обеспечения его и его семьи жилым помещением в форме жилищной субсидии не возникло бы.

Подобная позиция уполномоченного органа противоречит целям социального государства, направленным на создание условий для достойной жизни граждан, и подрывает доверие граж-

дан к закону и действиям государства, нарушает общеправовой принцип справедливости и свидетельствует о формальном подходе, допущенном при решении вопроса о предоставлении денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений членам семьи военнослужащего П., погибшего при исполнении обязанностей военной службы, без учета особенностей жизненной ситуации, в которой оказались члены его семьи.

Определение № 45-КГ24-37-К7

12. После денонсации Соглашения о гарантиях прав граждан государств — участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения от 13 марта 1992 г. и прекращения его действия для Российской Федерации с 1 января 2023 г. в отсутствие международного договора между Российской Федерацией и соответствующим государством СНГ о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения периоды работы и (или) иной деятельности граждан Российской Федерации на территории этого государства включаются в их страховой стаж при условии уплаты страховых взносов в Социальный фонд России в соответствии с Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ “Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации”.

А. 7 ноября 2023 г. обратился в суд с иском к пенсионному органу о признании незаконным решения ответчика в части отказа во включении в страховой стаж периода работы, о возложении на ответчика обязанности включить в страховой стаж для назначения страховой пенсии по старости период работы и назначении страховой пенсии по старости.

В обоснование исковых требований А. указывал, что 2 августа 2023 г. обратился в пенсионный орган с заявлением о назначении страховой пенсии по старости на основании ст. 8 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ “О страховых пенсиях” (далее — Федеральный закон “О страховых пенсиях”), в назначении которой ему было отказано по причине отсутствия у него требуемых страхового стажа и величины индивидуального пенсионного коэффициента. В страховой стаж А. пенсионным органом не был включен период его работы с 1 января 1991 г. по 6 ноября 1999 г. в должности тренера по волейболу в детско-юношеской спортивной школе, расположенной на территории Республики Узбекистан, поскольку в данный период работы на территории Республики Узбекистан уплаты страховых взносов в Пенсионный фонд РФ не производилась.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования А., суд первой инстанции сделал вывод о том, что у пенсионного органа не имелось оснований для исключения спорного периода работы А. из страхового стажа, дающего право на назначение страховой пенсии по старости; поскольку спорный период работы истца имел место в период действия Соглашения о гарантиях прав граждан государств — участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения, подписанного в г. Москве 13 марта 1992 г. (далее — Соглашение от 13 марта 1992 г.), то не требовалось подтверждения уплаты за А. страховых взносов в Пенсионный фонд РФ, а необходимы были только документы, подтверждающие период его работы, ко-

торые им были суду представлены. Довод пенсионного органа об отсутствии оснований для применения к спорным отношениям положений названного Соглашения суд первой инстанции признал ошибочным.

Суд апелляционной инстанции согласился с позицией суда первой инстанции.

Кассационный суд общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов первой, апелляционной и кассационной инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Основания возникновения и порядок реализации права граждан Российской Федерации на страховые пенсии установлены Федеральным законом “О страховых пенсиях”, вступившим в силу с 1 января 2015 г., в соответствии с ч. 1 ст. 4 которого право на страховую пенсию имеют граждане Российской Федерации, застрахованные в соответствии с Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ “Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации” (далее — Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ), при соблюдении ими условий, предусмотренных этим Федеральным законом.

Частями 1 и 2 ст. 11 Федерального закона “О страховых пенсиях” установлено, что в страховой стаж включаются периоды работы и (или) иной деятельности, которые выполнялись на территории Российской Федерации лицами, указанными в ч. 1 ст. 4 данного Федерального закона, при условии, что за эти периоды начислялись или уплачивались страховые взносы в Социальный фонд России. Периоды работы и (или) иной деятельности, которые выполнялись за пределами территории Российской Федерации, включаются в страховой стаж в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации или международными договорами Российской Федерации, либо в случае уплаты страховых взносов в Социальный фонд России в соответствии с Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ.

В сфере пенсионного обеспечения применяются общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации. В случае, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные Федеральным законом “О страховых пенсиях”, применяются правила международного договора Российской Федерации (ч. 3 ст. 2 Федерального закона “О страховых пенсиях”).

Соглашение от 13 марта 1992 г., заключенное государствами — участниками СНГ, в том числе Российской Федерацией и Республикой Узбекистан, в целях обеспечения сохранения пенсионных прав граждан, приобретенных в советское время, предусматривало осуществление пенсионного обеспечения граждан этих государств по законодательству государства, на территории которого они проживают, учет при ус-

тановлении права на пенсию трудового стажа, приобретенного на территории любого из этих государств, а также на территории бывшего СССР за время вступления в силу данного Соглашения, и заработка (дохода) за указанные периоды.

Соглашение от 13 марта 1992 г. содержало положения о возможности выхода участника из него в установленном порядке.

Федеральным законом от 11 июня 2022 г. № 175-ФЗ “О денонсации Российской Федерацией Соглашения о гарантиях прав граждан государств — участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения” (далее — Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 175-ФЗ), вступившим в силу с 30 июня 2022 г., Соглашение от 13 марта 1992 г. денонсировано и прекратило свое действие для Российской Федерации с 1 января 2023 г. (согласно официальному сообщению МИД России). Пенсии, которые назначены гражданам по нормам Соглашения от 13 марта 1992 г. до его денонсации, пересмотру не подлежат и их выплата Российской Федерацией продолжается.

Пенсионное обеспечение лиц, застрахованных в соответствии с Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ и имеющих стаж работы на территории государств — участников СНГ, обратившихся в пенсионный орган на территории Российской Федерации за назначением пенсии после денонсации Российской Федерацией Соглашения от 13 марта 1992 г., т.е. после 1 января 2023 г., осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации, которым предусмотрено, что периоды работы и (или) иной деятельности, которые выполнялись застрахованными лицами за пределами территории Российской Федерации, включаются в страховой стаж в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации или международными договорами Российской Федерации, либо в случае уплаты страховых взносов в Социальный фонд России в соответствии с Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ.

Судами первой и апелляционной инстанций при разрешении исковых требований А. о включении в страховой стаж периода его работы с 1 января 1991 г. по 6 ноября 1999 г. нормативные положения, определяющие порядок и условия назначения страховой пенсии по старости гражданам, имеющим стаж работы на территории государств — участников СНГ, т.е. за пределами территории Российской Федерации, применены неправильно, а нормы материального права, регулирующие порядок действия и прекращения международных договоров Российской Федерации, применены не были.

Делая вывод о наличии оснований для включения в страховой стаж А. спорного периода работы на территории Республики Узбекистан со ссылкой на Соглашение от 13 марта 1992 г. и удовлетворяя его исковые требования о возложении на пенсионный орган обязанности назначить А. страховую пенсию по старости с 2 августа 2023 г., судебные инстанции не приняли во внимание, что А. обратился в пенсионный орган с заявлением о назначении страховой пенсии по старости 2 августа 2023 г., т.е. уже после того как Соглашение от 13 марта 1992 г. прекра-

тило свое действие для Российской Федерации (с 1 января 2023 г.), соответственно, оно не подлежало применению при оценке пенсионных прав А. и решении вопроса о включении в его страховой стаж спорного периода работы.

Денонсация Федеральным законом от 11 июня 2022 г. № 175-ФЗ Соглашения от 13 марта 1992 г. означает отказ Российской Федерации от данного международного договора. То есть при денонсации Соглашения от 13 марта 1992 г. и прекращении его действия для Российской Федерации с 1 января 2023 г. на будущее время пенсионное обеспечение граждан государств — участников СНГ осуществляется в соответствии с новыми заключенными международными договорами (соглашениями) либо в соответствии с национальным законодательством (при отсутствии заключенных международных договоров (соглашений), что не было учтено судами первой и апелляционной инстанций. При этом после вступления в силу Федерального закона от 11 июня 2022 г. № 175-ФЗ между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан не заключен международный договор (соглашение) о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения, а российское пенсионное законодательство не предусматривает возможности включения в страховой стаж гражданина Российской Федерации периодов работы за пределами территории Российской Федерации без уплаты страховых взносов в Социальный фонд России в соответствии с Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ.

Поскольку на дату обращения А. в пенсионный орган — 2 августа 2023 г. не были соблюдены все условия, необходимые для назначения ему страховой пенсии по старости (наличие требуемого страхового стажа, величины индивидуального пенсионного коэффициента), у пенсионного органа не возникло обязательства по его пенсионному обеспечению; применение судом к спорным отношениям Соглашения от 13 марта 1992 г. при исчислении страхового стажа А. ошибочно.

Определение № 32-КГ25-1-К1

Процессуальные вопросы

13. Признание судом гражданина недееспособным по результатам рассмотрения дела по заявлению об ограничении дееспособности такого гражданина не допускается гражданским процессуальным законом.

А. обратилась в суд с заявлением о признании Б. ограниченно дееспособной. В обоснование заявления А. указала, что Б., 2004 года рождения, является дочерью А. и В., зарегистрирована и проживает с родителями.

Б. состоит на учете в психоневрологическом диспансере, являлась ребенком-инвалидом (психическое заболевание), а с 2022 года имеет статус инвалида с детства, ей установлена II группа инвалидности. Из-за болезни Б. не всегда может контролировать свои действия и руководить ими, нуждается в попечительстве. Б. до совершеннолетия на постоянной основе требовала у родственников деньги для покупки кукол. С наступлением совершеннолетия она начала самостоятельно тратить свою пенсию на покупку дорогих кукол. За короткий период с апреля по сентябрь 2022 г. взяла кредиты на эти цели на

сумму более 170 000 руб., чем поставила себя и свою семью в тяжелое материальное положение.

В отношении Б. по делу назначена судебно-психиатрическая экспертиза. Согласно заключению экспертов у Б. имеются признаки психического расстройства.

Разрешая дело, суд первой инстанции исходил из того, что поскольку Б. не может понимать значение своих действий и руководить ими, в том числе при помощи других лиц, то имеются основания для выхода за пределы заявления и признания Б. недееспособной.

В суд апелляционной инстанции от А. поступило заявление об отказе от заявления о признании Б. ограниченно дееспособной.

Отказывая в удовлетворении заявления, суд апелляционной инстанции указал на то, что отказ А. от заявления направлен на отмену решения суда первой инстанции о признании Б. недееспособной и лишает возможности проверить решение суда первой инстанции в апелляционном порядке на предмет его законности и обоснованности. Принятие отказа А. от заявления о признании Б. ограниченно дееспособной и прекращение производства по делу нарушит права и законные интересы Б. как лица, страдающего психическим заболеванием. Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции о признании Б. недееспособной.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил судебные акты судов первой и апелляционной инстанций без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала, что судами при разрешении спора были нарушены нормы права.

Гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими, может быть признан судом недееспособным в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Над ним устанавливается опека (п. 1 ст. 29 ГК РФ).

В соответствии с п. 2 ст. 30 ГК РФ гражданин, который вследствие психического расстройства может понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц, может быть ограничен судом в дееспособности в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Над ним устанавливается попечительство.

Частью 1 ст. 263 ГПК РФ предусмотрено, что дела особого производства рассматриваются и разрешаются судом по общим правилам искового производства с особенностями, установленными главой 27 и главами 28—38 ГПК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 281 ГПК РФ дело об ограничении гражданина в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами может быть возбуждено на основании заявления членов его семьи, органа опеки и попечительства, медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь.

В силу ч. 2 ст. 281 ГПК РФ дело о признании гражданина недееспособным вследствие психического расстройства может быть возбуждено в суде на основании заявления членов его семьи,

близких родственников (родителей, детей, братьев, сестер) независимо от совместного с ним проживания, органа опеки и попечительства, медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь, или стационарной организации социального обслуживания, предназначенной для лиц, страдающих психическими расстройствами.

Согласно ч. 4 ст. 281 ГПК РФ заявление об ограничении гражданина в дееспособности, о признании гражданина недееспособным, об ограничении или о лишении несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет права самостоятельно распоряжаться своими доходами подается в суд по месту жительства данного гражданина, а если гражданин помещен в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, или стационарную организацию социального обслуживания, предназначенную для лиц, страдающих психическими расстройствами, по адресу этих организаций.

Статьей 285 ГПК РФ предусмотрено, что решение суда, которым гражданин ограничен в дееспособности, является основанием для назначения ему попечителя органом опеки и попечительства (ч. 1). Решение суда, которым гражданин признан недееспособным, является основанием для назначения ему опекуна органом опеки и попечительства (ч. 2).

Из материалов дела следует, что А. обратилась в суд с заявлением о признании Б. ограниченно дееспособной. Данное заявление А. последовательно поддерживала в процессе рассмотрения дела в суде первой инстанции и просила его удовлетворить. О признании Б. недееспособной А. не заявляла, мотивируя это тем, что не желает ограничения прав для своей дочери, полагая, что ее психическое состояние не создает угрозу жизни или здоровью как себе, так и окружающим.

В ч. 3 ст. 196 ГПК РФ закреплено, что суд принимает решение по заявленным истцом требованиям. Однако суд может выйти за пределы заявленных требований в случаях, предусмотренных федеральным законом.

В п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 “О судебном решении” разъяснено, что выйти за пределы заявленных требований (разрешить требование, которое не заявлено, удовлетворить требование истца в большем размере, чем оно было заявлено) суд имеет право лишь в случаях, прямо предусмотренных федеральными законами.

Оснований для выхода за пределы заявления А. о признании Б. ограниченно дееспособной и применения более строгих предписаний, существенно изменяющих правовой статус Б., у суда первой инстанции не имелось. Между тем, принимая решение по делу, суд первой инстанции признал Б. недееспособной в отсутствие заявления об этом, чем нарушил приведенные выше нормы гражданского процессуального законодательства и не учел разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

Судом апелляционной инстанции и кассационным судом общей юрисдикции допущенные судом первой инстанции нарушения устранены не были.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила принятые по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 87-КГ24-3-К2

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Применение законодательства о юридических лицах

14. Решение собрания об определении выкупной стоимости акций народного предприятия может быть признано недействительным, если установленная в таком решении стоимость выкупа акций существенно отличается от действительной стоимости чистых активов предприятия.

Закрытое акционерное общество, отнесенное к народным предприятиям (далее — предприятие), предложило своим бывшим работникам-акционерам заключить договор купли-продажи принадлежащих им акций по цене, определенной решением наблюдательного совета в соответствии с методикой, утвержденной общим собранием акционеров предприятия.

Акционеры отказались от заключения договора, полагая, что предложенная выкупная стоимость акций существенно занижена по сравнению с рыночной стоимостью чистых активов предприятия.

В связи с этим они обратились в арбитражный суд с требованием о признании недействительным соответствующего решения наблюдательного совета предприятия, полагая, что оно нарушает норму п. 1 ст. 7 Федерального закона от 19 июля 1998 г. № 115-ФЗ “Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)” (далее — Закон № 115-ФЗ).

Суд первой инстанции решением, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении исковых требований отказал. Суды исходили из того, что расчет выкупной стоимости произведен наблюдательным советом в соответствии с утвержденной общим собранием акционеров методикой. Кроме того, не имеется оснований полагать, что данная выкупная стоимость акций отличается от их рыночной стоимости.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила вынесенные по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Отчуждение акций народного предприятия его работниками допускается только в случаях, установленных законом (п. 2 ст. 6 Закона № 115-ФЗ). Законом допускается отчуждение акций народного предприятия только в отношении других работников или самого народного предприятия (пп. 3, 4 ст. 6 Закона № 115-ФЗ).

На основании п. 4 ст. 6 Закона № 115-ФЗ народное предприятие обязано выкупить у уволившегося работника-акционера, а уволившийся работник-акционер обязан продать народному предприятию принадлежащие ему акции народного предприятия по их выкупной

стоимости в течение 3 месяцев с даты увольнения.

В силу п. 1 ст. 7 Закона № 115-ФЗ выкупная стоимость всех акций народного предприятия определяется ежеквартально по методике, утвержденной общим собранием акционеров, при этом указанная стоимость не должна составлять менее 30% стоимости чистых активов народного предприятия и должна, как правило, соответствовать их рыночной стоимости.

Из приведенных положений указанного Федерального закона следует, что оборотоспособность акций народного предприятия существенно ограничена в целях сохранения персонального состава акционеров и обеспечения владения большинством акций именно работниками народного предприятия, которые не только выполняют трудовую функцию, но и участвуют в управлении им.

Следовательно, в народном предприятии, как и в других непубличных корпорациях (обществах с ограниченной ответственностью, непубличных акционерных обществах), не может быть предусмотрен запрет на выход из общества в широком смысле слова, который влек бы за собой бессрочное удержание лица в числе участников (акционеров), например за счет установления такой цены выкупа доли (акций), при которой участник (акционер) вынужденно остается в обществе. Лишение участника (акционера) справедливой стоимости принадлежащей ему доли в уставном капитале (акций) по сути означает лишение возможности участия в прибыли от ведения общего дела, что недопустимо. В связи с этим в уставе хозяйственного общества не могут содержаться положения о закреплении заранее установленной цены покупки доли в размере, существенно отличающемся от ее рыночной стоимости.

Таким образом, по смыслу п. 4 ст. 6 и п. 1 ст. 7 Закона № 115-ФЗ акционер народного предприятия, заявляющий о выкупе акций в связи с увольнением, вправе требовать их выкупа по цене, учитывающей действительную (актуальную) стоимость активов предприятия.

В свою очередь, методика определения выкупной стоимости акций, утвержденная общим собранием акционеров, как следует из п. 1 ст. 7 Закона № 115-ФЗ, может предусматривать разумное уменьшение части активов акционерного общества, которая берется за основу расчета выкупной стоимости (но не менее 30% стоимости чистых активов), если это необходимо для защиты интересов работников-акционеров, остающихся в обществе, но не должна допускать искусственное занижение стоимости самих активов народного предприятия.

Высказанная в данном споре позиция судов сводится в конечном итоге к утверждению, что акционерам — работникам народных предприятий, в отличие от участников коммерческих корпораций, действующих в иных организационно-правовых формах (общество с ограниченной ответственностью, публичные и непубличные акционерные общества), не предоставлено право оспаривать выкупную стоимость акций по мотиву ее несоответствия действительной (рыночной) стоимости имущества корпорации.

Однако Закон № 115-ФЗ не устанавливает никаких особенностей правового положения акционеров-работников, которые позволили бы сделать вышеуказанный вывод.

Определение № 307-ЭС25-2475

15. Решение общего собрания акционеров об увеличении уставного капитала может быть оспорено на основании ст.ст. 10 и 181⁴ ГК РФ, если оно принято при отсутствии экономической необходимости в привлечении дополнительного финансирования и направлено на перераспределение корпоративного контроля в интересах одного из участников (акционеров).

Общим собранием акционеров непубличного акционерного общества принято решение об увеличении уставного капитала путем размещения дополнительных обыкновенных акций посредством закрытой подписки в отношении лица, аффилированного с мажоритарным акционером.

Миноритарный акционер, полагая, что решение об увеличении уставного капитала принято с целью снижения его корпоративного контроля с 21,28% акций уставного капитала до символического значения 0,008%, не дающего возможность принимать реальное участие в управлении обществом и рассчитывать на получение прибыли от его деятельности, обратился в арбитражный суд с иском о признании такого решения недействительным на основании ст.ст. 10 и 181⁴ ГК РФ.

Суд первой инстанции решением, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении иска отказал, полагая, что решение принято при наличии кворума в рамках компетенции общего собрания акционеров.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

При ведении общего дела участники (акционеры), связанные договором об учреждении общества и корпоративным договором, в силу общих требований пп. 3 и 4 ст. 1, п. 3 ст. 307 ГК РФ, предъявляемых к гражданско-правовым обязательствам любого типа, обязаны действовать разумно и добросовестно — в общих интересах общества, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения их общей цели, состоящей в получении прибыли от совместной деятельности.

Недопустимость злоупотребления правом заключается, в частности, в том, что контролирующий участник (акционер) не вправе использовать предоставленные ему законом или уставом полномочия для принятия решений, которые направлены исключительно к его собственной выгоде без учета разумного корпоративного интереса гражданско-правового сообщества участников общества или приведут к существенному ущемлению прав меньшинства (миноритарных участников).

В связи с этим некоторые решения общего собрания участников (акционеров) должны подвергаться судебному контролю при осуществлении их оспаривания, даже если такие решения принимались необходимым большинством голосов при формальном соблюдении

процедуры их принятия. К подобным решениям относятся те, которые затрагивают само существо корпоративных прав участия лица, в том числе право на участие в прибыли хозяйственного общества (получение дивидендов), право на участие в управлении хозяйственным обществом.

В частности, суд вправе признать злоупотреблением правом голосование большинства акционеров за решения о принятии в общество нового участника (дополнительный выпуск акций), если при рассмотрении дела будет установлено, что экономических причин для принятия такого решения не имелось, в том числе если приводимые причины очевидно не могли являться определяющими для любого разумного акционера, а перераспределение долей (акций) между участниками общества с уменьшением доли миноритарных участников выступало основной (единственной или преобладающей) причиной принятия оспариваемого решения.

При этом необходимо принимать во внимание, что сам по себе результат в виде уменьшения доли участия лица в уставном капитале не является основанием для признания соответствующего решения недействительным, если привлечение дополнительного капитала являлось экономически обоснованным (необходимым для сохранения деятельности компании или увеличения масштабов деятельности), а несогласные участники (акционеры) сохраняли возможность пропорционального участия в докapiтализации общества.

Оспаривая решение общего собрания акционеров о дополнительном выпуске акций, истец приводил доводы о том, что согласно бухгалтерской отчетности общества финансовые показатели его деятельности за предшествующий год являлись положительными, в частности выручка общества увеличилась вдвое, а потребность в привлечении капитала за счет дополнительного выпуска акций объективно отсутствовала, что не было учтено судами при рассмотрении дела.

Кроме того, в случае осуществления дополнительного выпуска акций доля истца уменьшится с 21,28% до символических 0,008%. При этом для осуществления своего преимущественного права приобретения акций истец должен будет понести существенные расходы, что не может быть признано экономически обоснованным с учетом представленных финансовых показателей.

Определение № 306-ЭС24-21253

Споры, возникающие из обязательственных отношений

16. Обращение покупателя в суд после истечения гарантийного срока не является основанием для отказа в иске, если он подтвердит, что недостатки были им обнаружены в течение гарантийного срока.

Во исполнение заключенного с предпринимателем договора компания организовала строительство жилого дома, который был введен в эксплуатацию.

Впоследствии предприниматель заключил договор купли-продажи этого объекта недви-

жимости (с земельным участком) с физическим лицом (покупателем).

В процессе эксплуатации жилого дома покупателем выявлены недостатки — на несущей конструкции (панели) дома образовалась трещина. В соответствии с заключением экспертизы, проведенной на основании договора с покупателем, выявленные дефекты являются результатом некачественного выполнения работ при строительстве дома.

Покупатель направил в адрес компании претензию с требованием о возмещении стоимости устранения недостатков и затрат на экспертизу.

Впоследствии требование к компании и предпринимателю о возмещении убытков за строительные недостатки дома, выявленные в гарантийный период, было уступлено покупателем обществу (цессионарию).

Общество обратилось в арбитражный суд с иском.

Суд первой инстанции решением, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении исковых требований отказал. Суды исходили из того, что претензия о выявленных недостатках дома была направлена за пределами установленного законом двухлетнего срока предъявления требований по качеству.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила вынесенные по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Из положений ст. 476 ГК РФ следует, что бремя доказывания причин возникновения недостатков товара распределяется между сторонами договора купли-продажи (поставки) в зависимости от того, установлен ли на товар гарантийный срок.

Если договором купли-продажи гарантийный срок на него не установлен, а законом не оговорены специальные сроки, в течение которых покупатель мог предъявить требование по качеству приобретенного недвижимого имущества, то согласно п. 2 ст. 477 ГК РФ срок предъявления к продавцу требований в отношении недостатков объекта недвижимости составляет 2 года со дня его передачи покупателем, и в этом случае действуют общие правила исчисления срока исковой давности, предусмотренные п. 1 ст. 200 ГК РФ.

Таким образом, установленный п. 2 ст. 477 ГК РФ двухлетний срок обнаружения недостатков товара не является сроком исковой давности для судебной защиты.

Обращение покупателя в суд после истечения гарантийного срока не лишает его права на судебную защиту, но обязывает представить доказательств обнаружения недостатков именно в течение гарантийного срока.

Вместе с тем судами не учтены доводы истца о том, что о наличии строительных недостатков в приобретенном объекте недвижимости покупателю, как следует из искового заявления, стало известно через 5 месяцев после начала его эксплуатации, т.е. в пределах 2 лет с момента передачи объекта по договору купли-продажи, заключенному с предпринимателем.

Определение № 306-ЭС25-1348

17. Условия договора страхования, освобождающие страховщика от выплаты страхового возмещения в случае наступления страхового случая вследствие неосторожных действий (бездействия) страхователя, являются ничтожными.

Между страхователем и страховщиком заключен договор страхования карьерного самосвала. В период действия указанного договора водитель самосвала допустил съезд транспортного средства задним ходом в карьерный бункер с последующим образованием опасного крена и опрокидыванием застрахованного имущества, в результате чего самосвал получил существенные повреждения.

Полагая данное событие страховым случаем, страхователь обратился к страховщику с заявлением о выплате соответствующей суммы страхового возмещения.

Отказ страховщика в удовлетворении заявления явился основанием для обращения страхователя в арбитражный суд с иском о взыскании страхового возмещения.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Суды пришли к выводу, что страхователем нарушены правила техники безопасности при ведении работ, относящихся непосредственно к деятельности юридического лица, что является договорным основанием для освобождения страховщика от ответственности.

Отменяя принятые судебные акты и направляя дело на новое рассмотрение, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ обратила внимание на следующее.

В силу п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2024 г. № 19 “О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества” условия договора определяются по усмотрению сторон договора страхования имущества и могут включать перечень случаев, не являющихся страховыми (ст. 421 ГК РФ).

Однако необходимо разграничивать исключения из страхового покрытия (из числа страховых случаев) и основания освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения.

По смыслу ст. 929 ГК РФ и ст. 9 Закона РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 “Об организации страхового дела в Российской Федерации” под страховым случаем понимаются именно объективные события, относящиеся, в частности, к событиям внешнего мира либо к действиям (бездействию) лиц, не являющихся участниками страховых отношений. В то же время совершение страхователем действий, способствовавших наступлению страхового случая, может послужить основанием для освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения.

В соответствии с абз. 1 п. 1 ст. 963 ГК РФ страховщик освобождается от выплаты страхового возмещения или страховой суммы, если страховой случай наступил вследствие умысла страхователя, выгодоприобретателя или застрахованного лица, за исключением случаев, предусмотренных пп. 2 и 3 ст. 963 ГК РФ.

Законом могут быть предусмотрены случаи освобождения страховщика от выплаты страхо-

вого возмещения по договорам имущественного страхования при наступлении страхового случая вследствие грубой неосторожности страхователя или выгодоприобретателя (абз. 2 п. 1 ст. 963 ГК РФ).

Таким образом, учитывая, что сформулированные в разделе 4 Правил страхования специальной техники (в редакции от 15 июля 2015 г., далее — Правила страхования) оговорки об исключении из страхового покрытия связаны с действиями самого страхователя и установлением его вины, под видом исключения из перечня страховых случаев в данном деле согласованы дополнительные основания освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения.

Однако положения действующего законодательства не предусматривают в подобных случаях освобождение страховщика от обязанности по выплате возмещения. Более того, нормы Гражданского кодекса РФ содержат императивное указание на то, что освобождение страховщика от обязанности по выплате страхового возмещения возможно, только если это прямо предусмотрено законом (абз. 2 п. 1 ст. 963 ГК РФ).

Следовательно, соответствующие оговорки, освобождающие страховщика от выплаты страхового возмещения в случае наступления страхового случая вследствие неосторожных действий (бездействия) страхователя, являются ничтожными.

Страховщик, выступая в качестве профессионального участника рынка страхования и являясь экономически более сильной стороной данных правоотношений, посредством включения в полис-оферту упомянутых оговорок фактически минимизирует свой предпринимательский риск, связанный с выплатой страхового возмещения, ставя возможность его выплаты в зависимость от любых действий страхователя, а не от факта наступления страхового случая как объективно произошедшего события.

Определив гибель и повреждение имущества как страховой случай, страховщик включил в раздел 4 Правил страхования, являющихся неотъемлемой частью договора страхования, такое количество причин, когда выплата страхового возмещения невозможна в результате различных явлений и действий, независимо от формы вины лиц, их совершивших, что страховой случай переведен из разряда события (факта) в разряд условий, освобождающих от ответственности, что не соответствует положениям ст. 963 ГК РФ.

С учетом изложенного вывод судов о наличии у страховщика правовых оснований для отказа в страховой выплате, поскольку заявленное событие не относится к страховому случаю, является ошибочным.

Определение № 307-ЭС24-24190

Практика применения земельного законодательства

18. Использование зданий, расположенных на арендуемых публичных земельных участках, в коммерческих целях не дает основания для применения льготной ставки при исчислении арендных платежей (регулируемой платы).

Департамент (арендодатель) и общество (арендатор) заключили договор аренды части зе-

мельного участка для эксплуатации административного здания.

Впоследствии арендодатель обратился в арбитражный суд с иском к арендатору о взыскании задолженности по арендной плате, рассчитанной на основании постановления Правительства Москвы от 25 апреля 2006 г. № 273-ПП “О совершенствовании порядка установления ставок арендной платы за землю в городе Москве” (далее — Постановление № 273-ПП) по ставке 1,5% от кадастровой стоимости исходного земельного участка исходя из цели предоставления участка в аренду и вида его разрешенного использования.

Суд первой инстанции удовлетворил требование арендодателя и взыскал задолженность по арендной плате, рассчитанной по ставке 1,5% от кадастровой стоимости земельного участка.

Суд апелляционной инстанции постановлением, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, отменил решение суда первой инстанции и взыскал задолженность по арендной плате, рассчитанной по ставке 0,01% от кадастровой стоимости за земельные участки, занятые особо охраняемыми территориями и объектами, в соответствии с п. 14 приложения № 1 к Постановлению № 273-ПП.

Суды исходили из того, что арендуемый земельный участок расположен в зоне объекта культурного наследия федерального значения на территории особого режима использования, следовательно, применяется льготная ставка арендной платы независимо от фактического вида использования арендатором расположенного на земельном участке здания.

Отменяя постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и оставляя в силе решение суда первой инстанции, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ обратила внимание на следующее.

Принципы земельного законодательства, в том числе принципы единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов и деления земель по целевому назначению (подп. 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ), рассматриваемые в системном единстве, позволяют сделать вывод, что при строительстве и эксплуатации объектов недвижимости должны соблюдаться требования, обусловленные целевым назначением земельного участка, в границах которого они создаются и используются.

По смыслу земельного и градостроительного законодательства вид разрешенного использования земельного участка должен соответствовать фактическому использованию объекта капитального строительства, расположенного на данном участке. В ином случае различие видов использования земельного участка и объекта недвижимости приведет к нецелевому использованию такого участка, что является недопустимым.

Ставки арендной платы за землю в г. Москве утверждены Постановлением № 273-ПП, в преамбуле которого указано, что основными параметрами, влияющими на размер арендной платы за землю, является вид деятельности арендатора и кадастровая стоимость земельного участка.

Таким образом, размер арендной платы за публичный земельный участок для правообла-

дателя объекта недвижимости, расположенного на участке, в том числе имеющем несколько видов разрешенного использования, определяется с учетом вида разрешенного использования земельного участка и фактического использования объекта недвижимости.

Между тем арендатор, использующий здание, находящееся на земельном участке, в коммерческих целях (административные цели, общественное питание и торговля), не доказал наличия права требовать применения при расчете арендной платы за пользование данным участком льготной ставки.

Сами по себе расположение земельного участка в границах территории особого режима использования, наличие у находящегося на участке здания статуса объекта культурного наследия и обязанность арендатора его сохранять без учета цели предоставления данного объекта, разрешенного и фактического использования не влекут возможности применения льготной ставки арендной платы, установленной п. 14 приложения № 1 к Постановлению № 273-ПП.

Иное толкование правил применения указанной льготной ставки повлечет нарушение принципа экономической обоснованности и необоснованные предпочтения для лиц, использующих объекты, имеющие статус памятника, для коммерческой деятельности, по сравнению с иными лицами, которым объект культурного наследия предоставлен для социально значимой историко-культурной деятельности, либо с лицами, осуществляющими коммерческую деятельность, аналогичную деятельности общества в объектах, не имеющих статуса памятника, в границах одной и той же территориальной зоны.

Определение № 305-ЭС25-2979

19. Положения п. 3 ст. 3⁶ Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ “О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации” о бесплатном осуществлении сервитута в отношении земель, на которых расположены линейные объекты, возведенные до 1 сентября 2018 г., не подлежат применению, когда при изменении, увеличении протяженности линейного объекта, его реконструкции, дополнении новыми частями необходимо использование новых земельных участков.

На основании заявления общества уполномоченный орган согласно подп. 1 ст. 39³⁷ ЗК РФ установил публичный сервитут в отношении земельных участков, находящихся в частной собственности, в целях эксплуатации обществом объекта федерального значения — строительство камер систем очистки и диагностики (далее — СОД).

В связи с недостижением при заключении соглашения об осуществлении публичного сервитута в отношении земельных участков договоренности в части платы за публичный сервитут собственник участков обратился в арбитражный суд с требованиями к обществу об обязании заключить соглашение об осуществлении публичного сервитута и урегулировании разногласий, возникших при заключении указанного соглашения.

Суд первой инстанции решением, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в

удовлетворении требований собственника земельных участков отказал.

Суды исходили из того, что в результате реконструкции магистральных нефтепроводов путем возведения на земельных участках камер СОД не возникает новый объект недвижимости, так как камеры СОД являются частью нефтепроводов. Таким образом, публичный сервитут в отношении земельных участков был установлен для эксплуатации неотъемлемой технологической части магистральных нефтепроводов федерального значения, право собственности на которые у общества возникло до 1 сентября 2018 г., следовательно, плата за такой публичный сервитут в соответствии с п. 4 ст. 3⁶ Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ “О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации” (далее — Закон о введении в действие ЗК РФ) не устанавливается. При этом суд отметил, что собственник земельных участков пропустил срок для направления предложения о заключении соглашения об осуществлении публичного сервитута на иных условиях (п. 9 ст. 39⁴⁷ ЗК РФ), а также срок для обращения в суд с иском об урегулировании разногласий (п. 2 ст. 446 ГК РФ).

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила вынесенные по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Порядок установления публичного сервитута в отношении земельных участков и (или) земель для их использования в целях, предусмотренных ст. 39³⁷ ЗК РФ, срок публичного сервитута, условия его осуществления и порядок определения платы за такой сервитут устанавливаются главой V⁷ данного Кодекса (п. 18 ст. 23 ЗК РФ).

Из норм земельного законодательства, регулирующих порядок установления публичного сервитута и заключения соглашения об осуществлении публичного сервитута, не следует, что в случае ненаправления правообладателем земельного участка, в отношении которого установлен публичный сервитут, ответа на проект соглашения об осуществлении публичного сервитута либо его направление по истечении 14-дневного срока (п. 9 ст. 39⁴⁷ ЗК РФ) собственник данного участка утрачивает право на заключение соглашения об осуществлении публичного сервитута либо соглашение об осуществлении публичного сервитута считается заключенным на условиях, предложенных обладателем публичного сервитута.

Таким образом, специальными нормами, регулирующими правила заключения соглашения об осуществлении публичного сервитута, не установлены пресекательные сроки для заключения сторонами такого соглашения, в том числе в судебном порядке.

Правовые последствия неподписания правообладателем земельного участка соглашения об осуществлении публичного сервитута в сроки, указанные в пп. 9 и 10 ст. 39⁴⁷ ЗК РФ, заключаются в том, что обладатель публичного сервитута вправе осуществлять сервитут на условиях направленного им проекта, в том числе в части платы, до заключения сторонами соглашения об осуществлении сервитута (добровольно или по решению суда).

Кроме того, материалами дела подтверждено, что сооружение (камеры СОД) введено в эксплуатацию как самостоятельный объект, поставлено на государственный кадастровый учет с одновременной регистрацией на него права собственности общества. В результате строительных работ был создан новый объект, т.е. ранее не существовавший на земельных участках. То обстоятельство, что данный объект задействован в целях эксплуатации магистральных нефтепроводов и стал частью производственно-технологического комплекса по транспортировке нефти, не подтверждает наличия у общества права на бесплатное осуществление сервитута в отношении участков, на которых этот объект возведен.

Положения п. 3 ст. 3⁶ Закона о введении в действие ЗК РФ о бесплатном осуществлении сервитута в отношении земель, на которых расположены линейные объекты, возведенные до 1 сентября 2018 г., не позволяют сделать вывод о возможности их применения в том случае, когда при изменении, увеличении протяженности линейного объекта, его реконструкции, дополнении новыми частями необходимо использование новых земельных участков, т.е. ранее не занятых такими объектами.

Кроме того, приказом уполномоченного органа публичный сервитут на земельные участки установлен для эксплуатации исключительно указанного сооружения — камер СОД, а не магистрального нефтепровода.

Определение № 306-ЭС25-1735

Практика применения градостроительного законодательства

20. При предъявлении требования к уполномоченному органу о согласовании перевода индивидуального жилого дома в нежилое здание заявитель должен указать цель его дальнейшего использования и представить доказательства соответствия объекта требованиям законодательства в зависимости от предполагаемого назначения.

Администрация муниципального образования отказала индивидуальному предпринимателю в согласовании перевода принадлежащих ему на праве собственности индивидуальных жилых домов в нежилые здания в связи с отсутствием в предоставленном пакете документов заключения экспертизы проектной документации.

Предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением о признании отказа администрации незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, требования индивидуального предпринимателя удовлетворены.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Предпринимателю на праве собственности принадлежат 2 жилых дома, расположенных на едином земельном участке с видом разрешенного использования “под индивидуальное жилищное строительство” в территори-

альной зоне застройки малоэтажными жилыми домами.

Указанные объекты были введены в гражданский оборот в 2010 году в упрощенном порядке, предусмотренном действовавшей в тот период ст. 25³ Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним”, лишь на основании кадастровых паспортов в отсутствие какой-либо разрешительной документации.

Действующим в настоящее время законодательством также предусмотрен упрощенный порядок введения в гражданский оборот индивидуальных жилых домов, предназначенных для проживания граждан (п. 1¹ ч. 17 ст. 51, ст. 51¹ ГрК РФ).

При этом отсутствие в законодательстве требований о получении разрешения на строительство, подготовке проектной документации и проведении экспертизы этой документации при строительстве индивидуальных жилых домов не относится к объектам капитального строительства нежилого коммерческого назначения, для возведения которых градостроительным законодательством предусмотрен иной порядок — на основании разрешительной документации (ст. 51 ГрК РФ).

Для получения разрешения на строительство объекта, выдаваемого уполномоченным органом, необходимы документы, перечисленные в ч. 7 ст. 51 ГрК РФ, в том числе документы, подтверждающие права застройщика на земельный участок с видом разрешенного использования, допускающим размещение объекта планируемого назначения, градостроительный план земельного участка, проектная документация, соответствующая требованиям, установленным градостроительным законодательством, положительное заключение экспертизы проектной документации.

Согласно техническим паспортам спорные здания имеют 4 этажа. В случае строительства таких зданий в качестве нежилых объектов требовалось бы получение разрешения на строительство с представлением проектной документации, получившей положительное заключение экспертизы.

Поскольку спорные здания возведены без подготовки разрешительной документации, т.е. без контроля уполномоченных градостроительным законодательством органов, право собственности на них зарегистрировано как на жилые здания, при переводе таких объектов в нежилые здания требуется исследование вопроса о соответствии данных объектов строительным и градостроительным нормам, предъявляемым к нежилым объектам, с учетом их использования неограниченным кругом лиц.

Процедура перевода объектов индивидуального жилищного строительства в нежилые здания не должна являться способом обхода предусмотренной законом процедуры возведения и введения в гражданский оборот объекта капитального строительства коммерческого назначения в упрощенном порядке под видом жилого дома, построенного изначально в качестве нежилого здания без соблю-

дения требований, предусмотренных Градостроительным кодексом РФ.

Исходя из положений жилищного и градостроительного законодательства при принятии решения о переводе жилого дома в нежилое здание на уполномоченный орган возложена обязанность проверить объект на соответствие требованиям законодательства в зависимости от предполагаемых целей его использования, и, поскольку данный орган будет нести ответственность за принятое решение, он вправе требовать от лица, обратившегося за переводом здания в статус нежилого, предоставления документов, подтверждающих соответствие переводимых объектов строительным и градостроительным нормам и правилам.

При этом заявитель должен указать цель использования переводимого в нежилой фонд объекта, представить доказательства, подтверждающие проведение работ по реконструкции или переустройству объекта в соответствии с требованиями действующего законодательства, а также подтвердить тот факт, что в результате проведения данных работ объект отвечает требованиям, предъявляемым к зданиям коммерческого использования с учетом указанного в заявлении предполагаемого вида использования нежилого здания.

Иной подход нарушает принцип равенства прав участников гражданского оборота, приведет к необоснованному освобождению лиц, построивших жилые дома по упрощенной процедуре, но имеющих намерение эксплуатировать их в качестве нежилых зданий, от соблюдения ряда процедур, необходимость которых предусмотрена законом для ввода в эксплуатацию нежилых зданий.

Предприниматель, обращаясь в администрацию с заявлениями о переводе жилых домов в нежилые, не указал цель использования нежилых зданий после перевода.

Отсутствие указания конкретной цели использования объекта после перевода не позволяет уполномоченному органу оценить соответствие данного объекта необходимым требованиям действующего законодательства, разрешить вопрос о необходимости реконструкции или перепланировки объекта для использования по соответствующему назначению.

Суды при рассмотрении данного спора не установили такие подлежащие исследованию обстоятельства, как действительное функциональное назначение спорных объектов, соответствие спорных объектов недвижимости с учетом цели их предполагаемого использования требованиям градостроительных, строительных, противопожарных норм и правил, не проверили, не создают ли данные объекты угрозу жизни и здоровью граждан при их использовании неопределенным кругом лиц в случае их перевода в нежилые объекты, не будут ли нарушены права третьих лиц, в том числе смежных землепользователей, с учетом того, что спорные дома возводились в зоне застройки индивидуальными жилыми домами.

Определение № 306-ЭС25-218

Защита прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации

21. Для признания факта надлежащего исполнения правообладателем обязательств по договору коммерческой концессии необходимо установить, что состоялось реальное предоставление комплекса исключительных прав в том объеме, который предусмотрен договором.

Общество (правообладатель) и предприниматель (пользователь) заключили договор коммерческой концессии, согласно которому правообладатель предоставляет пользователю право использовать в своей предпринимательской деятельности комплекс исключительных прав. Во исполнение условий соглашения предприниматель перечислил обществу первоначальный взнос.

Впоследствии предприниматель направил обществу письмо с требованием исполнить обязательства по передаче во временное пользование товарного знака и секретов производства (ноу-хау) или расторгнуть договор и вернуть первоначальный взнос. Письмо не было получено адресатом и вернулось отправителю.

В связи с этим предприниматель обратился в арбитражный суд с иском к обществу о расторжении договора коммерческой концессии и взыскании уплаченного предпринимателем первоначального взноса.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и Суда по интеллектуальным правам, в удовлетворении иска отказано. Суды исходили из того, что условием договора коммерческой концессии стороны подтвердили передачу комплекса исключительных прав при его подписании. В связи с этим ответчиком не допущено существенных нарушений обязательств. Кроме того, по условиям договора первоначальный взнос не подлежал возврату.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Отличительным (существенным) признаком договора коммерческой концессии является предоставление правообладателем пользователю права на использование в предпринимательской деятельности не отдельных исключительных прав, принадлежащих правообладателю, а именно их комплекса.

В соответствии с условиями договора под комплексом исключительных прав, которые предоставляются пользователю в целях использования, понимается неисключительное право на товарный знак и неисключительное право на использование охраняемой коммерческой информации (ноу-хау).

Для констатации факта надлежащего исполнения обязательств по договору коммерческой концессии необходимо установить, что реальное предоставление комплекса исключительных прав состоялось в том объеме, который этим договором предусмотрен.

Между тем из принятых по делу судебных актов не усматривается, что суды дали надлежащую оценку доводам предпринимателя о том,

что никакие секреты производства (ноу-хау) фактически обществом ему не передавались.

Пункт договора, которым стороны констатировали передачу истцу документации в момент подписания соглашения, сам по себе (без представления ответчиком доказательств реального исполнения договора до подачи иска в суд) не может являться подтверждением фактической передачи ответчиком предусмотренной договором документации, опосредующей секрет производства (ноу-хау), и не освобождает ответчика от необходимости фактического исполнения условий договора по передаче такой документации.

Кроме того, по смыслу п. 3 ст. 1037 ГК РФ предоставление права использования товарного знака (в комплексе исключительных прав), как соответствующего средства индивидуализации товаров (услуг), относится к отличительным признакам договора коммерческой концессии, являясь существенным условием данной конструкции договора.

Товарный знак, передача права на использование которого была предусмотрена договором, не зарегистрирован и впоследствии не будет зарегистрирован, поскольку Федеральная служба по интеллектуальной собственности (далее — Роспатент) уведомила об отказе в государственной регистрации товарного знака, указанного в договоре в качестве объекта передаваемого комплекса исключительных прав.

Между тем обстоятельства предоставления ответчиком права на использование товарного знака и исполнения возложенной на него п. 2 ст. 1031 ГК РФ обязанности обеспечить государственную регистрацию в Роспатенте предоставления права использования товарного знака в предпринимательской деятельности пользователя в нарушение приведенных положений закона и правовых подходов судами не были исследованы.

Отказывая во взыскании первоначального взноса, суды сослались на положение договора, в соответствии с которым он является невозвратным вне зависимости от фактического пользования пользователем предоставленными ему правами.

Однако суды не учли, что применение указанного условия договора возможно лишь, если правообладатель надлежащим образом исполнил свои обязательства по договору, предоставив имущественное встречное исполнение.

Поскольку суды не установили, что реальное предоставление комплекса исключительных прав состоялось в том объеме, который этим договором предусмотрен, не мог быть констатирован факт надлежащего исполнения ответчиком обязательств по договору коммерческой концессии.

Определение № 305-ЭС25-3551

22. Использование товарного знака в адресной строке сайта не является нарушением исключительного права на товарный знак, если такие действия не направлены на индивидуализацию товаров (услуг) и не возникает вероятность смешения товаров, принадлежащих истцу и ответчику, или оказываемых ими услуг.

После прекращения действия лицензионного договора предприниматель (правообладатель исключительного права на товарный

знак) выявил факт незаконного использования обществом товарного знака на страницах сайта (в адресной строке) и обратился в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании компенсации за использование товарного знака.

Суд первой инстанции решением, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, иск удовлетворил частично. Суды исходили из доказанности факта нарушения обществом исключительного права предпринимателя на товарный знак.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно подп. 5 п. 2, п. 3 ст. 1484 ГК РФ никто не вправе использовать без разрешения правообладателя сходные с его товарным знаком обозначения, в частности путем размещения в сети “Интернет”, в том числе в доменном имени и при других способах адресации, в отношении товаров по перечню регистрации товарного знака или однородных товаров, если в результате такого использования возникнет вероятность смешения.

Как разъяснено в п. 157 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 “О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации”, исходя из п. 1 ст. 1477 и ст. 1484 ГК РФ использованием товарного знака признается его использование для целей индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей.

Следовательно, само по себе упоминание обозначения, входящего в объем правовой охраны товарного знака, не является квалифицирующим признаком нарушения исключительного права.

Главным критерием, очерчивающим пределы свободного использования спорного обозначения, служит категория смешения, нарушающая ассоциативную связь товара (услуги) и их коммерческого источника. Правообладатель не вправе ограничивать употребление образующих товарный знак словесных элементов в их общепринятом значении, при описании характеристики товара (услуги), в письменных публикациях, устной речи и другим способом, если такое использование не раскрывает различительную способность обозначения, не выделяет одного участника рынка среди других и не создает конкурентного преимущества.

При определении использования товарного знака для цели индивидуализации следует учитывать, каким образом размещено спорное обозначение (размер, контекст), указание собственных товарных знаков для индивидуализации товаров (услуг) наряду со спорным обозначением, умысел воспользоваться репутацией иного хозяйствующего субъекта, риск введения потребителя в заблуждение относительно связи лица, применяющего спорное обозначение, с правообладателем товарного знака.

В рассматриваемом случае суды признали, что наличие товарного знака в адресной строке страниц сайта общества, на котором осуществляется реализация товаров (услуг), однородных товарам (услугам) предпринимателя, выступает безусловным доказательством использования товарного знака.

Однако данный вывод противоречит приведенным положениям действующего законодательства.

В соответствии с вышеизложенным правовым подходом в случае установления сходства воспроизведенного обществом обозначения с товарным знаком предпринимателя судам также надлежало выяснить, предназначен ли избранный обществом способ адресации для продвижения собственных товаров (услуг) и может ли у потребителя под воздействием конкретного содержания страниц сайта общества возникнуть впечатление о принадлежности его предпринимателю или об отношении к нему названного сетевого ресурса.

Ответчик ссылался на то, что его коммерческий интерес не связан с намерением воспользоваться отличительной функцией спорного товарного знака. По мнению общества, данное обстоятельство подтверждается отсутствием в материалах дела доказательств использования охраняемого обозначения непосредственно на сайте, наполнение которого способно повлиять на перераспределение потребительского спроса в пользу ответчика.

Обжалуемые судебные акты не содержат мотивированного отклонения приведенных доводов, что свидетельствует о неполном исследовании обстоятельств использования товарного знака именно для целей индивидуализации товаров (услуг) вопреки требованиям ст.ст. 65, 71, 168 АПК РФ.

Суды не учли, что потребитель, ориентируясь на ключевые слова при введении поискового запроса в сети “Интернет”, ожидает получить адреса наиболее релевантных веб-ресурсов и лишь после ознакомления с сайтом формирует представление о деятельности его владельца. Параметры адресной строки не позволяют однозначно идентифицировать, упомянут ли словесный элемент в качестве средства информирования или средства индивидуализации. В связи с этим должен быть проведен анализ того, способствует ли привлечению обществом покупателей использование спорного обозначения.

В принятых по делу судебных актах не упомянуты доказательства того, что переход пользователя на спорные страницы сайта способен вызвать смешение товаров (услуг) предпринимателя и общества.

На возникновение угрозы смешения влияет степень осведомленности потребителя о присутствии обозначения, сходного с товарным знаком, на рынке аналогичных товаров (услуг). Соответственно, решающее значение для правильного разрешения данного спора имело исследование доводов общества о недоступности потребителям названных страниц сайта при спецификации поисковой выборки веб-ресурсов касаясь ключевого слова товарного знака.

При этом действия, не направленные на индивидуализацию товаров и услуг, в результате которых не возникает вероятность смешения обозначений, нарушением исключительного права на товарный знак не являются, даже если такие действия прямо поименованы в п. 2 ст. 1484 ГК РФ.

Определение № 304-ЭС25-1782

23. Срок исковой давности по требованию о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак в связи с недействительностью договора о его отчуждении начинается течь с момента, когда истцу должно было стать известно о негативных последствиях, вызванных поведением нарушителя.

Между компанией (правообладатель) и обществом был заключен договор об отчуждении исключительных прав на товарные знаки, который впоследствии был признан судом недействительным.

После оспаривания договора компания обратилась в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании компенсации за незаконное использование товарных знаков за период до применения последствий недействительности сделки. Ответчик против удовлетворения иска возражал, заявил о применении исковой давности.

Суд первой инстанции решением, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, иск удовлетворил частично. Суды исходили из того, что срок исковой давности компанией не пропущен, поскольку исчислили его с момента вступления в законную силу судебного акта о признании договора недействительным.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Срок исковой давности установлен для судебной защиты права лица, поэтому по общему правилу этот срок начинает исчисляться не ранее того момента, когда соответствующее право объективно было нарушено (ст. 195, п. 1 ст. 200 ГК РФ). При исчислении трехлетнего срока исковой давности также учитывается, знал или должен был знать истец о допущенном нарушении, т.е. возможность его субъективного знания о фактах, порождающих требование к ответчику.

Следовательно, исчисление срока исковой давности по заявленному требованию может быть поставлено в зависимость от даты вступления в законную силу решения суда о признании договора об отчуждении исключительных прав на товарные знаки недействительным, лишь при условии, что вынесение соответствующих судебных актов обусловило осведомленность компании о незаконном использовании товарных знаков обществом.

Обращаясь с заявлением о признании недействительным договора и ссылаясь впоследствии на необходимость привлечения общества к ответственности в виде выплаты компенсации за использование товарных знаков, компания действовала в защиту одного и того же интереса — исключительных прав на средства индивидуализации, а потому, получив сведения о наличии пороков договора, истец с этого же дня дол-

жен был осознавать факт нарушения ответчиком исключительных прав на товарные знаки.

Подаче в суд иска о признании договора недействительным предшествовала его подготовка по мотивам несогласия с регистрацией перехода исключительного права на товарные знаки.

Сам факт инициирования компанией судебного процесса о восстановлении нарушенного права указывает на то, что истец значительно раньше владел информацией о посягательствах ответчика и принимал меры по их устранению.

В связи с этим является неверным определение момента начала течения срока исковой давности исходя из даты принятия судебного акта о недействительности договора без учета раскрытых перед судом иных сведений о выявлении компанией фактов нарушения своего права.

Суды безосновательно полагали, что последовательность споров (об оспаривании договора и о взыскании компенсации) влияет на начало течения срока исковой давности. Если для удовлетворения иска по второму делу необходимо решение по первому делу, то рассмотрение первого спора не приостанавливает давность по второму, поскольку истец имеет возможность подать иск о взыскании компенсации и заявить ходатайство о его приостановлении до рассмотрения заявления о недействительности договора. Иных обстоятельств, свидетельствующих о лишении компании возможности прибегнуть к предусмотренному законом компенсаторному механизму защиты до завершения производства по делу о признании договора об отчуждении исключительных прав на товарные знаки недействительным, судами не выявлено.

При этом моменты получения истцом информации об определенных действиях ответчика (в частности, о заключении недействительного договора) и о нарушении этими действиями прав истца могут не совпадать. При таком несовпадении исковая давность исчисляется со дня, когда истцу стало известно о негативных для него последствиях, вызванных поведением нарушителя.

Определение № 305-ЭС25-4071

Применение законодательства о банках и банковской деятельности

24. Денежные средства, списанные банком на основании исполнительных документов в период действия отсрочки их уплаты, не могут быть квалифицированы в качестве убытков.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением к банку о взыскании убытков, причиненных незаконным списанием денежных средств по предъявленным исполнительным листам.

Общество ссылалось на то, что банком в нарушение положений постановления Правительства РФ от 26 марта 2022 г. № 479 “Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве” (далее — постановление № 479) необоснованно произведено списание неустоек,

штрафов по исполнительным листам в размере 2 130 279 руб., в том числе 2 041 710 руб., в части которых постановлением № 479 была предоставлена отсрочка исполнения до 30 июня 2023 г.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, исковые требования удовлетворены.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые судебные акты в части взыскания с банка в пользу общества 2 041 710 руб. и отказала в указанной части в удовлетворении иска в связи со следующим.

В соответствии с п. 1 постановления № 479 с учетом изменений, внесенных постановлением Правительства РФ от 17 мая 2022 г. № 890, от 1 сентября 2022 г. № 1534 и от 30 сентября 2022 г. № 1732, в период начисления неустойки (пени) по договорам участия в долевом строительстве, предусмотренной ч. 6 ст. 5 и ч. 2 ст. 6, в том числе указанные в ч. 9 ст. 4 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ “Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации” (далее — Закон № 214-ФЗ), не включается период, исчисляемый со дня вступления в силу постановления № 479 (29 марта 2022 г.) до 30 июня 2023 г. включительно.

За период до 29 марта 2022 г. неустойки (штрафы, пени) и иные финансовые санкции начисляются, но до 30 июня 2023 г. включительно предоставлялась отсрочка их уплаты.

Указанные требования в силу постановления № 479 в период отсрочки не исполняются банками или иными кредитными организациями, осуществляющими обслуживание счетов застройщика.

За период до 29 марта 2022 г. неустойки (штрафы, пени) и иные финансовые санкции начисляются и соответственно могут быть взысканы судом, однако с предоставлением отсрочки их уплаты до 30 июня 2023 г.

Сторонами не оспаривается, что указанные в судебных актах суммы взысканы с общества как застройщика в пользу участников долевого строительства в рамках Закона № 214-ФЗ.

В части неустоек и штрафа в сумме 2 041 710 руб. за период до 29 марта 2022 г. обществу предоставлена отсрочка уплаты до 30 июня 2023 г. Денежные средства списаны банком со счета общества до указанной даты. Обществом же заявлен иск о взыскании с банка убытков.

В соответствии с п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации” по делам о возмещении убытков истец обязан доказать, что ответчик является лицом, в результате действий (бездействия) которого возник ущерб, а также факты нарушения обязательства или причинения вреда, наличие убытков.

Согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств” кре-

дитор представляет доказательства, подтверждающие наличие у него убытков, а также обосновывающие с разумной степенью достоверности их размер и причинную связь между неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства должником и названными убытками.

Обществом не представлены доказательства несения убытков, неясно, из чего складывается сумма убытков, расчет заявленных сумм убытков не представлен.

Между тем денежные средства, списанные с общества банком в сумме 2 041 710 руб. преждевременно (в период действия отсрочки исполнения судебных актов), не подлежат квалификации в качестве причиненных обществу убытков, поскольку застройщик не освобожден от обязанности эти суммы уплатить, ему предоставлена лишь отсрочка исполнения.

Таким образом, в силу обязательности исполнения вступивших в законную силу судебных актов и исполнительных документов денежные средства после 30 июня 2023 г. подлежали перечислению взыскателям.

Определение № 305-ЭС25-2331

Применение законодательства о государственном оборонном заказе

25. Требование антимонопольного органа о взыскании с хозяйствующего субъекта причиненного им ущерба является реализацией механизма, направленного на компенсацию потерь бюджета в результате неправомерных действий указанного лица, и по своей правовой природе не аналогично требованию о взыскании убытков в порядке ст. 15 ГК РФ.

В рамках исполнения государственного оборонного заказа предприятием с обществом заключен договор на выполнение строительно-монтажных работ. В свою очередь, общество закупило у компании необходимое оборудование, оплата поставки осуществлена за счет бюджетных средств.

По результатам проверки деятельности общества антимонопольный орган вынес предписание о возложении на него обязанности по возмещению ущерба бюджету Российской Федерации в связи с нарушением ч. 3 ст. 8 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ “О государственном оборонном заказе” (далее — Закон № 275-ФЗ). По мнению антимонопольного органа, включение обществом в схему поставки оборудования компании (перепродавца) повлекло завышение цены по договору, что свидетельствует о допущенном им нарушении запретов, установленных положениями ст. 8 Закона № 275-ФЗ. Общество не изучило коммерческие предложения от прямых поставщиков и проигнорировало требования, установленные Положением о государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу, утвержденным постановлением Правительства РФ от 2 декабря 2017 г. № 1465.

Вступившими в законную силу судебными актами арбитражных судов подтверждены факты нарушения обществом требований Закона № 275-ФЗ.

В связи с неисполнением обществом в добровольном порядке указанного предписания ан-

тимонопольный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о взыскании с общества сумм в возмещение ущерба бюджету Российской Федерации.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленного требования отказано. Суды пришли к выводу, что фактически антимонопольный орган требует взыскать с общества убытки по действующему контракту.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые судебные акты и удовлетворила требования антимонопольного органа, указав следующее.

При проведении контрольных мероприятий в соответствии с положениями Закона № 275-ФЗ антимонопольные органы выполняют функции, предусмотренные данным Федеральным законом, в том числе осуществление в пределах своей компетенции государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства в сфере государственного оборонного заказа (п. 1 ст. 15¹), выявление нарушений законодательства в сфере государственного оборонного заказа, принятие мер по их прекращению и привлечение к ответственности за такие нарушения (п. 2 ст. 15¹), обеспечение защиты публичных интересов Российской Федерации при осуществлении государственного контроля (надзора) в сфере государственного оборонного заказа (п. 4 ст. 15¹).

Таким образом, контрольные мероприятия в отношении общества явились следствием выполнения антимонопольным органом функций, возложенных на него Законом № 275-ФЗ.

Следовательно, с момента вступления в законную силу судебных актов, которыми признано законным предписание антимонопольного органа, в спорных правоотношениях наступила правовая определенность, а факт причинения ущерба бюджету Российской Федерации указанным юридическим лицом считается установленным.

Подпунктами “в” и “г” п. 2 ч. 1 ст. 15² Закона № 275-ФЗ установлено, что контролирующий орган выдает обязательные для исполнения предписания о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения законодательства в сфере государственного оборонного заказа, а также средств по возмещению ущерба, причиненного Российской Федерации в результате указанных нарушений.

Данная мера (взыскание в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения) по основаниям и процедуре применения, а также по своим правовым последствиям является специфической формой принудительного воздействия на участников общественных отношений. Она призвана обеспечить восстановление баланса публичных и частных интересов путем изъятия доходов, полученных хозяйствующим субъектом в результате злоупотреблений, и компенсировать таким образом не подлежащие исчислению расходы государства, связанные с устранением негативных социально-экономических последствий нарушения.

Одним из способов реализации антимонопольным органом своих полномочий является обращение в суд с исками и заявлениями о нару-

шении законодательства в сфере государственного оборонного заказа (п. 5 ч. 1 ст. 15² Закона № 275-ФЗ).

Таким образом, заявление антимонопольным органом требования о взыскании с общества причиненного им ущерба является реализацией механизма, направленного на компенсацию потерь бюджета, и по своей правовой природе не аналогично, вопреки выводам судов, требованию о взыскании убытков в порядке ст. 15 ГК РФ.

Учитывая тот факт, что предписание антимонопольного органа было признано законным, действия общества получили судебную оценку, следовательно, противоположный вывод судов об отсутствии оснований для возложения на общество обязанности по возмещению бюджету потерь в заявленном антимонопольным органом размере привел к возникновению правовой неопределенности и конкуренции судебных актов в части оценки одних и тех же фактов, что является недопустимым и фактически исключает исполнимость решения суда и предписания антимонопольного органа.

Определение № 305-ЭС25-3325

Применение законодательства о налогах и сборах

26. В отношении земельных участков, приобретенных (предоставленных) для индивидуального жилищного строительства, но используемых в предпринимательской деятельности, пониженная ставка земельного налога не применяется.

Индивидуальный предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением о признании незаконными действий налогового органа, выразившихся в требовании уплатить земельный налог за 2022 год по ставке 1,5%, а также недействительным отказа налогового органа в применении ставки земельного налога 0,3%.

Указанный налог по ставке 1,5% был исчислен налоговым органом в отношении земельных участков с видом разрешенного использования “для индивидуального жилищного строительства”, находящихся в собственности индивидуального предпринимателя, но переданных им в аренду обществу в целях обеспечения жизнедеятельности населенного пункта и эксплуатации жилищного фонда (в рамках заключенного между обществом и администрацией муниципального района соглашения об инвестировании).

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, требования предпринимателя удовлетворены.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые судебные акты и отказала в удовлетворении заявления предпринимателя, отметив следующее.

В абз. 3 подп. 1 п. 1 ст. 394 НК РФ указано, что налоговые ставки устанавливаются нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований и не могут превышать 0,3% в отношении земельных участков, занятых жилищным фондом и объектами инженерной инфраструктуры жилищно-коммунального комплекса (за исключением доли в праве на земельный участок, приходящейся на объект, не относящийся к жилищному фонду и

к объектам инженерной инфраструктуры жилищно-коммунального комплекса) или приобретенных (предоставленных) для жилищного строительства (за исключением земельных участков, приобретенных (предоставленных) для индивидуального жилищного строительства, используемых в предпринимательской деятельности).

В отношении земельных участков, не указанных в подп. 1 п. 1 ст. 394 НК РФ, налоговые ставки по налогу не могут превышать 1,5% (подп. 2 п. 1 ст. 394 НК РФ).

Из приведенных положений законодательства следует, что при разрешении вопроса о правомерности применения той или иной ставки земельного налога подлежит установлению категории земельного участка и вид разрешенного использования земельного участка, поскольку от указанных обстоятельств зависит возможность извлечения выгоды (экономической ренты) от использования земли в том или ином размере в обычных условиях оборота.

Если использование земельного участка отвечает требованиям его целевого использования, то ставка налога в отношении этого земельного участка применяется исходя из вида целевого использования, указанного в правоустанавливающих (кадастровых) документах.

Вместе с тем в случае возникновения спора для применения пониженной ставки налога необходимо доказать не только отнесение земельных участков к землям, для которых законодательством установлена пониженная ставка земельного налога (0,3%), но и фактическое использование этих земельных участков по целевому назначению.

Кроме того, подп. “а” п. 75 ст. 2 Федерального закона от 29 сентября 2019 г. № 325-ФЗ “О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации” из сферы действия абз. 3 подп. 1 п. 1 ст. 394 НК РФ исключены земельные участки, приобретенные (предоставленные) для индивидуального жилищного строительства, используемые в предпринимательской деятельности.

Соответственно, в отношении земельных участков, приобретенных (предоставленных) для возведения объектов индивидуального жилищного строительства (п. 39 ст. 1 ГрК РФ), воля законодателя направлена на предоставление государственной поддержки непосредственно гражданам, которым приобретенные (предоставленные) для индивидуального жилищного строительства земельные участки принадлежат на соответствующем праве, осуществляющим строительство для удовлетворения собственных нужд, связанных с проживанием.

Коммерческие организации исключены из числа субъектов, которые вправе применять пониженную ставку налога в отношении земельных участков, приобретенных (предоставленных) для индивидуального жилищного строительства, даже в случаях, когда они осуществляют возведение объектов индивидуального жилищного строительства на принадлежащих им участках для реализации построенных объектов гражданам.

Следовательно, налогоплательщики не вправе применять пониженную ставку налога в случаях, когда они не имеют намерения присту-

пать к индивидуальному жилищному строительству, но используют соответствующие земельные участки в своей предпринимательской деятельности как активы, рассчитывая на получение прибыли от их реализации либо на использование земельных участков в качестве объектов залога (ипотеки) и т.п.

Как следует из установленных судами обстоятельств и подтверждается материалами дела, характер сделок с имуществом, а именно приобретение единого земельного участка с последующим разделением его на множество земельных участков, переоформление разрешенного вида использования земельных участков на вид разрешенного использования “индивидуальное жилищное строительство”, количество земельных участков, которое объективно не может быть использовано для личных нужд, использование земельных участков при заключении соглашения об инвестировании в целях развития территории населенного пункта, свидетельствуют именно о предпринимательской цели использования земельных участков.

При этом заявитель, являясь собственником земельных участков, не использует их в какой-либо хозяйственной деятельности (владеет активом). В свою очередь, общество, реализующее инвестиционную программу, правом собственности на земельные участки не обладает и является коммерческой организацией.

Наряду с этим доказательств нахождения на земельных участках жилищного фонда или объектов инженерной инфраструктуры жилищно-коммунального комплекса в 2022 году материалы дела не содержат.

С учетом изложенного, поскольку земельные участки не осваиваются для обеспечения жизнедеятельности населенного пункта и эксплуатации жилищного фонда, их предназначение для данных целей не может подтверждать право на обложение земельным налогом с применением пониженной налоговой ставки.

Определение № 309-ЭС25-172

27. Налогоплательщик вправе принять к вычету сумму налога на добавленную стоимость, уплаченную за товары при их ввозе на таможенную территорию, если товары были ему безвозмездно переданы иностранным поставщиком для целей гарантийного ремонта.

На основании заключенных с обществом контрактов на покупку оборудования иностранный поставщик осуществил безвозмездную поставку запасных частей для замены дефектных деталей оборудования в рамках его гарантийного обслуживания. Общество при ввозе этих запасных частей на таможенную территорию уплатило налог на добавленную стоимость (далее — НДС) и включило его в состав налоговых вычетов (заявило к возмещению).

Налоговый орган отказал обществу в возмещении суммы НДС, предложил уплатить недоимку, а также внести необходимые изменения в документы бухгалтерского и налогового учета.

Не согласившись с решением налогового органа, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании его незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в

удовлетворении заявленных требований отказано.

Суды пришли к выводу, что налогоплательщиком не выполнены предусмотренные ст.ст. 171 и 172 НК РФ условия для применения налоговых вычетов по ввезенным спорным запасным частям: запчасти продавцом фактически не поставлялись (договоры купли-продажи не заключались), стоимость спорных деталей иностранным продавцом к оплате обществу не предъявлялась, а осуществлялось исполнение ранее заключенных 4 контрактов в части гарантийных обязательств продавца перед покупателем по замене дефектных деталей (т.е. продавец безвозмездно устранил недостатки поставленного оборудования).

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые судебные акты и удовлетворила заявление общества в связи со следующим.

Согласно п. 1 ст. 38 НК РФ объектом налогообложения является реализация товаров (работ, услуг), имущество, доход, расход или иное обстоятельство, имеющее стоимостную, количественную или физическую характеристику, с наличием которого законодательство о налогах и сборах связывает возникновение у налогоплательщика обязанности по уплате налога.

Ввоз товаров на территорию Российской Федерации выделен в качестве самостоятельного объекта налогообложения по НДС (подп. 4 п. 1 ст. 146 НК РФ).

При этом действующее законодательство не предусматривает особенностей исчисления или освобождения от НДС на таможене в отношении товаров, ввозимых взамен бракованных без дополнительной оплаты поставщику. Таким образом, при ввозе безвозмездно передаваемых для замены деталей для целей взимания ввозного НДС эти детали признаются товарами.

На основании положений п. 2 ст. 171 и п. 1 ст. 172 НК РФ суммы НДС, уплаченные налогоплательщиком при ввозе товаров на территорию Российской Федерации в таможенных процедурах выпуска для внутреннего потребления, переработки для внутреннего потребления, временного ввоза и переработки вне таможенной территории, подлежат вычетам в случае использования этих товаров для осуществления операций, облагаемых НДС, после принятия их на учет и при наличии документов, подтверждающих фактическую уплату сумм налога при ввозе товаров на территорию Российской Федерации. При этом условий о том, что ввозимый товар должен быть оплачен налогоплательщиком для возможности принятия им к вычету таможенного НДС, Налоговый кодекс РФ не содержит.

Таким образом, НДС, уплаченный при ввозе спорных деталей, может быть принят к вычету при соблюдении общих условий, предусмотренных ст.ст. 171 и 172 НК РФ, а именно: 1) фактическое перемещение товаров через таможенную границу Российской Федерации; 2) уплата налога таможенным органам; 3) принятие импортных товаров к учету; 4) приобретение товара либо для осуществления деятельности, облагаемой НДС (подп. 1 п. 2 ст. 171 НК РФ), либо для перепродажи (подп. 2 п. 2 ст. 171 НК РФ).

Общество в ходе рассмотрения дела указывало на выполнение им вышеуказанных условий

для применения вычета по НДС: запасные части ввезены на территорию Российской Федерации в таможенном режиме выпуска для внутреннего потребления, НДС уплачен в полном объеме за счет собственных средств налогоплательщика, запасные части приняты налогоплательщиком на учет и предназначены для осуществления деятельности, облагаемой НДС.

Общество также сообщало, что запасные части предназначены для осуществления операций, облагаемых НДС, а именно: используются в ремонте оборудования, непосредственно участвующего в производственной деятельности (производстве фанеры, которая затем направляется на продажу). Спорные запасные части списаны обществом на ремонт оборудования, что подтверждено документально и не оспаривалось налоговым органом.

При указанных обстоятельствах выводы судов о невыполнении обществом предусмотренных ст.ст. 171 и 172 НК РФ условий для применения налоговых вычетов по ввезенным запасным частям не могут быть признаны правомерными.

Определение № 301-ЭС25-3037

28. Соразмерность уменьшения стоимости поставленного некачественного товара должна определяться с учетом суммы налога на добавленную стоимость.

Между покупателем и поставщиком заключен договор поставки угольного концентрата, которым предусмотрено право покупателя требовать от поставщика соразмерного уменьшения стоимости поставленного товара по показателю стандартного отклонения при превышении значения 0,10—10% от цены товара. В приложении к договору стороны согласовали качественные характеристики товара, в соответствии с которыми показатель стандартного отклонения должен быть не более 0,10%.

Пробы поставленного товара, оплаченного покупателем в полном объеме с учетом НДС, выявили наличие отклонений в показателях качества угольного концентрата, в результате чего покупатель направил поставщику претензию с рассчитанной суммой соразмерного уменьшения стоимости товара, в том числе сумму НДС.

Отказ поставщика в удовлетворении претензии явился основанием для обращения покупателя в арбитражный суд с исковым заявлением о взыскании суммы соразмерного уменьшения стоимости угольного концентрата.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, исковые требования частично удовлетворены, с поставщика в пользу покупателя взыскана сумма соразмерного уменьшения стоимости товара без учета НДС.

Суды исходили из того, что покупатель вправе требовать соразмерного уменьшения стоимости товара, поскольку поставщик обязательство по поставке угольного концентрата выполнил ненадлежащим образом. Полученный при приемке и исследовании качества угля показатель стандартного отклонения в размере 0,101% превышает показатель 0,10%, который является максимальным значением по условиям договора.

Суды также отметили, что, отгрузив товар в адрес покупателя, поставщик полностью упла-

тил сумму НДС в бюджет, а покупатель, оплатив товар, полностью возместил сумму НДС из бюджета. Взыскивая договорную скидку с суммы НДС, покупатель, по сути, вторично получит сумму НДС, а поставщик дважды ее уплатит, в связи с чем заявленные требования подлежат удовлетворению без учета суммы НДС.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые судебные акты в части отказа в удовлетворении заявленных требований и взыскала с поставщика в пользу покупателя сумму НДС, обратив внимание на следующее.

В силу п. 1 ст. 475 ГК РФ, если недостатки товара не были оговорены продавцом, покупатель, которому передан товар ненадлежащего качества, вправе по своему выбору потребовать от продавца: 1) соразмерного уменьшения покупной цены; 2) безвозмездного устранения недостатков товара в разумный срок; 3) возмещения своих расходов на устранение недостатков товара.

Стороны договора избрали вариант соразмерного уменьшения покупной цены. Поскольку качество спорного угольного концентрата, поставленного по договору, признано судами ненадлежащим, первоначально согласованная цена поставленного товара подлежала уменьшению на сумму соразмерного уменьшения стоимости товара, в том числе сумму НДС.

Пункт 2 ст. 153 НК РФ предусматривает, что при определении налоговой базы по НДС выручка от реализации товаров (работ, услуг), передачи имущественных прав определяется исходя из всех доходов налогоплательщика, связанных с расчетами по оплате указанных товаров (работ, услуг), имущественных прав, полученных им в денежной и (или) натуральной формах, включая оплату ценными бумагами.

В силу п. 1 ст. 154 НК РФ налоговая база по НДС при реализации налогоплательщиком товаров (работ, услуг), если иное не предусмотрено данной статьей, определяется как стоимость этих товаров (работ, услуг), исчисленная исходя из цен, определяемых в соответствии со ст. 105³ НК РФ, с учетом акцизов (для подакцизных товаров) и без включения суммы налога.

Согласно п. 4 ст. 166 НК РФ общая сумма НДС исчисляется по итогам каждого налогового периода с учетом всех изменений, увеличивающих или уменьшающих налоговую базу в этом налоговом периоде. Уменьшение стоимости поставленного товара влечет необходимость изменения налоговой базы по НДС у поставщика и сумм налоговых вычетов по НДС у покупателя.

Соответственно, уменьшение цены поставленного товара, поскольку первоначальная цена была оплачена покупателем полностью, предполагало необходимость уплаты продавцом покупателю суммы соразмерного уменьшения стоимости товара без исключения из нее суммы НДС, так как указанный налог не имеет значения для решения вопроса о рассматриваемой коррекции цены договора.

Определение № 305-ЭС25-115

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
22 декабря 2025 г.)*

(Окончание в следующем номере)

НАЗНАЧЕНИЯ

По представлению Президента Российской Федерации, основанному на представлении Председателя Верховного Суда Российской Федерации, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации назначил на должность первого заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации:

ДАВЫДОВА Владимира Александровича (постановление от 4 марта 2026 г. № 57-СФ).

По представлению Президента Российской Федерации, основанному на представлении Председателя Верховного Суда Российской Федерации, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации назначил на должность заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации — председателя Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации:

ТИМОШИНА Николая Викторовича (постановление от 4 марта 2026 г. № 58-СФ).

По представлению Президента Российской Федерации, основанному на представлении Председателя Верховного Суда Российской Федерации, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации назначил на должность заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации — председателя Дисциплинарной коллегии Верховного Суда Российской Федерации:

НЕФЕДОВА Олега Николаевича (постановление от 4 марта 2026 г. № 59-СФ).

По представлению Президента Российской Федерации, основанному на представлении Председателя Верховного Суда Российской Федерации, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации назначил на должность заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации — председателя Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации:

ХОМЧИКА Владимира Владимировича (постановление от 4 марта 2026 г. № 60-СФ).

По представлению Президента Российской Федерации, основанному на предложении Председателя Верховного Суда Российской Федерации, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации утвердил членом Президиума Верховного Суда Российской Федерации:

ЗАТЕЛЕПИНА Олега Кимовича (постановление от 4 марта 2026 г. № 61-СФ).

По представлению Президента Российской Федерации, основанному на представлении Председателя Верховного Суда Российской Федерации, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации назначил на должности судей Верховного Суда Российской Федерации:

НОГОВИЦЫНА Андрея Анатольевича (постановление от 4 марта 2026 г. № 62-СФ);

КУНЕВА Дениса Анатольевича (постановление от 4 марта 2026 г. № 63-СФ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Давыдов В.А. (главный редактор), Борисова Е.Е., Воронов А.В.,
Глазов Ю.В., Зателепин О.К., Иваненко Ю.Г., Крупнов И.В.,
Нефедов О.Н., Пчелинцева Л.М., Тимошин Н.В.,
Фаргиев И.А., Хаменков В.Б., Хомчик В.В.

ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

Подписано в печать 31.03.2026. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,51. Уч.-изд. л. 7,85. Тираж 3429 экз. Заказ 23-2026.

Отпечатано в ООО “СИНТЕРИЯ”.
127422, г. Москва, ул. Тимирязевская, д. 1, стр. 2, этаж 3, помещение I, чк 11.
Телефон: 495-636-27-08. E-mail: sinteria23051@yandex.ru
